

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

7 (2) 2021

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Информатизация и цифровизация: от экзотики социальных изменений
к рутине социальных практик

THEME OF THE ISSUE: Informatization and digitalization: from exotics of social change to routine
of social practices

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 7, № 2. 2021

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 7, № 2. 2021

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Иванов Д. В., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Шаповалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Кисиленко А. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневикий Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE:

Dmitriy Ivanov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

MANAGING EDITOR: Inna Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: Anastasey Kisilenko, Ph.D. in Sociological Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraimova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Dragoljub Djordjević, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Михалик Я., заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мchedlova Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мchedlova М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Поканинова Е. Б., доктор философских наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, МГИМО – Университет МИД РФ, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Рикуччи Р., Доцент, Экс-Координатор Исследовательской сети 34 «Социология религии» Европейской Социологической Ассоциации, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология межнациональных отношений, Италия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Стоянов Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., Почётный профессор социологии, Экс-Президент Итальянской социологической ассоциации, Экс-Президент XX Исследовательского комитета «Социология религии» Международной социологической ассоциации, Университет Рим-3, Департамент образования, Италия.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарин Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

Jaroslav Mihálik, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Elena B. Pokaninova, Doctor of Philosophy, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Professor of the English Language Department, University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Roberta Ricucci, Associate Professor, Past coordinator RN34 "Sociology of Religion", European Sociological Association (2017-2019), Programme Chair "SAR – Society of Anthropology of Religion", American Anthropological Association, University of Turin, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, Italy.

Elena Rutkiewicz, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Ivan Czvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Emeritus Professor of Sociology, Past President of the Italian Sociological Association, Past President of the Research Committee XX "Sociology of Religion", International Sociological Association, University of Rome 3, Department of Education, Italy.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Иванов Д. В. Информатизация и цифровизация: от экзотики социальных изменений к рутине социальных практик	4	Dmitry V. Ivanov Informatization and digitalization: from exotics of social change to routine of social practices	4
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ		SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE	
Чанкова Е. В., Сорокин О. В. Коммуникативная компетентность россиян	10	Elena V. Chankova, Oleg V. Sorokin Communicative competence of Russians	10
Шаронова С. А. РПЦ перед вызовами цифровизации	26	Svetlana A. Sharonova Russian Orthodox Church facing the challenges of digitalization	26
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ		SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES	
Гаджимурадова Г. И. Информационные технологии и противодействие различным видам экстремизма в эпоху глобализации	40	Gulnara I. Gadzhimuradova Informational technologies and struggle against various types of extremism in the age of globalization	40
Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Богомягкова Е. С. Новые показатели социального развития: включенность в интернет-коммуникации и креативность на сетевых платформах	49	Dmitry Ivanov, Yuri Asochakov, Elena Bogomyagkova New indicators of social development: inclusion in internet communications and creativity on online platforms	49
Шиняева О. В., Каманина В. Е. Изменение профессионального поведения журналистов в условиях трансформации института СМИ	69	Olga V. Shinyaeva, Valentina Ev. Kamanina Changing the professional behavior of journalists in the context of the transformation of the mass media institution	69
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ		SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES	
Богомягкова Е. С., Дупак А. А. Мобильное здравоохранение в действии: практики цифрового селф-трекинга студентов России и Европы	88	Elena S. Bogomyagkova, Anna A. Dupak Mobile Healthcare in Action: Digital Self-tracking Practices of Students in Russia and Europe	88
Гольбрайх В. Б. Экологический конфликт в повестке дня социальной сети	102	Vladimir B. Golbraikh Environmental conflict on the agenda of social network	102
Духанина Л. Н., Максименко А. А. Вынужденная цифровизация школьного образования в России: родительская рефлексия	116	Lubov N. Dukhanina, Aleksandr A. Maksimenko Forced digitalization of school education in Russia: parental reflection	116
Соколова Л. Ю. Политическая коммуникация в социальных сетях: стратегии получения информации пользователями социальных платформ	132	Lyra Yu. Sokolova Political communication in social networks: strategies for obtaining information by users of social platforms	132
Иванов Д. В. Критическая социальная теория в эпоху цифрового отчуждения: обзор глобального круглого стола «Критическая теория сегодня: наследие и применение»	144	Dmitry V. Ivanov Critical Social Theorizing in the Age of Digitalized Alienation: Overview of the Global Roundtable «Critical Theory Today: Heritage and Usage»	144

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-1

Редакторская статья

Иванов Д. В.

Информатизация и цифровизация: от экзотики социальных изменений к рутине социальных практик

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9, 199034
dvi1967@gmail.com

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор материалов специального выпуска журнала «Научный результат», посвященного теме «Социальные практики информатизации и цифровизации». Перед социологами сейчас встает задача исследования цифровизации уже не как тенденции или аспекта комплексных социальных изменений, а как социальной рутины, структурирующей повседневную жизнь людей и воспроизводящей социальные структуры, формирующие солидарности и конфликты, осмысливаемые в научных и общественно-политических дискурсах. Представляемый выпуск журнала призван внести вклад в решение задачи изучения перехода виртуализации общества и вызванной ею цифровизации в режим социальной рутины. Статьи, отобранные для данного выпуска, сфокусированы на двух крупных предметных областях: 1) повседневные практики в условиях цифровой рутины; 2) институциональные структуры перед вызовом цифровизации.

Ключевые слова: информатизация; цифровизация; социальные практики; интернет; социальное развитие

Благодарность: Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РНФ (проект № 21-18-00125).

Информация для цитирования: Иванов Д. В. Информатизация и цифровизация: от экзотики и социальных изменений к рутине социальных практик // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 4-9. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-1.

Guest editor's opening remarks

Dmitry V. Ivanov

Informatization and digitalization: from exotics of social change to routine of social practices

St. Petersburg State University
7-9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia
dvi1967@gmail.com

Abstract. The article presents an analytical overview of the special issue of the Research Result Journal dedicated to the topic ‘Social practices of informatization and digitalization’. Sociologists are now facing the challenge of studying digitalization not as a trend or an aspect of complex social change, but as a social routine that structures people's daily lives and reproduces social structures that form solidarities

and conflicts, as understood in scientific and socio-political discourses. This issue of the Journal is intended to contribute to the challenge of exploring the transition of the virtualization of society and the digitalization caused by it into a mode of social routine. The articles selected for this issue focus on two major subject areas: 1) everyday practices under digital routine; 2) institutional structures facing the challenge of digitalization.

Keywords: informatization; digitalization; social practices; internet; social development

Acknowledgements. This work is based on research supported by the Russian Science Foundation (the grant number 21-18-00125).

Information for citation: Ivanov, D. V. (2021), "Informatization and digitalization: from exotics of social change to routine of social practices", *Research Result. Sociology and management*, 7 (2), 4-9, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-1.

Четверть века назад вышла знаменитая книга Мануэля Кастельса, провозгласившего наступление информационной эпохи (Castells, 1996). Новое общество, идущее на смену индустриальному массовому обществу, было представлено Кастельсом как информационное и сетевое. Научное сообщество в своем большинстве поддержало энтузиазм Кастельса в отношении растущей роли в социальной жизни информационно-коммуникационных технологий, способствующих превращению социальных структур и социальных взаимодействий в более открытые и менее иерархические. Критический взгляд на процессы информатизации, вошедший в себя точку зрения Жана Бодрийяра (Baudrillard, 1981), позволил меньшей части исследователей обратить внимание ученых и общественности не только на позитивные, но и на негативные аспекты использования информационно-коммуникационных технологий и представить социальные практики информатизации и цифровизации как процессы симуляции и виртуализации (Bühl, 1997; Иванов, 2000).

Социологи в России, как и в других странах, следуют в русле менеджериального дискурса информатизации и цифровизации. Первый термин маркирует менеджериальный дискурс конца прошлого века. На протяжении последних 15-20 лет маркер сменился на термин «цифровизация» при сохранении его направленности и

логической структуры. Сейчас менеджериальный дискурс цифровизации (цифровой трансформации) распространился в сферу общественно-политических дебатов и административно-бюрократических решений. Дискурс цифровизации во многом определяет деятельность институтов, формирующих и реализующих программы социально-экономического развития. Этим дискурсом пронизана в том числе Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Цифровизация здесь предстает комплексом инновационных процессов, кардинально меняющих функционирование социальных институтов и общественную жизнь. Однако информатизация и цифровизация как комплекс процессов, переводящих социальные структуры и взаимодействия на сетевые информационно-коммуникационные платформы, функционирующие на основе цифровых технологий, являются инструментальной реализацией и техническим оформлением тех фундаментальных социокультурных изменений, которые уже более двух десятилетий известны как виртуализация общества (Иванов, 2000).

Виртуализация – это замещение реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Социальная жизнь с конца XX века оказалась погружена в виртуальные реальности, создаваемые брендингом, имиджмейкингом, коммуникациями через традиционные и новые цифровые медиа. Образы и коммуникации

зачастую оказываются более эффективными в бизнесе, политике, создании социальных общностей и движений, чем господствовавшие в обществе со времен модернизации институты и интеракции. Виртуализация общества привела к превращению сетевых структур в доминирующие социальные структуры. Цифровые технологии оказались наиболее подходящими средствами и средой создания и трансляции образов во всех сферах социальной жизни. Именно социальной востребованностью цифровых технологий объясняется стремительное их развитие и распространение. Не цифровизация виртуализирует общество, а виртуализация вызывает цифровизацию.

Контраст между возникшей виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим на рубеже XX и XXI вв., однако сейчас, ближе к середине нового столетия, виртуальная реальность образов и коммуникаций перестает быть социальной экзотикой и становится рутинной и обыденностью. Также рутинной становится и цифровизация. Большинство населения ежедневно использует цифровые технологии (Асочаков, Богомягкова, Иванов, 2021; ВЦИОМ, 2021) и погружено в виртуальную реальность образов и коммуникаций и это большинство использует разнообразные цифровые технологии в таких повседневных практиках как работа, потребление, общение, поддержание дружеских и семейных связей, обучение, развлечения, поддержание здоровья, лечение. В этом контексте рутинных социальных практик политика и бюрократический дискурс цифровизации предстает с социологической точки зрения как запаздывающая реакция консервативных институтов индустриальной эпохи – государства, церкви, школы, СМИ и т.п., на социальные изменения. Перед социологами встает задача исследования цифровизации уже не как тенденции или аспекта комплексных социальных изменений, а как социальной рутины, структурирующей повседневную жизнь

людей и воспроизводящей социальные структуры, формирующие солидарности и конфликты, осмысливаемые в научных и общественно-политических дискурсах.

Представляемый выпуск журнала «Научный результат», посвященный теме «Социальные практики информатизации и цифровизации» призван внести вклад в решение задачи изучения перехода виртуализации общества и вызванной ею цифровизации в режим социальной рутины. Статьи, отобранные для данного выпуска, сфокусированы на двух крупных предметных областях: 1) повседневные практики в условиях цифровой рутины. 2) институциональные структуры перед вызовом цифровизации.

Первую предметную область представляют три текста, в которых данные эмпирических исследований практик использования цифровых технологий интерпретируются теоретически как повседневность, определяющая характер социальности и образа жизни современных людей.

Статья Е. В. Чанковой и О. В. Сорокина раскрывает проблематику коммуникационной компетентности как комплекса социальных навыков, определяющих включенность и успешность индивидов в социальном пространстве в условиях виртуализации и цифровизации. Результаты проведенного авторами исследования показали, что коммуникативная компетентность характеризуется высокой ценностью общего социального пространства и коллективным характером его поддержания, приверженностью норме коммуникации как смыслообразующему ориентиру коллективности. При этом сфера первичных социальных контактов (семья, друзья) определена россиянами как самая безопасная в их социальной реальности. Мультикультуральное социальное пространство и сфера предпринимательства являются зоной коммуникативной неуверенности россиян.

В статье Д. В. Иванова, Ю. В. Асочакова и Е. С. Богомягковой практики использования интернета и социальных се-

тей анализируются в контексте проблемы социального развития. На основе результатов эмпирического исследования авторы делают вывод, что включенность в интернет-коммуникации, активность и креативность в них являются показателями развитости сетевых и потоковых структур, формирующих новую социальную рутину. Проведенное исследование дало авторам основание полагать, что это устойчивые и широко распространенные паттерны общественной жизни. Однако уровень развития этих структур в разных сегментах общества не одинаков.

Статья Е. С. Богомягковой и А. А. Дупак содержит результаты эмпирического исследования практик цифрового селф-трекинга студентов России и Европы. В контексте цифровизации технологий заботы о здоровье и перевода профилактического здравоохранения на мобильные платформы коммуникации цифровой селф-трекинг позиционируется как «фронт» тренда цифровизации медицинской сферы. Поэтому актуальность приобретает исследование практик самомониторинга как части стиля жизни молодого поколения. В качестве целевой группы исследования авторами были выбраны студенты, поскольку именно эта социальная категория быстрее и легче интегрирует цифровые технологии в свою повседневность.

Вторая предметная область, которой посвящен данный выпуск журнала, представлена в шести статьях, авторы которых с разных позиций показывают, как трансформировались привычные институты массового общества в результате виртуализации и цифровизации. В текстах, составляющих эту часть выпуска, можно проследить двойственное отношение к цифровизации. Цифровизация может быть средством преодоления фрагментации и клиентизма в структурах гражданского общества, платформой для развития критического дискурса и дискурса протеста. Одновременно цифровизация может быть вызовом для властных структур, связанных с государственными и религиозными

институтами, чья консервативная реакция на изменения находит свое выражение в дискурсе угрозы и дискурсе контроля.

В статье О. В. Шиняевой и В. Е. Каманиной выделены основные характеристики трансформации СМИ как социального института, включая внедрение цифровых технологий передачи информации и виртуализацию информационного пространства. Опираясь на данные проведенного ими эмпирического исследования, авторы приходят к выводу, что в этих условиях журналисты ощущают двойственность профессиональной идентификации: с одной стороны, они являются частью рыночного механизма производства и продажи информации; с другой, они – активные участники гражданских процессов. Отмеченная авторами тенденция отчетливо показывает, что сетевые структуры, развивающиеся в сфере медиапроизводства, при столкновении с привычной нормативностью институтов массового общества порождают противоречия, чреватые социальными конфликтами.

Статья Л. Н. Духаниной и А. А. Максименко рассматриваются изменения родительских представлений о цифровизации школьного образования. Анализируются барьеры цифровизации школьной среды, риски и условия успешного перехода, авторы показывают, что родительские представления о цифровизации школьного образования, имеющие специфические особенности формирования, являются важным фактором успеха трансформации образовательного процесса. В ситуации вынужденного перехода к дистанционному обучению уровень цифровизации школьного обучения оценивается опрошенными родителями как не адекватный в силу недостаточной квалификации педагогов и недостаточной технической оснащенности школ. Результаты информатизации в целом положительно оцениваются большинством родителей, которые считают, что цифровизация открыла дополнительные возможности, но не решает все проблемы обучения.

Статья Л. Ю. Соколовой посвящена особенностям политической коммуникации в условиях перехода в виртуальное пространство значительной части политических процессов. Процессы массовых коммуникаций, в том числе в политической сфере, претерпели значительные изменения. Раньше массмедиа выполняли функцию информирования, а аудитории отводилась роль только получателей информации, но с выходом в интернет-пространство процесс массовых коммуникаций в значительной степени приобрёл интерактивный характер. На основании проведённых фокус-групп автором выявлены и описаны основные стратегии получения политической информации, сделаны выводы о тенденциях информационного поведения пользователей сетевых платформ. Важно отметить, что данные исследования не подтвердили точку зрения о клиповости сознания большинства пользователей социальных сетей. Автор полагает, что данные могут свидетельствовать о том, что у пользователей социальных платформ формируются навыки критического мышления и анализа информации.

В статье В. Б. Гольбрайха на примере конфликта вокруг создания мусорного полигона рассматривается роль социальных сетей в актуализации и политизации экологической повестки. Конфликт вокруг мусорных полигонов стал одним из самых заметных экологических конфликтов в России за последние годы. Используя контент-анализ, автор показал, что протестующие против строительства мусорных полигонов активно использовали социальную сеть «ВКонтакте», создавая в ней тематические сообщества. Однако повестка мусорного конфликта не смогла в существенной мере выйти за пределы территориальных сообществ регионов, непосредственных затронутых этой проблемой. В тоже время одним из серьезных путей распространения информации о конфликте стали не только сообщества, но и страницы индивидуальных пользователей социальной сети.

Статья Г. И. Гаджимурадовой – пример дискурса угрозы и контроля, внедряемого в социологическое сообщество теми исследователями, которые рассматривают интернет как «всемирную паутину» и считают ее «эффективным средством массового информационного воздействия на сознание» и средоточием «экстремистских ресурсов», которые «широко используют средства психологической войны». При всей недостаточности теоретической аргументации и эмпирической обоснованности этот текст заслуживает включения в данный выпуск журнала с тем, чтобы репрезентировать на его страницах тот род дискурса, который воспроизводится на стыке науки и идеологии в государственных, правовых и силовых структурах. Главным мотивом здесь становится стремление использовать информационные технологии и искусственный интеллект в борьбе с внутренними и внешними угрозами, показать связь между использованием современных методов информационных технологий и решением проблем национальной безопасности.

Еще один образец дискурса, возникающего на стыке научного анализа и консервативной идеологии, можно видеть в статье С. А. Шароновой. В статье принят анализ интернет-источников по проблеме взаимоотношений Русской Православной Церкви и Интернета. Ситуация активного перехода общества в цифровое пространство потребовала и от Церкви определенных решений. Хотя у автора нет отчетливого теоретического подхода и определенной методологии сбора, и анализа данных, представленный текст интересен как репрезентация консервативной институциональной реакции на процессы виртуализации и цифровизации. Обзор риторики и практики церковных иерархов и священнослужителей выявляет отчетливую тенденцию: несмотря на негативные высказывания со стороны Патриарха Кирилла и других вышестоящих священнослужителей церковь активно развивает свои интернет-ресурсы, а священники ме-

тодом проб и ошибок осваивают интернет-пространство для общения с прихожанами.

Помимо статей по теме информатизации и цифровизации, в выпуск журнала дополнительно включен обзор виртуальной встречи исследователей, развивающих критическую теорию общества в различных формах и в разных странах. Виртуализация общества и цифровизация не только изменили предмет критического анализа, но и потребовали от исследователей перейти к новым практикам научной коммуникации и к новым формам организации академического сообщества. Такой формой и стал глобальный круглый стол «Критическая теория сегодня: наследие и применение», проведенный на платформе Zoom. Выступления в рамках глобального круглого стола продемонстрировали, что, сохраняя базовые идеи Франкфуртской школы и других марксистских и неомарксистских течений, теоретики работают над открытием новых источников для развития рациональной и в то же время гуманистической и контекстуализированной критики новых форм отчуждения (включая цифровое).

Все материалы, вошедшие в представляемый выпуск журнала «Научный результат», объединяет стремление понять и объяснить те социальные явления и процессы, которые мы уже привычно называем информатизацией и цифровизацией. Различия теоретико-методологических подходов, научных и идеологических позиций при этом не препятствуют, а скорее способствуют исследованию этой проблематики в силу ее комплексности и проникновения во все социокультурные общности и сферы социальной жизни, где сосуществуют разнообразные ценностные ориентации и нормативные порядки.

Список литературы

Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.

Асочаков Ю. В., Богомягкова Е. С., Иванов Д. В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 75-86.

ВЦИОМ. Пользование интернетом. URL: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения: 21.06.2021).

Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997.

Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishing, 1996.

References

Ivanov, D. V. (2000), *Virtualization of Society*, Peterburgskoe vostokovedenie, St. Petersburg, Russia. (in Russian)

Asochakov, Y. V. and Bogomiagkova, E. S. (2021), "New dimension of social development: activities and creativity in the internet communications", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (1), 75-86. (in Russian)

WCIOM (2021), "Internet usage", available at: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (Accessed 21 June 2021) (in Russian)

Bühl, A. (1997), *Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace*, Westdeutscher Verlag, Opladen, Germany.

Castells, M. (1996), *The Rise of the Network Society*, Blackwell Publishing, Oxford, UK.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Dmitriy V. Ivanov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.733

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-2

Оригинальная статья

Чанкова Е. В.¹
Сорокин О. В.²

Коммуникативная компетентность россиян

¹Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36, 117997
chev3@yandex.ru

²Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1, 119333
ov.sorokin@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обоснованию социокультурных особенностей формирования коммуникативной компетентности и ее реализации в сфере межличностных взаимодействий современных россиян. Исследовательская проблема заключается в нарастании интенсивности процессов трансформации межличностных контактов в виртуальную среду. Причиной тому – процессы цифровизации, усиленные карантинными мероприятиями в период пандемии. Значимость исследования определяется необходимостью выявления сущности трансформирующегося феномена для понимания социокультурных механизмов формирования иной реальности и иной коммуникативной компетентности. Поскольку современное российское социокультурное пространство интегрировано в общемировые тенденции, феномен коммуникативной компетентности рассмотрен с позиции современных кросскультурных связей – как фактор интеграции мирового сообщества в условиях современных вызовов. Результаты проведенного исследования показали, что коммуникативная компетентность россиян в их повседневных имеет институциональную природу и сформирована под влиянием исторически обусловленных традиций. Коммуникативная компетентность характеризуется высокой ценностью общего социального пространства и коллективным характером его поддержания, приверженностью норме коммуникации как смыслообразующему ориентиру коллективности. При этом наблюдается разрыв между терминальными целями и инструментальными средствами их реализации в неэффективных стратегиях поведения. Сфера первичных социальных контактов (семья, друзья) определена россиянами как самая безопасная в их социальной реальности. Многонациональные и мигрантские социальные круги, предпринимательство, по данным исследования, являются зоной коммуникативной неуверенности россиян. На этом неоднородном фоне респонденты оценивают уровень своей коммуникативной компетентности как высокий и достаточно высокий, что свидетельствует об их интеграции в своем социокультурном пространстве с развитыми механизмами

компенсации инструментальных коммуникативных дефицитов. Представленные результаты являются вкладом в понимание тенденций развития российского социокультурного пространства как целого, так и части мирового социокультурного пространства.

Ключевые слова: современные межличностные взаимодействия; коммуникативная компетентность институционального типа; традиционная основа институциональной коммуникативной компетентности

Благодарность: исследование проведено в рамках проекта РФФИ, грант № 20-011-00585 «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности».

Информация для цитирования: Чанкова Е. В., Сорокин О. В. Коммуникативная компетентность россиян // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 10-25. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-2.

Original article

Elena V. Chankova¹
Oleg V. Sorokin²

Communicative competence of Russians

¹Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation
chev3@yandex.ru

²Institute for Socio-Political Research Federal Center of theoretical and applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russian Federation
ov.sorokin@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the issues of communicative competence in the field of interpersonal contacts of modern Russians. The research problem lies in the increasing intensity of the processes of transformation of interpersonal contacts into a virtual environment. The reason for this is the digitalization processes, reinforced by quarantine measures during the pandemic. The significance of the study is determined by the need to identify the essence of the transforming phenomenon in order to understand the socio-cultural mechanisms of the formation of a different reality and different communicative competence. Since the modern Russian socio-cultural space is integrated into global trends, the phenomenon of communicative competence is considered from the standpoint of modern cross-cultural ties, as a factor in the integration of the world community in the face of modern challenges. The results of the study showed that the communicative competence of Russians in their daily interpersonal contacts is of an institutional nature and is formed under the influence of historically conditioned traditions. Communicative competence is characterized by a high value of the common social space and the collective nature of its maintenance, adherence to the norm of communication as a sense-forming landmark of collectivity. At the same time, there is a gap between terminal goals and tools for their implementation in ineffective strategies of behavior. The sphere of primary social contacts (family, friends) is defined by Russians as the safest in their changing social reality. Zones of communicative success (family, friends) and insecurity of Russians (multinational and migrant social circles, entrepreneurship) were identified. Against this contradictory background, Russians assess their level of communicative efficiency as

high and sufficiently high, which indicates their integration in their socio-cultural space with developed mechanisms for compensating for instrumental deficits. The presented results are a contribution to understanding the development trends of the Russian sociocultural space as a whole and as a part of the world sociocultural space.

Keywords: modern interpersonal interaction; communicative competence of an institutional type; the traditional basis of institutional communicative competence

Acknowledgment: the research was carried out within the framework of the RFBR project, grant No. 20-011-00585 “Self-regulation of youth life in a changing social reality”.

Information for citation: Chankova, E. V., Sorokin, O. V. (2021), “Communicative competence of Russians”, *Research Result. Sociology and management*, 7 (2), 10-25, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-2.

Введение (Introduction). Формирование межличностных социальных связей, интегрирующих социальное пространство на уровне повседневных социальных взаимодействий, приобретает особую актуальность на фоне социальных трансформаций. Рост неопределенности, цифровизация и виртуализация коммуникативного пространства, снижение роли некогда привычных институциональных регуляторов переводит задачу сохранения социальных связей на уровень коммуникативной компетентности отдельных личностей.

Подобные исследования особенно актуальны в условиях современных противоречивых трендов. С одной стороны, интенсивность преобразования межличностных коммуникаций в виртуальные цифровые требуют понимания исходных характеристик трансформирующихся коммуникаций и коммуникативной компетентности. Это позволяет проследить направленность изменения современных коммуникаций в интенсивно преобразующемся социокультурном пространстве, выявить наиболее устойчивые механизмы саморегуляции коммуникативной компетентности в изменяющейся реальности.

С другой стороны, развивающийся тренд глобализации и нарастания кросс-культурных коммуникаций, социокультурной диффузии между странами происходит на фоне воспроизводства социокультурных особенностей, сформированных исторически. Традиции, существующие на уровне глубинных смыслов, часто

не подвергаются рефлексии, но повторяются на практике и во многом определяют социокультурный контекст взаимодействий и обеспечивающей их коммуникативной компетентности. Понимание подобного рода механизмов и процессов на уровне межличностных контактов в межкультурных взаимодействиях может способствовать снижению культурных барьеров и повышению уровня международной интеграции (Rodin, 2016; Turner, 2018; Womack, 2000; Ting-Toomey, 2018; Bogolubova, 2017).

В данной статье приводятся результаты исследования коммуникативной компетентности личности в современных межличностных практиках взаимодействия, позволяющие понять традиционные основы построения социальности с учетом российской ментальности.

Коммуникативная компетентность личности в современных российских практиках рассматривается как фактор интеграции российского социокультурного пространства в условиях повышения угрозы разрывов коммуникаций как следствия роста неопределенности. Данный тренд распространяется на социокультурное пространство мирового сообщества, и особенности коммуникативной компетентности могут быть учтены и встроены в общемировое социологическое знание.

Методология и методы (Methodology and methods). В статье представлены результаты письменного опроса, проведенного автором в Москве и Московской об-

ласти в 2010-2012 г.г. (N=360, выборка целевая), а также исследования, проведенного совместно с Центром социологии молодежи Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социально реальности» осенью 2020 года в столичных вузах (Чанкова, Сорокин, 2021). Опрос проведен в гугл-формате методом снежного кома и носил пилотный характер. Количество опрошенных составило 100 человек в возрасте 17-19 лет.

Концепция исследования обоснована теорией социальной реальности (А. Шюц), особенностями ее конструирования (П. Бергер, Т. Лукман), пониманием социокультурных механизмов изменяющейся социально реальности (Зубок и Чупров, 2017), теорией социального действия (Т. Парсонс), концепцией коммуникативного действия и его взаимосвязи с моральным сознанием (Ю. Хабермас).

Обращение к концепции социального действия Т. Парсонса связано с описанием институциональных форм поведения человека, когда ценности, нормы, правила упорядочивают действия субъекта и придают им целесообразность (Парсонс, 1996). Помимо социального действия, Т. Парсонс выделяет более общий контур жизнедеятельности актора: личность актора, социальная система, культурная система, приводящие общество к жизнеспособности и равновесию благодаря взаимодействию данных трех элементов. На наш взгляд, благодаря коммуникативной компетентности личность становится способной к данной триаде и взаимодействию в ней. Реализуется коммуникативная компетентность благодаря институциональному механизму своего формирования. В коммуникативной компетентности проявлены особенности как саморегуляционных, так и целеориентированных институциональных механизмов (Чупров, 2011: 95). В институциональных социальных структурах целеориентированные механизмы формирования коммуникативной компетентно-

сти, включающие социально-конвенциональные, нормативно-санкционирующие и нормативно-ориентирующие, играют ведущую роль. Социокультурные механизмы коммуникативной компетентности формируются и проявляются в ходе развития институтов, когда утверждаются такие способы коммуникативно компетентного поведения, которые выполняются большинством и интериоризируются в общественном сознании. Внешние факторы эволюции институционального механизма коммуникативной компетентности: повышение роли личности в жизни социума, цифровизация (Чупров, 2011: 95) – обуславливают рационализацию проявлений коммуникативной компетентности личности и ее независимость от системы.

Институциональный механизм саморегуляционного характера, формирующийся под влиянием снижающейся роли системы в жизни личности, под влиянием информационных технологий, приводит коммуникативную компетентность к изменениям и является пусковым фактором динамических процессов в ее структуре.

Социальная реальность, рассматриваемая как «вся совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объект обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций» (Шюц, 1994: 485). Социальная реальность индивида как продукт его жизненного опыта является динамической структурой и под влиянием опыта подвергается переосмыслению и переконструированию. Коммуникативная реальность является результатом осмысления и конструирования индивидом своего коммуникативного опыта, и коммуникативная компетентность, обеспечивающая эффективность интеракций, также подвергается изменениям (Зубок, Чупров, 2017).

Концепция конструирования социальной реальности индивидом позволяет вскрыть механизмы построения им его повседневных социальных связей. Социаль-

ная реальность рассматривается как отраженная в индивидуальном сознании объективная действительность – в ходе взаимодействия с другим. Обращение к структурам сознания индивида в построении его социальных связей обнаруживает потенциал менталитета, архетипов, коллективного сознания в структуре коммуникативной компетентности личности и позволяет учитывать социокультурные особенности коммуникации, сложившиеся исторически и обусловленные глубинными структурами памяти и сознания. Данная постановка исследовательского вопроса открывает перспективы для понимания особенностей и построения прогнозов кросскультурных и межнациональных взаимодействий в условиях роста глобализации.

Коммуникативная компетентность личности трактуется автором «...как способность обеспечивать свою социальность и сохранять социальные связи в условиях изменяющейся реальности посредством владения знаниями, ценностями, нормами и умениями коммуникации на основе следующих принципов: интериоризации изменчивости как имманентной характеристики современности; опознавания, типизации и рационализации ожиданий с учетом изменяющихся условий; рефлексии социокультурных оснований коммуникативных взаимодействий; выработки новых норм коммуникации и коммуникативных практик; самостоятельного регулирования коммуникативных взаимодействий на основе рефлексивного выбора ее оптимального режима» (Чанкова, 2018: 17).

Интериоризация стабильности как имманентной характеристики пространства межличностных взаимодействий; опознавание, типизация и рационализация ожиданий на основе статусно-ролевых оснований поведения; саморегуляция коммуникации на основе однозначно одобряемого выбора в рамках социального института; жесткие формы регуляции институциональных ценностно-нормативных структур; использование готовых одобряемых социокультурных норм и образцов

действий – являются целеориентированными институциональными механизмами в формировании коммуникативной компетентности институционального типа. Исследование характеристик коммуникативной компетентности в межличностной институциональной среде позволяет увидеть преемственность в изменениях в коммуникативной компетентности личности в условиях изменения социальной реальности. Выявление данной преемственности определяет понимание развития саморегуляционного механизма в формировании коммуникативной компетентности. Важно понимать, что в условиях дифференцированных социокультурных сред коммуникативная компетентность сохраняет свою структуру, а изменениям подвергаются ее элементы: ценности, нормы, умения, способы поведения, картина жизненного мира (Чанкова, 2018: 17).

Концепция коммуникативного действия Ю. Хабермаса опирается на характеристики сознания в их взаимосвязи с моральным сознанием. Данная взаимозависимость названных категорий проявляется, по Ю. Хабермасу, в доконвенциональных, конвенциональных и постконвенциональных интеракциях (Хабермас, 2010). По мнению автора, в зависимости от развитости морального сознания, у акторов могут иметь место разные мотивы вступления в интеракцию, которое определяют различное понимание нормы коммуникации. Данный подход к пониманию взаимодействий содержит допущение вероятности неотрефлексированных моральных представлений о коммуникации. В данном понимании проявляется взаимосвязь с традиционным укладом построения взаимоотношений как механизмом коммуникативной компетентности.

Рассмотренные практики россиян представляют собой межличностные повседневные взаимодействия, использующие сформированные культурой средства коммуникации в полном их объеме и регулируемые институционально. Для межличностных повседневных коммуникаций

Кловайтом Н. найдена точная метафора, отражающая характер данного вила коммуникаций и получившая название «полнотелесности» (Кловайт, 2015: 177).

В подобных интеракциях институционально разработанные и зафиксированные в сознании индивидов регуляторы социокультурных связей являются основой коммуникации. Социокультурные нормы и правила являются культурными детерминантами и смысловыми опорами выбора средств коммуникации. Нормативные представления, таким образом, выступают фактором саморегуляции коммуникации, а их усвоение – задачей коммуникативной компетентности.

Взаимные ожидания в институциональных взаимодействиях играют существенную роль, они определяют формирование стратегий поведения, дисциплинируют, устанавливают зоны репутационных рисков в случае несоответствия ожиданиям.

Безусловно, нормативные представления и взаимные ожидания порождают образцы поведения, оказывающие культурно давление на индивидов. Подобными примерами культурного давления могут быть правила этикета, правила для определенных ситуаций, регулирующие более внимательный отбор средств коммуникации.

Другой тип контактов основан на другого рода принципах и реализуется в виртуальных взаимодействиях.

Выборка для эмпирической верификации коммуникативной компетентности формировалась на основе данных двух типов интеракций. Так как дифференцирование выборочной совокупности строилось по одному признаку – способу взаимодействия респондентов, выделились две подгруппы: «реальных интеракций» и «виртуальных интеракций». Данные условные названия не сужают смысла способов коммуникации и способов взаимодействия и коммуникативной компетентности в них, но помогают выявить значимые различия для исследования коммуникативной ком-

петентности в условиях изменяющейся социально реальности. Однородность характера групп с точки зрения доминирующего взаимодействия определила применение метода целевой выборки (Ядов, 1972). В «реальной» и «виртуальной» группах было опрошено по 175 респондентов.

Отметим, что для метода целевой выборки количество опрошенных респондентов не является решающим фактором при определении степени валидности полученных результатов. Вместе с тем данный опрос в совокупности с проведенным в 2020 году опросом, имеющим пилотную направленность, носит характер в большей степени утверждения концепции коммуникативной компетентности личности в условиях изменяющейся социально реальности и определения устойчивых тенденций ее проявления в российских коммуникативных практиках.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Предметом анализа реальных интеракций стали представления респондентов о коммуникации и ее функциях, отражение ценностно-нормативных оснований коммуникативной компетентности в социальной реальности респондентов. Характер коммуникативных умений и поведенческих установок респондентов позволил выявить соотношение терминальных ценностей – целей и инструментальных ценностей – средств в реализации коммуникативной компетентности институционального характера. Эти элементы анализа представляются весомыми параметрами повышения эффективности процесса коммуникации, существенными чертами коммуникативной компетентности.

Классификация социальных связей по степени долговременности и устойчивости контактов положена в основу представлений респондентов о коммуникации (Штомпка, 2005).

Распределение показало (допускался выбор нескольких позиций), что 56% ответивших под коммуникацией понимают нахождение в социальном пространстве,

63% – связывают коммуникацию с разговорами, 49% – с деловыми контактами. 31% респондентов видят коммуникацию как устойчивые отношения. При этом только для каждого третьего (29%) коммуникация – это «треп о приятных пустяках» и для 23% – необязывающие контакты иногда. Для большинства ответивших коммуникация связывается с прочными долговремен-

ными отношениями, общим делом. Социальное пространство связывается с экзистенциальными смыслами, представляется как базовая основа жизни, а коммуникативная компетентность по своей структуре тяготеет к терминальным ценностям.

При оценке степени значимости социальных связей в своей жизни респонденты ответили следующим образом.

Таблица 1

Степень значимости социальных связей (в индексах)¹

Table 1

Degree of importance of social ties (indices)

Вид социальных связей / Type of social connections	Индекс значимости социальных связей / Social Connections Significance Index
Устойчивости отношений / Sustainable relationship	0,62
Нахождение среди людей / Being among people	0,53
Общие дела / Common affairs	0,53
Разговоры на разные темы / Conversation on different topics	0,44
Необязывающие контакты / Non-binding contacts	0,30
Оказание воздействия / Providing impact	0,22
Треп о пустяках / Talk about trifles	-0,13

В соответствии с распределением, наиболее высокий индекс значимости получили «устойчивые отношения», «нахождение среди людей» и «общие дела» (0,62; 0,53 и 0,53 соответственно). Данный выбор ответивших связан с общими коллективными ценностями, определяющими однородное социальное пространство, в котором ответившие чувствуют себя «среди людей». В нем респондентам важно иметь совместную значимую деятельность, основанную на сходных ценностях. Устойчивость отношениям придают социокультурные регуляторы, а механизм их

формирования связан с подтверждением взаимных ожиданий, что выражается через институциональность. Ощутимы терминальные ценности в устойчивых социальных связях как характеристика коммуникативной компетентности, опора в коммуникации на определенность и однозначность своего жизненного мира.

Устойчивые отношения характерны для семейной и деловой сфер. Эти зоны взаимодействия определяют доминирующее содержание социально жизни респондентов. Необязывающие же контакты (с индексом значимости 0,30) – оцениваются

¹ Индекс значимости социальных связей рассчитывался по формуле $(1 \cdot A) + (0,5 \cdot B) + (-1 \cdot C) / 100\%$, где А – высокая степень значимости, В – невысокая степень значимости, С – низкая степень значимости социальных связей. Индекс может принимать значение от +1 до -1, где +1 обозначает полное признание значимости социальных связей, а -1 – абсолютная незначимость социальных связей.

значительно ниже по степени значимости. «Треп о пустяках» имеет отрицательный индекс значимости, что характеризует наполнение социальных связей.

Полученные эмпирические данные соответствуют характеристикам россиян, описанным в подобных исследованиях (Зотов, 2017; Осадчая, 2013; Реутов, 2012)

и определяют область отчетливого проявления компетентности личности в коммуникации.

Представления об основных функциях коммуникации – поддерживающей, социальной, экспрессивной, инструментальной-выглядят следующим образом.

Таблица 2

Отображение функций коммуникации в представлениях респондентов
(в индексах значимости)¹

Table 2

Display of communication functions in respondents' views (significance indices)

Отображения коммуникативных функций / Communication function representations	Индексы значимости/ Indices
Важно осознавать, что Вы не одни / It is important to realize that you are not alone	0,03
Проще решать профессиональные вопросы / It is easier to solve professional issues	-0, 01
Важна поддержка и принятие окружения / Support and acceptance of the environment are important	-0, 04
Легче справляться с трудными ситуациями / It is easier to deal with difficult situations	-0, 05

Для социальной функции, когда «важно осознавать, что Вы не одни» – индекс значимости имеет величину 0, 03, является самым высоким и подтверждает значимость терминальных ценностей в коммуникативной компетентности. Инструментальная (-0,01), экспрессивная (-0,04) и поддерживающая (-0,05), хотя и связывается с ценностью общего пространства, тем не менее подразумевает применение соответствующего прикладного инструментария, значимость которого на фоне социальной функции выглядит невыигрышно. Можно предположить из данного распределения, что инструментальные ценности – средства в структуре коммуникативной компетентности не являются значимыми. Взаимодействия создают общее простран-

во жизнедеятельности, общий социальный фон респондентов. А средства коммуникации оказываются существенно менее значимы. Таким образом, по распределению степени значимости функций коммуникации доминирующую величину имеет социальная функция, остальные функции, требующие большей инструментализации, ценятся значительно ниже.

Представленный ниже результат о целях респондентов в коммуникациях коррелирует с их представлениями о значимости коммуникаций в жизни людей. Как показывает распределение, социальная цель коммуникации, направленная на сохранение и поддержание социальных связей, коллективистического уклада жизни – является значимой для 80,4% ответивших,

¹ Расчет индекса. Индекс значимости функций коммуникации конструируется как разность между положительным (очень высока степень значимости) и отрицательным (не значимо) ответами респондентов, соотношенная с общим числом опрошенных. Принимает значения от -1 (абсолютно незначимо) до +1 (Очень значимо). Индекс 0 означает разделение значимости.

что указывает на традиционные культурные корни российской коллективной жизни.

Достижение же своей цели, то есть прагматический аспект в целеполагании в коммуникации, связанный с ее инструментализацией – характерен лишь для 19,6% ответивших. Коммуникативная компетент-

ность в институционально регулируемых межличностных отношениях на целевом уровне обусловлена исторически сложившейся традиционной культурой.

Описание соотношения у респондентов цели коммуникации с мотивами вступления в коммуникацию приведено ниже.

Таблица 3

Мотивы коммуникации (индексы значимости)¹

Table 3

Motives of communication (significance indices)

Мотивы вступления в коммуникацию/ Motives for entering communication	Степень значимости мотива коммуникации / The degree of importance of the motive of communication
В общении вы обычно ведете себя так, чтобы избежать осуждения (доконвенциональный уровень мотива) / In communication, you usually conduct yourself in such a way as to avoid judgment (preconventional level of motive)	0,48
В общении вы обычно делаете то, что одобряется, что принято (конвенциональный уровень мотива) / In communication, you usually do what is approved, what is accepted (conventional level of motive)	0,52
В общении вы обычно обмениваетесь взглядами, даже в случае их несовпадения (постконвенциональный уровень мотива) / In communication, you usually exchange views, even if they do not coincide (postconventional level of motive)	0,43

Как видно из распределения мотивов коммуникации, среди ответивших выделяется как наиболее значимый, предполагающий одобряемые, общепринятые действия (0,52). В его основе лежат утвердившиеся в культуре нормы поведения, которые используются для рационализации своего взаимодействия. Тот факт, что нормативность лежит в основе коммуникации, указывает на интериоризированность нормы в структуре личности ответивших.

В мотиве вступления в интеракцию лежит идея социального порядка, обеспеченного коллективными смыслами, придающими устойчивость как коммуникации, так и социальному пространству, в котором действия разворачиваются. Таким образом, в реальных интеракциях преобладает выбор нормы конвенционального характера в структуре коммуникативной компетентности личности.

¹ Расчет индекса. Индекс значимости мотивов вступления в коммуникацию рассчитывался по формуле $(1 * A) + (0,5 * B) + (-1 * C) / 100\%$, где А – высокая степень значимости, В – невысокая степень значимости, С – низкая степень значимости мотива вступления в коммуникацию. Индекс может принимать значение от +1 до -1, где +1 обозначает высокий индекс значимости, -1 – абсолютно незначимый индекс значимости мотива вступления в коммуникацию.

При этом в ситуациях ценностно-смыслового разрыва сниженной оказывается значимость обмена взглядами и смыслами, когда актер выражает отличную от других позицию (0,43). Подобная постановка вопроса связывается с общим пространством коммуникации со сходными установками и детерминантами взаимодействия, когда инакомыслие не только не приветствуется, но приводит к смысловым разрывам общего социального пространства.

Подведем итог о представлениях респондентов о сущности и функциях коммуникации, мотивах вступления в интеракции. Суть коммуникации связывается у респондентов с общим социальным пространством, при этом основной функцией

коммуникации видится создание такого пространства. Ведущим мотивом вступления в коммуникацию для респондентов является поддержание созданного социального пространства. Таким образом, респонденты демонстрируют выраженные терминальные ценности в представлениях о коммуникации, что характеризует коммуникативную компетентность в реальных взаимодействиях.

Для определения средств коммуникации, применяемых респондентами, была применена методика поведенческих стратегий Томаса-Киллмена. В ответах респондентов отражены их установки о предпочитаемых способах поведения, характеризующих их коммуникативную компетентность.

Таблица 4

Коммуникативные установки (в процентах от числа опрошенных)

Table 4

Communicative attitudes (% of the total number of respondents)

Виды коммуникативных установок / Types of communicative attitudes	Реализуемая коммуникативная установка / Implemented communicative attitude	Ожидаемая коммуникативная установка со стороны окружения / Expected communicative attitude from other people
Приспособление / Adaptation	37,3	19,0
Избегание / Avoidance	20,4	8,0
Соперничество / Rivalry	19,6	2,0
Сотрудничество / Cooperation	13,5	32,0
Компромисс / Compromise	6,5	38,0

Наиболее предпочитаемый респондентами способ поведения – приспособление (37,3 %), то есть склонность к сохранению отношений в ущерб своему интересу, наименее предпочитаемый – 6,5% – компромисс. Другим стратегиям – избеганию, соперничеству, сотрудничеству – не отдается предпочтение. Доминирование приспособления как социальной практики связывается с адаптивностью к социальному пространству, с отсутствием потребности в инновациях, с устоявшимся характером

социальных практик. Адаптивность указывает на институциональный характер коммуникативной компетентности, на заложенную в ее механизм готовность встраиваться в предлагаемые системой условия. Доминирование приспособления является чертой коммуникативной компетентности институционального типа.

Как видно из представленного распределения, между поведенческими установками респондентов и их ожиданиями от других просматривается достаточно слабое соответствие. Социально устойчи-

выми являются пары «сотрудничество-сотрудничество» и «соперничество-приспособление» (Шендрик, 2006). В соответствии с распределением ответов респондентов, сочетание «сотрудничество-сотрудничество» назвали как наиболее приемлемое для них 6,1% ответивших, сочетание «соперничество-приспособление» – назвали 1,2% ответивших. 37,1% в качестве приемлемого способа поведения и ожидания от другого назвали «приспособление – компромисс». Стратегии поведения и ожидания в ответ не являются социально устойчивыми. Неэффективные средства коммуникации, которые выбирают респонденты в качестве поведенческих стратегий, коррелируют с низкими показателями степени значимости инструментальных целей и инструментальной функции коммуникации. Мы видим сочетание высокой ценности общего жизненного пространства, ориен-

тацию на его сохранение, приверженность норме коммуникации как коллективной ценности, интериоризацию идеи сохранности традиционных устоев общинной жизни – и дефицит в культурном бэкграунде респондентов средств реализации коммуникативных целей. Коммуникативная компетентность институционального типа в российских межличностных практиках характеризуется разрывом между терминальными и инструментальными целями, между значимостью общего социального пространства и дефицитом инструментов его сохранения.

На этом фоне респондентами достаточно высоко оценивается собственный уровень коммуникативной компетентности (Чанкова, 2018). Субъективное мнение респондентов об уровне своей коммуникативной компетентности распределилось следующим образом.

Таблица 5

Субъективное мнение респондентов об уровне своей коммуникативной компетентности (в%)

Table 5

Subjective opinion of respondents about the level of their communicative competence (%)

Самооценка коммуникативной компетентности / Self-assessment of communicative competence	% от числа ответивших / % of the number of respondents	Как, на взгляд опрошенных, оценивают окружающие их коммуникативную компетентность / How, in the opinion of the respondents, people around them assess their communicative competence	% от числа ответивших / % of the number of respondents
Высокий уровень / High level	40,0	Высокий уровень / High level	26,9
Скорее высокий / Rather high	42,7	Скорее высокий / Rather high	46,2
Скорее низкий / Rather low	5,4	Скорее низкий / Rather low	10,4
Низкий / Low	8,0	Низкий / Low	0
Не задумывался / Didn't think about it	3,9	Не задумывался / Didn't think about it	16,5

В соответствии с представленными эмпирическими данными, 82,7% респондентов расценивают свой уровень коммуникативной компетентности на высоком и скорее высоком уровне, что указывает на достаточно высокий уровень их интеграции в социальных связях.

17,3% сомневаются или считают себя некомпетентными (Чанкова, 2014). Чуть меньше, 73,1% ответивших видят себя коммуникативно компетентными в глазах окружающих. Данное распределение отражает не только самооценку ответивших, но и обратную связь, которую они

получают на постоянной основе от других участников коммуникации. Можно предположить, что данное распределение отражает интегральную оценку эффективности межличностных коммуникаций респондентов в своем социальном пространстве и мы видим, что она является удовлетворительной. Несмотря на низкий уровень инструментальной оснащенности коммуникативной компетентности в межличностных взаимодействиях, респонденты удовлетворены качеством своих социальных связей и состоянием социального пространства. В подобного рода удовлетворенности межличностными взаимоотношениями, вероятно, кроется основа солидарности и единения россиян.

Дефицитарность применяемых средств коммуникации восполняется другими возможностями, имеющимися в арсенале коммуникативной компетентности респондентов. Так, в стратегии приспособления, преобладающей в распределении ответов, содержится адаптационный ресурс к коллективной жизни. Ценность приверженности норме усиливает адаптационный потенциал приспособления, этот социокультурный контур заложен в традицию российского коллективного уклада жизни.

Эмпирические результаты о сферах уверенности респондентов в коммуникации, представленных социальными кругами, приведены в таблице 6.

Уверенность в коммуникации в социальных кругах (в индексах значимости)¹

Table 6

Communicative confidence in social circles (significance index)

Социальные круги / Social circles	Индекс уверенности / Confidence Index	Социальные круги / Social circles	Индекс уверенности / Confidence Index
Нестатусные (дружеские) социальные круги / Non-status (friendly) social circles	0,80	Статусные (служебные) / Status (service) social circles	0,60
Наемные работники / Wage-earners	0,42	Предприниматели / Entrepreneurs	0,25
Коренные жители / Native people	0,60	Мигранты / Migrants	0,19
Однонациональные / Single-national	0,43	Многонациональные / Multinational	0,23
Предпочитающие следовать норме / Preferring to follow the norm	0,49	Нарушители нормы, потому, что нравится ее нарушать / Norm breakers because they like to break it	0,1

¹ Расчет индекса коммуникативной уверенности рассчитывался по формуле $(1 \cdot A) + (0,5 \cdot B) + (-1 \cdot C) / 100\%$, где А – высокая степень коммуникативной уверенности, В – невысокая степень коммуникативной уверенности, С – низкая степень коммуникативной уверенности. Индекс может принимать значение от +1 до -1, где +1 означает высокий индекс коммуникативной уверенности, -1 – абсолютно незначимый индекс коммуникативной уверенности.

В соответствии с распределением, сферой, где респонденты чувствуют себя в общении наиболее уверенно, являются дружеские круги. В предпринимательских кругах уверенность в интеракциях представлена индексом значимости 0,25, это вдвое ниже сходного показателя среди наемных работников (0,42). Данное распределение может быть связано с нравственным портретом современного российского бизнесмена, нередко не вызывающим симпатий. Многонациональные и мигрантские социальные круги являются зоной коммуникативной неуверенности респондентов (0,23 и 0,19). Вероятно, что этнические различия в нормах и ценностях по сравнению с российскими, вызывают беспокойство, но не толерантность у респондентов.

Феномен межэтнического напряжения объясняется стереотипами «свой»-«чужой» (Дмитриев, 2015: 143) и связан часто с бессознательным желанием сохранения благополучия и соединением со «своей» группой (Дмитриев, 2015: 143). Данное объяснение проясняет некоторую жесткость в идентификации актора в межэтнических отношениях, а также низкую

коммуникативную уверенность и коммуникативную неэффективность в данной сфере.

Индекс уверенности в коммуникации в сообществах, где принято соответствовать норме – 0,49, а восприятие нарушителей нормы по причине пристрастия к девиациям – 0,1. Сопоставление данных установок указывает на достаточно жесткую их детерминацию в условиях однозначности институционального выбора, что для коллективного сознания является средством рационализации коммуникативных действий респондентов. Коммуникативная компетентность ответивших основывается на соблюдении нормы интеракции. Интересно, что мотивы нормативности во взаимодействии существенно различаются, однако ценность приверженности норме является объединяющим, интегрирующим фактором в коммуникациях респондентов, что указывает на ее институциональные основания.

Умения коммуникации, которыми владеют респонденты, распределились с точки зрения их значимости для реальных интеракций – следующим образом и представлены в таблице 7.

Таблица 7

Умения в коммуникации по степени значимости (в индексах)¹
(Зубок, Чанкова, 2019)

Table 7

Significance of communication skills (significance index)

Умения эффективного реального общения / Effective real communication skills	Значимость умений эффективного реального общения (в индексах) / Importance of effective real communication skills (significance index)
Понимание того, что вы хотите сказать / Understanding what you want to say when communicating	0,81
Понимание того, что хочет сказать ваш партнер / Understanding what your partner wants to say	0,83
Уважать позицию другого, даже если он не прав / Respect the position of another, even if they are wrong	0,59

¹ Расчет индекса значимости умений в коммуникации рассчитывался по формуле $(1 \cdot A) + (0,5 \cdot B) + (-1 \cdot C) / 100\%$, где А - высокая степень значимости умений в коммуникации, В- невысокая степень значимости умений в коммуникации, С- низкая степень значимости умений в коммуникации. Индекс может принимать значения от +1 до -1, где +1 обозначает высокий индекс значимости умений в коммуникации, -1 – абсолютно незначимый индекс умений в коммуникации.

Как мы видим из распределения данных, наиболее высокий индекс значимости имеет умение понимать другого (0,81). Данное умение связано с сущностным признаком социальной коммуникации, что привносит степень устойчивости в социальные связи и отражает их институциональный характер. А вот уважение позиции другого (даже если он не прав) имеет намного более низкий индекс значимости (Зубок, Чанкова, 2019). Эти эмпирические данные отражают коллективистский характер взаимодействий и связаны с коллективностью сознания. Просматривается взаимосвязь между данными о низкой значимости иной позиции и низкой значимостью нарушений нормы. Вероятно, нарушать норму и думать иначе, с позиции коллективного сознания выглядит сходным образом и не дифференцируется.

Заключение (Conclusions). Коммуникативная компетентность современных россиян в их межличностных взаимодействиях имеет выраженный институциональный характер, а особенности ее элементов: ценностей, норм, умений, способов поведения, картин жизненного мира — обусловлены традиционно сложившимся укладом коллективной общинной жизни. Социальная межличностная жизнь россиян представляет собой определенную модель, в которой имеющиеся дефициты компенсируются и нивелируются детерминантами коллективной жизни. Россияне интегрированы в своем социокультурном пространстве, а их коммуникативная компетентность является средством интеграции и воспроизводства традиционной жизни.

Однако среда межличностных контактов россиян не является константой, идут интенсивные процессы их преобразования в виртуальные (Бабинцев, 2018; Зотов, 2017; Куренной, 2015; Макаревич, 2017; Шарков, 2009). В преобладании изменений между разными социокультурными средами в преобразованиях коммуникаций и коммуникативной компетентности одну из ключевых позиций занимают традиционные основы, проявляющиеся

на уровне исторической памяти. Понимание целерациональных и саморегуляционных социокультурных механизмов формирования коммуникативной компетентности, выявления параметров их устойчивости напрямую связано с глубинными социокультурными процессами коммуникации, сложившихся исторически. В данном свете компетентность россиян в межличностных контактах является органичной составляющей исследования коммуникативной компетентности в изменяющейся социально реальности. Представленные результаты являются вкладом в понимание тенденций развития российского социокультурного пространства как целого, так и части мирового социокультурного пространства.

Список литературы

- Бабинцев В. П., Шаповал Ж. А. Публичные коммуникации власти и общества в регионе: проблемы и возможности конструирования изменений // Власть. 2018. № 4. С. 7-15.
- Боголюбов Н., Николаева Ю. Актуальные формы кросс-культурных коммуникаций в XXI веке // В сб. Культура в фокусе научных парадигм. 2017.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
- Дмитриев А. В. Миграционные стереотипы в коммуникациях // Коммуникология. 2015. № 3. С. 140-148.
- Зотов В. В., Бабинцев А. В., Шаповал Ж. А., Губанов А. В. Российское пространство публичных коммуникаций: основные причины разрывов // Коммуникология. 2017. Т. 5, № 6. С. 61-75.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 1. С. 41-57.
- Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность в виртуальном пространстве: опыт эмпирического исследования. // ЦИТИСЭ. 2019. № 5 (22). С. 449-460.
- Кловайт Н. Конститутивные эффекты технологических фреймов в повседневном

взаимодействии // Социология власти. 2015. Т. 27, № 1. С. 166-180.

Куренной В. Введение в исследование культуры. URL: www.Postnauka.ru/video/142279.2015 (дата обращения: 4.11.2017).

Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Глобальная культура коммуникации. М., 2017.

Осадчая Г. И. Социокультурные характеристики повседневных практик россиян: монография. М.: Издательство РГСУ, 2013.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.

Реутов Е. В., Реутова М. Н., Колпина Л. В. Социальные сети и повседневные практики населения Белгородской области. // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 34-41.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем.; Под ред. Д. В. Складова. СПб.: Наука, 2010.

Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2018. 382 с.

Чанкова Е. В. Коммуникативный портрет современного россиянина: границы компетентности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2014. Т. 1, № 4 (126). С. 54-60.

Чанкова Е. В., Сорокин О. В. Традиционное и современное в коммуникативных практиках молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. № 1. С. 131-142.

Чупров В. И., Осипова М. А. Социология управления. Теоретические основы. М.: РУДН, 2011. 172 с.

Шарков Ф. И. Интерактивные электронные коммуникации (возникновение четвертой волны). М.: Дашков и Ко, 2009.

Шендрик И. Г. Теоретические основы проектирования образовательного пространства субъекта: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. проф-пед. ун-та. 2006.

Штомпка П. Социология: анализ современного общества / Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005.

Щюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках. / Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: МГУ, 1994.

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1972.

Rodin A. Sociocultural foundations in communication in contemporary society // Scientific research and development modern communication studies. 2016. Vol. 5, № 6.

Tuner L., West P. Communication Foundations // An Introduction to Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. Pp. 1-2.

The Beatles as Sociocultural and Political Touchstones // The Beatles in Context (Composers in Context); K. Womack (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2020. Pp 245-288

Ting-Toomey S., Dorjee T. Communication Across Culture, Second Edition. New York, London: The Guilford PRESS, 2018.

References

Babintsev, V. P. and Shapoval, Zh. A. (2018), "Public communications of the authorities and society in the region: problems and opportunities for constructing changes", *Vlast*, (4), 7-15. (in Russian)

Bogolubova, N. and Nikolaeva, Y. (2017), "Current forms of cross-cultural communication in the XXI century", *Culture in the focus of scientific paradigms*, Moscow, Russia. (in Russian)

Berger, P. and Luckmann, T., (1995), *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*, Translated in Rutkevich, E., Media, Moscow, Russia. (in Russian)

Dmitriev, A. V. (2015), "Migration activities stereotypes in communications", *Communicologiya*, (3), 140-148. (in Russian)

Zotov, V. V., Babintsev, V. P., Shapoval, Zh. A. and Gubanov, A. V. (2017), "Russian space of public communication: main causes of breaks", *Communicologiya*, 5 (6), 61-75. (in Russian)

Zubok, Y. A. and Chuprov, V. I. (2017), "Changing social reality in Russian society at the time of crisis", *Ekonomicheskie i sotsialniye peremeni: fakti, tendentsii, prognoz*, 10(1), 41-57. (in Russian)

Zubok, Y. A. and Chankova, E. V. (2019), "Communicative competence in space of the virtual reality: the experience of empirical researches", *TSITISE*, (5), 449-460. (in Russian)

Clovayt, I. (2015), "Constitutive externalities of technological stage frames in everyday link

interactions", *Sociologiya vlasti*, 27(1), 171-179. (in Russian)

Kurennoy, V. (2015), *Introduction to cultural research*, available at: www.Postnauka.ru/video/142279.2015 (Accessed 4 November 2017). (in Russian)

Makarevich, E. F. and Karpukhin, O. I. (2017), *Global culture of communication*, Moscow, Russia. (in Russian)

Osadchaya, G. I. (2013), *Sociocultural characteristics of everyday practices of Russians: monograph*, RSSU, Moscow, Russia. (in Russian)

Parsons, T. (2000), *About social action structure*, Akademicheskii proekt, Moscow, Russia. (in Russian)

Reutov, E. V., Reutova, M. N. and Kolpina, L. V. (2012), "Social trading networks and daily impact of the practices of the population of the profit of the Belgorod region", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), 34-41. (in Russian)

Khabermas, Y. (2010), *Moral consciousness and communicative action*, Transl. by Skladov, D., Nauka, St.-Petersburg, Russia. (in Russian)

Chankova, E. V. (2018), "Communicative competence of the personality in the condition of the changing social reality", D. Sc Thesis, Moscow, Russia. (in Russian)

Chankova, E. V. and Sorokin, O. V. (2021), "Traditional and modern in the communicative practices of the youth", *Izvestiya visshih uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, (1), 131-142. (in Russian)

Chuprov, V. I. and Osipova, M. A. (2011), *Sociology of management. Theoretical basis*, RUFN, Moscow, Russia. (in Russian)

Sharkov, F. I. (2009), *Interactive electronic communications (emergence of the fourth wave)*, Dashkov & Co, Moscow, Russia. (in Russian)

Shendrik, I. G. (2006), *Theoretical foundations of the design of the educational space of the subject*, Russian Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia. (in Russian)

Shtompka, P. (2005), *Sociology: analysis of modern society*, Transl. by Chervonnaya, S., Logos, Moscow, Russia. (in Russian)

Shuts, A. (1994), "Formation of concepts and theory in social sciences", in Dobrenkov, V. I. (ed.), *American Sociology Thought*, MSU, Moscow, 526-542. (in Russian)

Yadov, V. A. (1972), *Sociological research: methodology, program, methods*, Nauka, Moscow, Russia. (in Russian)

Rodin, A. (2016), "Sociocultural foundations of communication in contemporary society", *Scientific research and development modern communication studies*, 5 (6).

Turner, L., & West, R. (2018), "Communication Foundations", in *An Introduction to Communication*, Cambridge University Press, Cambridge, 1-2.

"The Beatles as Sociocultural and Political Touchstones" (2020), in Womack, K. (Ed.), *The Beatles in Context (Composers in Context)*, Cambridge University Press, Cambridge, 245-288.

Ting-Toomey, S. and Dorjee, T. (2018), *Communicating Across Cultures, Second Edition*, The Guilford PRESS, New York, London.

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2020 г. Поступила после доработки 07 февраля 2021 г. Принята к печати 20 февраля 2021 г.

Received 23 December 2020. Revised 07 February 2021. Accepted 20 February 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Чанкова Елена Вадимовна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью и дизайна Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Сорокин Олег Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Elena V. Chankova, Dr in Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Design, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Oleg V. Sorokin, PhD in Sociology, Associate Professor, Senior Researcher, Center for Sociology of Youth, Institute for Social and Political Research, Federal Center of theoretical and applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-3

Оригинальная статья

Шаронова С. А.

РПЦ перед вызовами цифровизации

Российский университет дружбы народов
Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198
sharonova-sa@rudn.ru

Аннотация. В статье предпринят анализ интернет-источников по проблеме взаимоотношений РПЦ и Интернета. Современная ситуация активного перехода общества в цифровое пространство требует и от Церкви определенных решений. В ходе исследования было выяснено, что в отличие от Католической Церкви, которая в 2002 г. издала документ «The Church and Internet», где достаточно точно определила свое отношение к Интернету и возможности его использования для ее нужд, в Русской Православной Церкви нет такого документа, который сформировал бы четкое отношение к этому вопросу. Начатая политика Патриархом Алексием II не получила развития в документах и проектах РПЦ в период правления Патриарха Кирилла. Децентрализованное управление в вопросах использования Интернета привело к тому, что ответственность легла персонально на священников, которые активно продвигают православные сайты. Для создания методологической базы исследования автор использовал сравнение документа Католической Церкви «The Church and Internet» и документы Русской Православной Церкви, в которых упоминается возможность использования Интернета. Принципиальных отличий в позициях обеих Церквей нет. Однако отсутствие единого концептуального документа в РПЦ значительно отягощает реализацию на практике православными священниками взаимодействия с Интернетом. Особенно это просматривается в необходимости духовного окормления, помощи создателям православных сайтов. Анализ информации, размещенной в Интернете по проблеме взаимодействия РПЦ и Интернета показал, что несмотря на негативные высказывания со стороны Патриарха Кирилла и других вышестоящих священнослужителей Русская Православная Церковь активно развивает свои Интернет-ресурсы. Священники методом проб и ошибок на практике осваивают Интернет-пространство для общения с прихожанами.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; Интернет; священник-блогер; интернет-проекты

Информация для цитирования: Шаронова С. А. РПЦ перед вызовами цифровизации // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 26-39. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-3.

Svetlana A. Sharonova

Russian Orthodox Church facing the challenges of digitalization

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia
sharonova-sa@rudn.ru

Abstract. The article analyzes Internet sources on the problem of the relationship between the Russian Orthodox Church (ROC) and the Internet. The current situation of the active transition of society to the digital space requires certain decisions from the Church. In the course of the research, it was found that, unlike the Catholic Church document "The Church and Internet" (2002), where it quite accurately defined its attitude to the Internet and the possibility of using it for its needs, the Russian Orthodox Church does not have such a document, which would form a clear attitude to this issue. The policy initiated by Patriarch Alexy II was not developed in the documents and projects of the Russian Orthodox Church during the reign of Patriarch Kirill. Decentralized governance in the use of the Internet has led to the fact that responsibility fell personally on the priests who actively promote Orthodox websites. To create a methodological basis for the study, the author used a comparison of the document of the Catholic Church "The Church and Internet" and the documents of the Russian Orthodox Church, which mention the possibility of using the Internet. There are no fundamental differences in the positions of both Churches. However, the absence of a single conceptual document in the ROC significantly complicates the implementation of interaction with the Internet by Orthodox priests in practice. This is especially evident in the need for spiritual nourishment, assistance to the creators of Orthodox websites. An analysis of the information posted on the Internet on the problem of interaction between the ROC and the Internet showed that despite the negative statements from Patriarch Kirill and other higher clergymen, the Russian Orthodox Church is actively developing its Internet resources. Through trial and error, priests practice the Internet space to communicate with parishioners.

Keywords: Russian Orthodox Church; Internet; priest blogger; Internet projects

Information for citation: Sharonova, S. A. (2021), "Russian Orthodox Church facing the challenges of digitalization", *Research Result. Sociology and management*, 7 (2), 26-39, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-3.

Введение (Introduction). Современная Русская Православная Церковь не может существовать вне общества. Однако одним из самых ярких составляющих этого общества, который определяет и экономические, и политические отношения, оказывает влияние на формирование личности – является Интернет.

Методологической основой анализа состояния взаимодействия Русской Право-

славной Церкви и Интернета должна была стать концепция РПЦ в отношении использования Интернета. Однако на сегодняшний день нам не удалось найти такой концепции. Принципиальная позиция РПЦ просматривается в высказываниях Патриарха Алексия II, Патриарха Кирилла и в отдельных документах: Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви, Об организации миссио-

нерской работы в Русской Православной Церкви, Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви.

Возможно, это связано с тем, что восстановление институциональных позиций и рост общественного влияния РПЦ пришлось на 1990-е годы, когда в России начал активно использоваться Интернет. Эти процессы проходили одновременно, и ни научное сообщество, ни священнослужители не имели достаточного опыта и сил, чтобы проводить исследования в этой области. В этот период представители русской социологии предпринимали первые шаги в формировании подходов исследования религиозного населения России (Синелина, 2006; Чеснокова, 2009). Только в 2013 г. начинают появляться исследования, которые посвящены проблемам взаимодействия РПЦ и интернет: формы участия представителей Русской Православной Церкви в Интернет (Семенова, 2013); существующие формы и особенности православного миссионерского присутствия в информационном пространстве (Иером. Тихон (Васильев), 2017); перспективы дошкольного православного религиозного образования в информационном обществе (Грязнова и др., 2019); внедрение дистанционного образования в духовных образовательных учреждениях (Егоров и др., 2019). Для РПЦ процесс возрождения был связан с проблемами восстановления храмов, подготовки кадров, окормления паствы.

Однако католическая церковь начиная с 1971 г. очень внимательно относилась к развитию отношений Церкви со средствами социальной коммуникации (Communio et Progressio, 1971). В 2002 г. был выпущен документ "The Church and Internet", отражавший позицию католической церкви к использованию Интернета. Поскольку католическая церковь не имела гонений со стороны государства, эволюция отношений церкви с меняющимся окружающим миром развивалась непосредственно в контакте с процессами интернетизации, диджитализации, Церковь нако-

пила достаточный опыт для осмысления взаимодействия с Интернетом. Первым исследователем среди американских ученых был Стефан О'Лири (O'Leary, 1994). Его исследования относятся к середине 1990-х гг. и в основном посвящены потенциальным возможностям использования Интернет в области религии. В начале 2000-х гг. канадский ученый Кристофер Хеланд (Helland Ch., 2005) акцентировал внимание на отличии в понимании таких терминов, как «religion online» и «online religion». Это разграничение понятий позволило классифицировать различия религиозной активности в Интернете. В частности, Римская католическая церковь стала поощрять распространение религиозной информации онлайн, но не поддерживать проведение традиционных церковных ритуалов в онлайн режиме (Solatan Agnes Mae D., 2013).

Методология исследования (Methodology and methods). Попробуем выделить основные принципиальные положения во взаимодействии *Католической Церкви и Интернета* на основании документа "The Church and Internet" (2002):

1. Католическая Церковь приравнивает Интернет к средствам массовой коммуникации.
2. Католическая Церковь поддерживает использование Интернета для широкого распространения религиозной информации.
3. По мнению Католической Церкви, необходимо изучать возможности Интернета для эффективного общения с людьми, особенно с молодежью.
4. Католическая Церковь выделяет преимущества Интернета в предоставлении прямого и немедленного доступа к важным религиозным и духовным ресурсам - большим библиотекам, музеям и местам поклонения.
5. Католическая Церковь считает, что Церкви также необходимо понимать и использовать Интернет как инструмент внутренней коммуникации и творчески

использовать для различных аспектов администрирования и управления.

6. Образование и обучение работе с Интернетом должны быть частью всеобъемлющих программ медиаобразования, доступных для членов Церкви.

Наряду с принципиальными положениями в этом документе приводится перечень основных проблем, возникающих при широком использовании Интернета в деятельности Католической Церкви:

1. Католическая Церковь предупреждает, что трудно отличить экзотричные доктринальные интерпретации, идиосинкразические религиозные практики и идеологическую пропаганду, носящую «католический» ярлык, от подлинных позиций церкви.

2. Интернет, предоставляя широкий спектр вариантов потребительских товаров и услуг, может провоцировать «потребительский» подход к вопросам веры. Некоторые посетители религиозных веб-сайтов, - как отмечается в документе, - могут совершать что-то вроде шоппинга, выбирая элементы индивидуализированных религиозных пакетов в соответствии со своими личными вкусами.

3. Виртуальная реальность не заменяет Реального Присутствия Христа в Евхаристии, сакраментальной реальности других таинств и совместного поклонения в человеческом сообществе из плоти и крови. В Интернете нет таинств; и даже религиозный опыт, возможный там по благодати Божьей, недостаточен без реального взаимодействия с другими верующими людьми.

В связи с заявленными проблемами документ предлагает пути их решения:

1. Ввести контроль через систему добровольной сертификации сайтов католический направленности в отношении материалов специфического доктринального или катехетического характера, размещаемых на них.

2. Пастырскому составу обязательно иметь медиаобразование.

3. Католические университеты, колледжи, школы и образовательные программы на всех уровнях должны предоставлять курсы для различных групп (семинаристов, священников, прихожан), а также для тех, кто занимается социальными коммуникациями для Церкви.

4. Родителям необходимо учиться разбираться в качестве предлагаемой религиозной информации в Интернете.

Кроме того, в документе дается перечень личностных качеств верующих людей, которые хотят эффективно использовать возможности Интернета:

1. *Осмотрительность* необходима, чтобы ясно видеть последствия - потенциал добра и зла - в этой новой среде и творчески реагировать на ее вызовы и возможности.

2. *Справедливость* необходима особенно в работе по сокращению цифрового разрыва в доступе к информации.

3. Необходимы *сила духа, мужество*. Это означает отстаивание истины перед лицом религиозного и морального релятивизма. Занимать позиции альтруизма и щедрости перед лицом индивидуалистического потребительства, порядочности перед лицом чувственности и греха.

4. И необходима *сдержанность* - дисциплинированный подход к этому замечательному технологическому инструменту - Интернету, чтобы использовать его с умом и только во благо (The Church and Internet, 2002).

Попытаемся выделить основные позиции *Русской Православной Церкви по отношению к Интернету*.

В своей приветственной речи по случаю 10-летия российского интернета Патриарх Алексей II сделал, на наш взгляд, программное заявление, которое определило развитие взаимоотношения РПЦ и Интернета:

«Церковь Христа всегда понимала, что знание об Истине должно распространяться как можно шире. В настоящее время Интернет предоставляет в этом отношении исключительные возможности, и

Церковь не имеет права ими пренебрегать. <...> Современные коммуникационные и информационные технологии открывают невиданные доселе перспективы проповеди о Христе, поистине «даже до концов земли» (Деяния 1. 8). Поэтому Русская Православная Церковь для выполнения своего спасительного служения уделяет особое внимание взаимодействию со СМИ, процессу освоения новейших информационных технологий. Благодаря Интернету наша Церковь имеет возможность широко информировать пользователей сети о важнейших новостях церковной жизни, деятельности Священного Синода, о внешних церковных связях, развитии церковно-государственных и церковно-общественных отношений, о мероприятиях епархиальной жизни, о миротворческом, общественном и благотворительном служении» (Приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II по случаю 10-летия российского интернета, 2004).

Он также, как и в документе католической церкви отнес Интернет к средствам массовой информации, положительно охарактеризовал информационную способность Интернета. Он особо подчеркнул, «что взаимодействие с Российским интернет-сообществом – одна из важных задач Русской Православной Церкви» (Приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II по случаю 10-летия российского интернета, 2004).

В последствии эта позиция была более четко зафиксирована в документе «Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» (2007):

1. Одной из позиций Информационной миссии является «активно осваивать информационное пространство, используя все многообразие новейших информационных технологий (радиовещание, телевидение, интернет и печатные СМИ)».

2. Использование Интернета включено и в качестве миссионерского поручения: «участие мирян в церковных конференциях, диспутах, интернет-

форумах, в теле- и радиопередачах, благотворительных акциях и иных формах общественной активности».

3. Предлагается использовать Интернет в молодежной среде при организации «специализированной помощи молодым людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию или различные виды зависимостей (например, телефонная служба доверия, частные личные беседы, интернет-форум с возможностью задать вопрос катехизатору или священнику, консультации православного психолога, программы по реабилитации пострадавших от алкогольной, наркотической зависимости, а также бывших членов деструктивных сект)».

4. Церковь призывает «ориентировать мирян на особый вид миссионерской деятельности, направленной на церковное присутствие в интернет-пространстве» (Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви, 2007).

В дальнейшем в документе «Об организации миссионерской работы в Русской Православной Церкви» (2011) останется только положение о привлечении «мирян к активной церковной работе посредством выполнения конкретных миссионерских поручений, в том числе участия в миссионерских экспедициях, работы по подготовке желающих принять Крещение, дежурства в храме, участия в дискуссиях в интернете, теле- и радиопередачах» (Об организации миссионерской работы в Русской Православной Церкви, 2011). А в документе «Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви» (2011) упоминание Интернета можно найти только в виде перечня форм работы с молодежью на приходе, в частности «интернет-проекты» (Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви, 2011).

И тем не менее Патриарх Кирилл в одном из своих выступлений подтвердил информационную значимость Интернета для РПЦ: «Миссия Церкви может и должна быть широко распространена в интер-

нет-пространстве. Блоги, социальные сети – всё это дает новые возможности для христианского свидетельства. Не присутствовать там – значит расписаться в собственной беспомощности и нерадении о спасении братьев. Сейчас, когда к церковной жизни в социальных медиа проявляется огромный интерес, пусть и не всегда здоровый, наш долг – обратить его во благо, создать условия для того, чтобы молодежь знала о Христе, знала правду о жизни людей Церкви» (Святейший патриарх Кирилл: миссия в интернете важна, но не заменяет реальной приходской работы, 2013).

Однако в его выступлении прозвучали слова предупреждения, которые схожи с позицией Католической Церкви: «Виртуальная миссия не может подменять собой приходскую работу, но должна лишь ее дополнять» (Святейший патриарх Кирилл: миссия в интернете важна, но не заменяет реальной приходской работы, 2013).

Как можно видеть позиции Католической и Православной Церквей по отношению к использованию Интернета схожи. Документы Католической церкви более детализированы, чем у Православной Церкви, поэтому для анализа существующей практики мы несколько расширим критериальный список РПЦ и будем использовать в качестве критериев следующие позиции:

1. Интернет как средство широкой информации.
2. Интернет как способ эффективного общения с людьми и молодежью.
3. Интернет как ресурсы.
4. Интернет как среда образования.
5. Коммерческая деятельность РПЦ в Интернете.
6. Виртуальная миссия не может подменять собой приходскую работу.
7. Безопасность и лояльность предоставляемой Интернет-ресурсами религиозной информации.

Для анализа были использованы материалы, размещенные на сайтах Интерне-

та и отражающие проблемы взаимодействия РПЦ и Интернета.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

1. Интернет как средство широкой информации.

Как отмечал Всеволод Чаплин (председателем Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества 2009-2015 гг.): «С Интернетом мы познакомились еще в 1996 г., а в 1997 г. на нашей базе уже открылся официальный сайт Московского Патриархата (www.russian-orthodox-church.org.ru); первые же православные конференции в Fido проходили еще раньше. «Удельный вес» православной мысли и информации в Интернете гораздо больше, чем на телевидении, радио или в газетах. У нас есть православные газеты, есть хорошие материалы о Церкви в светских газетах, есть и телепрограммы, но соотношение объема всего этого и того, что есть в Интернете, несопоставимо. Только сайтов православной ориентации сейчас несколько сотен» (Православная церковь и Интернет, 2003).

Находящийся с 2016 г. на должности заместителя председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Вахтанг Кипшидзе продолжил общую позитивную направленность к информационной миссии Интернета: «Поскольку современное общество носит информационный характер, Русская Православная Церковь не может игнорировать информационные технологии. Как в свое время святой апостол Павел выходил на римские форумы, чтобы быть услышанным, так и современные преемники апостольской власти призваны появляться там, где их слово может быть услышано. ИТ – это средство, чтобы донести свое слово» (ИТ-стратегия Русской православной церкви, 2017).

И тем не менее в 2013 году во время встречи с братией монастыря Зограф на горе Афон Патриарх Кирилл выступил против использования интернета в монастырях.

2. Интернет как способ эффективного общения с людьми и молодежью.

Одним из первых шагов со стороны РПЦ в использование возможностей Интернет для общения с молодежной аудиторией стал личный интернет-проект – сайт «Патриарх – детям» Патриарха Алексия II, презентация которого состоялась 1 июня 2005 г. в Даниловском монастыре в Москве. К сожалению, после смерти Патриарха Алексия сайт был закрыт, но в Интернете можно найти информацию с этого сайта.

В 2011 г. в Ульяновске по благословению митрополита Симбирского и Новоупольского Прокла был создан Проект «Батюшка онлайн». Автором проекта является Надежда Земская, которая обратила внимание, что студенты Ульяновского политехнического института на свои телевизионные ток-шоу часто приглашали священников, чтобы обсудить с ними животрепещущие для них вопросы. Первоначально на вопросы молодежи в режиме онлайн отвело 20 священников, в настоящее время аудитория значительно выросла и в работе задействовано 200 священников. Проект отмечен Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и назван одним из самых успешных медийных проектов РПЦ. По мнению отца Артемия, одного из отвечающих священников на портале «Батюшка онлайн»: «Совершенный христианин – это не человек в футляре. Вера – горячая, разумная и зрячая – делает христианина мудрым, и он умеет общаться с каждым на его языке, так же как, например, с ребенком – по-детски. Сегодня миссионеру и проповеднику нельзя быть сломом в посудной лавке. Если человек воодушевлен подлинной любовью к своим собеседникам, он должен уметь под них подстраиваться. Но это вовсе не значит быть хамелеоном» (Дудкина, 2015).

В 2015 г. Патриарх Кирилл зарегистрировался в социальной сети «ВКонтакте», чтобы иметь возможность разговаривать на языке социальных медиа с интересующейся аудиторией.

В последние годы священники активно осваивают и другие популярные среди молодежи платформы такие, как TikTok, YouTube. Они не только овладевают новыми платформами, но и используют инструментальный взаимного прироста аудиторий. Как отмечает иерей Николай Бабкин¹, он включает упоминание других блогеров для взаимного прироста аудитории, однако признается, что процесс отбора кандидатов на взаимный пиар сложен, поскольку нет «духовного сканера», чаще всего он рекламирует малый бизнес близко знакомых ему людей. В Instagram он использует «маски», но категорично отвергает «маски» с церковной атрибутикой – иконами, крестами (Сладкова, 2021).

Очень важно найти подход со стороны церкви, чтобы контролировать и помогать священникам, которые ведут блоги. Они постоянно балансируют между блогером и священником. Отец Евгений Подвысоцкий² нашел для себя такую помощь со стороны духовников. Им движет стремление раскрыть для молодых людей незнакомый для них мир церкви: «Сейчас я просто снимаю свои будни. Эти видео не набирают огромное количество лайков, как ролики о мирском. Но я лучше останусь в духовном равновесии и не потеряю Христа, чем наберу миллионов просмотров» (Сладкова, 2021).

Но активность блогеров-священников имеет и неожиданные результаты. Внутренняя жизнь Церкви, ее разногласия всегда были скрыты для светского мира. Интернет делает эту конфиденциальную информацию открытой для широкого круга пользователей. Так в 2019 г. #ЯМЫСретенка – публикации отдельных слушателей семинарии при Сретенском монастыре начали разрастаться в беспрецедентное для Церкви оппозиционное движение. Светские сайты стали раз-

¹ Служит в храме святителя Николая Мирликийского на севере Москвы.

² Служит в трёх сельских храмах в Ейском районе.

дувать страсти, противопоставляя сайты Патриарха Кирилла с сайтами митрополита Тихона (Шевкунова) (Скандал в Сре-тенском монастыре раздули с помощью интернет-технологий, 2020).

3. Интернет как ресурс.

По словам заместителя председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Вахтанг Кипшидзе (ИТ-стратегия Русской Православной Церкви, 2017), «Техническая координация со стороны центрального аппарата Русской Православной Церкви сведена к минимуму. Каждая епархия должна иметь собственный веб-сайт, однако мы не определяем, на какой платформе и с применением какого языка программирования он должен быть реализован. Единственный элемент централизации – это счетчики посещаемости, установленные на епархиальных сайтах». Такой подход со стороны Церкви объясняется тем, что «сама структура церковных общин предполагает децентрализованный подход к организации ИТ».

Возможно такую отстраненность можно объяснить и другим фактором: фактором негативного восприятия Интернет со стороны Патриарха Кирилла, архиепископов и других священников. Об этом говорят их высказывания, размещенные все в том же Интернете:

- Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Погружение людей в информационный мир, в виртуальный мир несет определенную опасность дефицита реального человеческого общения. Я не призываю вас полностью оставить социальные сети, но скажу следующее: ни в коем случае нельзя погружаться в них так, чтобы социальные сети закрывали вам другие возможности видеть мир, это будет опасно для человеческой личности» (Из выступления Святейшего Патриарха Кирилла на открытии Международного съезда православной молодежи в Москве, 18 ноября 2014 года);

- Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл из выступления на теле-

канале «Россия 1»: «Цифровые технологии способны создать инструменты, обеспечивающие тотальный контроль за человеком. Ничего подобного в прошлом не могло быть... В книге «Апокалипсис» сказано, что пришествие антихриста будет сопровождаться тотальным контролем над человеком... «максимальное развитие тотального контроля над человеком означает рабство, и все будет зависеть от того, кто будет господином над этими рабами». «Вот почему Церковь категорически против использования цифровых технологий в обеспечении тотального контроля над человеческой личностью» (Глава РПЦ назвал тотальный цифровой контроль над личностью рабством, 2021).

- Архиепископ Петергофский Амвросий, ректор Санкт-Петербургской духовной академии: «Интернет, соцсети, блогги... Они стали мощнейшим искушением нашего времени и оружием против человека, сравнимым, пожалуй, с атомным. Конечно, этот атом при желании можно направить и в мирное русло, но всё равно он таит в себе огромную опасность и при несоблюдении определенных правил и условий способен произвести не меньшие разрушения, чем Чернобыльская катастрофа» (Мнения священнослужителей и мирян об интернет-увлеченности, 2021).

Несмотря на личную неприязнь Интернет-ресурсы Русской Православной Церкви активно развиваются. В 2016 г. был открыт Telegram-канал, в 2017 г. запускается «Правжизнь Телеграмм». На протяжении последних лет создается социальная сеть для православных – «Елицы», приложение «Мобильная церковь», собственный поисковик «Искомое.ру», формируется сообщество православных в ВК «Верую | Православие», запускаются религиозные порталы «Азбука Веры», «Рублев», «Фома».

Естественно, при таком развитии православного Интернета, формируется корпус священников, которые активно используют современные достижения высоких технологий. Один из них Иерей Алек-

сандр Волков, клирик храма святой мученицы Татианы при МГУ, руководитель пресс-службы Святейшего Патриарха: «Моя жизнь очень тесно связана со смартфоном, поскольку существенная часть работы осуществляется при помощи телефона (проверка почты, общение с сотрудниками, просмотр документов и тому подобное). Современная техника позволяет быть автономным и оперативным вне зависимости от места, в котором ты находишься. Лично я не вижу для себя проблемы чрезмерной власти смартфона над моей жизнью» (Мнения священнослужителей и мирян об интернет-увлеченности, 2021).

4. Интернет как среда образования.

К сожалению, на сайте Учебного комитета РПЦ мы не нашли каких-либо документов, регламентирующих деятельность образовательных учреждений в области применения высоких технологий в деятельности РПЦ. Тем не менее, как считает ответственный секретарь Учебного комитета РПЦ иеромонах Петр (Еремеев), «именно практическая польза от использования современных информационных технологий – это основной аргумент, который побуждает сейчас руководство наших духовных академий, семинарий и училищ осваивать достижения технического прогресса». Эти слова были сказаны в 2003 г., тогда же отец Петр отметил, что «пока еще нет часов, расписанных в учебных программах специально для преподавания основ компьютерной грамотности, однако есть факультативные занятия. Этого, конечно же, недостаточно, такое положение вещей обусловлено отсутствием необходимой материальной базы в наших учебных заведениях. Безусловно, будущий священнослужитель должен уметь ориентироваться в том потоке информации, который сейчас буквально обрушивается на всех нас, и, выйдя по окончании духовной школы на самостоятельную пастырскую деятельность, ему нужно будет суметь правильно организовать работу по информированию своих прихожан о событиях

церковной жизни» (Православная церковь и Интернет, 2003).

Судя по публикациям, основные усилия были направлены на создание компьютерных классов в семинариях, православных гимназиях. Эта тактика оправдала себя в начале 2000-х, потому «что в семьях многих учащихся православных школ компьютеров нет, и уроки информатики для таких детей и подростков – основной или даже единственный способ познакомиться на практике с информационными технологиями» (Использование информационных технологий в религиозном образовании, 2000).

В 2018 году с благословения Святейшего Патриарха Кирилла была учреждена Научно-образовательная теологическая ассоциация (НОТА). В 2020 г. на конференции «Теология и цифровое образование» эксперты обсудили стратегию преподавания теологии онлайн. Речь шла об объединении усилий образовательных учреждений и обмене опытом в преподавании теологии. Сам предмет «теология», – по мнению председателя экспертного совета ВАК по теологии, председатель научного совета НОТА, профессор Дмитрий Шмонин, – «накопила уникальный опыт ответов на большие вызовы, опыт «минимизации рисков» в эпохи перемен, и этот ресурс необходимо использовать, обсуждая как технологические, так и содержательные стороны цифрового образования» (Использование информационных технологий в религиозном образовании, 2000).

Однако на сайте ассоциации информация, демонстрирующая передовой опыт преподавания теологии, отсутствует. На всех официальных порталах Учебного комитета РПЦ, НОТА, образовательных учреждений размещены только официальные документы, согласованные с Министерством образования и науки РФ. Единой базы данных у РПЦ нет.

Патриарх Кирилл, оценивая вынужденный переход на дистанционное образование в период пандемии, высказал опасения: «Ребенок формируется в семье, сту-

дент формируется в коллективе, в общении с профессорами, преподавателями, своими товарищами, друзьями. Поэтому помещение человека в искусственную изоляцию может, несомненно, негативно отразиться на его формировании» (Глава РПЦ назвал тотальный цифровой контроль над личностью рабством, 2021).

5. Коммерческая деятельность РПЦ в Интернете.

На сайтах православных храмов, монастырей размещены терминалы по оплате услуг РПЦ. Бывший председатель Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества Московского патриархата Всеволод Чаплин считает, что «ничего незаконного с церковной точки зрения в этом нет. Если, конечно, та или иная техническая новинка действительно связана с храмом или монастырем. Это не более греховно, чем передача записки паломнику. О молитве можно и в соцсетях попросить, и SMS с просьбой отправить. Впрочем, очень важно установить, что молитва в самом деле совершается, – в конце концов, бывают и мошенники. Но в остальном нет никакой разницы между личным обращением или в мессенджере. Однако некоторые таинства возможны только в присутствии верующего – венчание, крещение, причастие. Исповедь по телефону допустима только в самом крайнем случае» (Православное импортозамещение: как РПЦ выходит в интернет, 2019).

С наступлением пандемии, когда церкви вынуждены были закрыть свои двери для посещения верующими, многие храмы, монастыри организовали прямые онлайн трансляции богослужений. Некоторые из них разместили эти трансляции на zen.yandex.ru, который позволяет зарабатывать на количестве просмотров. Этот же портал стал пользоваться большой популярностью для размещения объявления на пожертвование восстановления храмов, монастырей.

6. Виртуальная миссия не может подменять собой приходскую работу.

Начиная с 2014 г. Патриарх Кирилл в своих выступлениях постоянно высказывал опасения в адрес использования Интернета: «Это признак духовного кризиса людей. Это не что иное, как порабощение. Порабощение сознания и даже порабощение воли» (Где диавол с Богом борется, 2014).

Заместитель председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Вахтанг Кипшидзе в 2017 г. в интервью журналу CNews сказал: «Мы рассматриваем перенос таинств в виртуальную среду как искажение их смысла и даже надругательство. Конечно, можно смотреть трансляцию богослужения онлайн, но, чтобы непосредственно принять участие в таинстве, например, исповедоваться или причаститься, необходимо прийти в храм (ИТ-стратегия Русской Православной Церкви, 2017).

7. Безопасность и лояльность предоставляемой Интернет-ресурсами религиозной информации.

К основным проблемам развития православного Интернета Анна Данилова¹ относит появление лжеправославных сайтов и мошенничество (Данилова Анна, 2009). В 2012 г. Легойда Владимир Романович председатель Синодального информационного отдела Московского Патриархата входит в Попечительский совет Лиги безопасного интернета. По его мнению, «Безопасный интернет – это стремление, с одной стороны, предоставить всем (а в первую очередь детям, подросткам) возможность пользоваться всеми преимуществами современной информационной среды – быстрого получения необходимых знаний, общения, расширения кругозора... А с другой стороны, стремление исключить столкновение юного (да и зрелого) интернет-пользователя с тем, что здесь, в этой же среде, находится за гранью добра и зла» (Пицца для души. Почему обществу

¹ Анна Данилова – главный редактор портала «Православие и мир».

и церкви нужен безопасный интернет, 2012).

Не смотря на предпринимаемые усилия в 2014 г. Патриарх Кирилл назвал соцсети одним из главных источников «клеветы и лжи, направленной против Церкви»: «Разумеется, в интернет-пространстве существует множество людей, которые распространяют подлинную информацию о жизни Церкви, однако циников и любителей ложных разоблачений – в разы больше» (Где диавол с Богом борется, 2014).

В этом же году митрополит Волоколамский Иларион председатель отдела внешних церковных связей Московского патриархата высказался и в адрес православных верующих людей: «Я читаю в интернете многих православных церковных людей и даже священнослужителей. В их блогах, на их страницах в Фейсбуке можно увидеть постоянное обличение всего и вся, бесконечное раздражение и бичевание всех. Но про любовь Христа – об этом пишут мало» (Где диавол с Богом борется, 2014).

Возможно, для решения этой проблемы Синодальный отдел Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами создал Каталог православных сайтов (2021).

И тем не менее Патриарх Кирилл продолжает выступать против использования цифровых технологий: «Цифровые технологии способны создать инструменты, обеспечивающие тотальный контроль за человеком... максимальное развитие тотального контроля над человеком означает рабство, и все будет зависеть от того, кто будет господином над этими рабами... Вот почему Церковь категорически против использования цифровых технологий в обеспечении тотального контроля над человеческой личностью» ((Глава РПЦ назвал тотальный цифровой контроль над личностью рабством, 2021).

Заключение (Conclusions). Анализируя полученную информацию, можно

прийти к выводу, что отношение РПЦ к Интернету весьма двойственное. С одной стороны, видно, что служители Церкви активно внедряют Интернет в жизнь прихода. С другой стороны, Патриарх Кирилл и многие высокопоставленные священнослужители занимают явно алармистскую позицию. Начатая Патриархом Алексием II работа над нормативными документами, регламентирующими взаимодействие Церкви и Интернета, практически остановлены. Формирование этих отношений отдан на волю практики.

Попытка в 2003 г. создания проекта в области образования: «образовательный церковный портал. Своей задачей мы видим создание с его помощью информационно-образовательной площадки для обсуждения проблем богословского образования и, конечно же, для профессиональной помощи всем тем, кто желает получить богословское образование или повысить имеющийся уровень такового. <...>. Его адресаты – студенты обычного учебного заведения гуманитарного направления. На портале будут размещены и все учебные программы наших семинарий и академий, и все курсы по предметам в электронном виде, и библиотека, включающая в себя необходимую учебную и вспомогательную литературу: учебники, конспекты лекций, статьи и выступления на богословские темы, и, наконец, страница для общения и знакомств», – не получила продолжения. Портал Учебного Комитета РПЦ приобрел чисто формальный характер нормативно-правовых документов.

В 2016 г. была предпринята попытка Межрелигиозным советом России создать точки доступа к бесплатному Wi-Fi у церквей, а также в общественных местах. «В тексте сообщения заявлялось, что «В «религиозный Wi-Fi» категорически будет закрыт доступ для разнообразных сект или экстремистов» (Православная Церковь и современные технологии: за и против, 2017). Этот проект также не получил широкого развития. Открытые зоны Wi-Fi

церкви создают самостоятельно, если у них есть средства для оплаты этих услуг.

РПЦ задумывалась о создании элемента централизации – счетчиков посещаемости, установленных на епархиальных сайтах. Однако этот проект тоже не был реализован из-за технических трудностей. Единой базы данных Церковь тоже не смогла создать, в силу отсутствия необходимых ресурсов.

Если посмотреть на проблемы, которые выделяет документ Католической Церкви «The Church and Internet» (2002), то РПЦ, активно используя коммерческую составляющую Интернета, не видит опасности потребительского отношения паствы к религиозным сайтам.

В высказываниях священников-блогеров просматривается проблема духовного «руководства братьями (сестрами) на пути ко спасению» (Духовник, 2005) <https://azbyka.ru/duxovnik>. Возникает необходимость усиления роли духовника для православных блогеров.

Интернет-ресурсы

Где Дьявол с Богом борется: Интернет глазами РПЦ и Ватикана. URL: <https://credo.press/149464/> (дата обращения: 02.03.2021).

Глава РПЦ назвал тотальный цифровой контроль над личностью рабством. URL: <https://ria.ru/20210107/patriarkh-1592228772.html> (дата обращения: 02.03.2021).

Дудкина Ю. «Батюшка онлайн» и православный поисковик. Как церковь покоряет интернет. URL: <https://yandex.ru/turbo/snob.ru/s/selected/entry/96502/> (дата обращения: 02.03.2021).

Духовник. 2005. URL: <https://azbyka.ru/duxovnik> (дата обращения: 02.03.2021).

Использование информационных технологий в религиозном образовании. URL: http://www.rondtb.msk.ru/info/ru/technologies_ru.htm (дата обращения: 10.03.2021).

ИТ-стратегия Русской Православной Церкви. URL: https://www.cnews.ru/articles/2017-03-29_itstrategiya_russkojpravoslavnoj_tserkvi (дата обращения: 02.03.2021).

Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> (дата обращения: 02.03.2021).

Мнения священнослужителей и мирян об интернет-увлеченности. URL: <https://pravobraz.ru/mneniya-svyashhennosluzhitelej-i-miryan-ob-internet-uvlechennosti/> (дата обращения: 02.03.2021).

Об организации миссионерской работы в Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1909481.html> (дата обращения: 02.03.2021).

Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1639899.html> (дата обращения: 02.03.2021).

Пицца для души. Почему обществу и церкви нужен безопасный интернет. URL: <https://rg.ru/2012/02/09/legoida-poln.html> (дата обращения: 10.03.2021).

Православная церковь и Интернет. URL: <https://www.osp.ru/pcworld/2003/05/1657191> (дата обращения: 02.03.2021).

Православная Церковь и современные технологии: за и против. URL: <https://blog.uchvatov.ru/554718.html> (дата обращения: 02.03.2021).

Православная церковь об интернете: отношение, мнение и ответы на частые вопросы: Православное импортозамещение: как РПЦ выходит в интернет. URL: <https://aptekahram17.ru/zhitie/pravoslavnaya-tserkov-ob-internete-otnoshenie-mnenie-i-otvety-na-chastye-voprosy.html> (дата обращения: 02.03.2021).

Приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II по случаю 10-летия российского интернета. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/11/26/privetstvie_svyatejshego_patriarha_moskovskogo_i_vseya_rusi_aleksiya_ii_po_sluchayu_10-letiya_rossijskogo_interneta/ (дата обращения: 10.03.2021).

Святейший патриарх Кирилл: миссия в интернете важна, но не заменяет реальной приходской работы. URL: <https://pravoslavie.ru/59208.html> (дата обращения: 02.03.2021).

Скандал в Сретенском монастыре раздули с помощью интернет-технологий: Противостояние внутри РПЦ теперь можно изучать по телеграм-каналам. URL:

<https://www.mk.ru/social/2020/07/02/skandal-v-sretenskom-monastyre-razduli-s-pomoshhyu-internettekhnologiy.html> (дата обращения: 02.03.2021).

Сладкова А. Для людей, особенно молодых, церковь – незнакомый мир: как православные священники покоряют интернет. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/822305-svyaschenniki-socseti-blogi> (дата обращения: 02.03.2021).

Эксперты обсудили роль теологии в системе цифрового образования. URL: <https://na.ria.ru/20200429/1570720278.html> (дата обращения: 10.03.2021).

Список литературы

Грязнова Е. В., Глазова И. Н., Хоптар В. М., Рязанова М. В. Информация и религиозная культура: место в системе дошкольного образования // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 40-42.

Егоров Г. В., Гуайта Дж., Меланина Т. В., Платонова Ю. А., Попов А. А., Пушкарёв С. А., Смольянов В. Н., Улитчев И. И. Организация, межличностного взаимодействия в дистанционном богословском образовании // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2019. Вып. 54. С. 24-41.

Иером. Тихон (Васильев) Особенности православной миссии в информационном пространстве // Вестник Российской христианской гуманитарной академии. 2017. 18 (4). С. 241-249.

Семенова Д. М. Деятельность Русской Православной Церкви в электронном пространстве (например, Интернет) // Современные исследования социальных проблем. 2013. 5 (25).

Синелина Ю. Ю. Динамика уровня воцерковленности населения // Россия: Новые цели и приоритеты. М.: ИСПИ РАН, 2006. С. 89-97.

Чеснокова В. Ф. Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2009.

Helland Ch. Online Religion As Lived Religion: Methodological Issues In The Study Of Religious Participation On The Internet // Online-Heidelberg Journal Of Religions On The Internet. 2005. 1 (1). URL: <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/volltexte/2005/5823/> (дата обращения: 02.03.2021).

O'Leary S. D. Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks // Journal of the American Academy of Religion. 1994. LXIV (4). С. 781-808.

Solatan A. M. D. The Catholic Church and Internet use: an evolving perspective from Pope John Paul II to Pope Benedict XVI. Thesis for the degree of master. Washington, Georgetown University, 2013.

The Church and Internet. Pontifical Council for Social Communications. Vatican City. 22 February 2002. Feast of the Chair of St. Peter the Apostle.

URL: <https://The%20Church%20and%20Internet.html> (дата обращения: 02.03.2021).

References

Gryaznova, E. V., Glazova, I. N., Chapter, V. M. and Ryazanova, M. V. (2019), "Information and Religious Culture: a Place in the System of Preschool Education", *Baltic Humanitarian Journal*, 8 (3), 40-42. (in Russian)

Egorov, G. V., Guaita, J., Melanina, T. V., Platonova, Yu. A., Popov, A. A., Pushkarev, S. A., Smolyanov, V. N., Ulitchev, I. I. (2019), "Organization, interpersonal interaction in distance theological education", *Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psihologiya*, (54), 24-41. (in Russian)

Hier. Tikhon (Vasiliev) (2017), "Specifics of Orthodox Mission in the Media", *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 18(4), 241-249. (in Russian)

Semenova, D.M. (2013), "The Activity of Russian Orthodox Church in the Electronic Space (for example, the Internet)", *Modern Research of Social Problems*, 5 (25). (in Russian)

Sinelina, Yu. Y. (2006), "Dynamics of the level of churchliness of the population", in *Russia: New goals and priorities*, ISPI RAN, Moscow, 89-97. (in Russian)

Chesnokova, V. F. (2009), *The Close Way. The process of churching the population of Russia at the end of the 20th century*, Academic project, Moscow, Russia. (in Russian)

Helland, Ch. (2005), "Online Religion As Lived Religion: Methodological Issues In The Study Of Religious Participation On The Internet", in *Online-Heidelberg Journal of Religions on the Internet*, 1(1), available at: <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/volltexte/2005/5823/> (Accessed 02 March 2021).

O'Leary, S. D. (1994), "Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks", *Journal of the American Academy of Religion*, LXIV (4): 781-808.

Solatan, A. M. D. (2013), "The Catholic Church and Internet use: an evolving perspective from Pope John Paul II to Pope Benedict XVI", Thesis for the degree of master, Georgetown University, Washington, USA.

"The Church and Internet" (2002), Pontifical Council for Social Communications, Feast of the Chair of St. Peter the Apostle, available at: <https://The%20Church%20and%20Internet.html> (Accessed 02 March 2021).

Статья поступила в редакцию 15 марта 2021 г. Поступила после доработки 30 мая 2021 г. Принята к печати 01 июня 2021 г.

Received 15 March 2021. Revised 30 May 2021. Accepted 01 June 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Шаронова Светлана Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, Вице-президент Исследовательского комитета 04 «Социология образования» Международной Социологической Ассоциации (2014-2018, 2018-2022), профессор Российского университета дружбы народов, Москва, Россия.

Svetlana A. Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vize-president of the RC04 «Sociology of Education», International Sociological Association (2014-2018, 2018-2022), Professor, Peoples' Freindship University of Russia, Moscow, Russia.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 355.01

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-4

Оригинальная статья

Гаджимурадова Г. И.

**Информационные технологии и противодействие
различным видам экстремизма в эпоху глобализации**

МГИМО МИД России
Россия, Москва, проспект Вернадского, 76, 119454
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, кор. 1, 119333
gadzhimuradova7@gmail.com

Аннотация. В эпоху глобальных потрясений, связанных с локальными войнами, миграционным кризисом, ростом активности радикальных партий, увеличением количества преступлений назрела необходимость обеспечения национальной безопасности в различных регионах и странах мира. В эпоху информатизации и искусственного интеллекта (ИИ) меняются и способы борьбы с проявлениями экстремизма. Эффективным средством массового информационного воздействия на сознание является сегодня всемирная паутина – интернет. Экстремистские ресурсы широко используют средства психологической войны, во всемирной сети представлены практически все типы организаций, применяющих в своей деятельности экстремистские и террористические методы. Поэтому понятно желание большинства стран оградить себя и своих граждан от влияния экстремистов, проникновения граждан, склонных к правонарушениям, в свои страны. В связи с этим понятно использование информационных технологий и искусственного интеллекта в борьбе с международной и внутренней преступностью. Но здесь возникают вопросы конфиденциальности, безопасности персональных данных и другие аспекты этического характера. В статье делается попытка показать связь между использованием современных методов информационных технологий и решением проблем безопасности.

Ключевые слова: экстремизм; национальная безопасность; искусственный интеллект; информационные технологии; всемирная сеть

Информация для цитирования: Гаджимурадова Г. И. Информационные технологии и противодействие различным видам экстремизма в эпоху глобализации // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 40-48. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-4.

Gulnara I.
Gadzhimuradova

Informational technologies and struggle against various types of extremism in the age of globalization

MGIMO University of the MFA of Russia
76, Vernadsky prospect, 119454, Moscow
Institute for Demographic Research FCTAS RAS
6, bld. 1, st. Fotieva, Moscow, 119333, Russia
gadzhimuradova7@gmail.com

Abstract. In the era of global upheavals associated with local wars, the migration crisis, the growing activity of radical parties and the growing number of crimes, there is a need to ensure national security in various regions and countries of the world. In the era of information and artificial intelligence, the ways to combat extremism are also changing. An effective means of mass information influence on consciousness today is the World Wide Web-the Internet. Extremist resources widely use the means of psychological warfare, there are almost all types of organizations on the World Wide Web that use extremist and terrorist methods in their activities. Therefore, it is clear that most countries want to protect themselves and their citizens from the influence of extremists and the penetration of citizens who are prone to delinquency into their countries. In this regard, the use of information technologies and artificial intelligence in the fight against international and domestic crime is quite understandable. But here arise some questions of confidentiality, security of personal data and other aspects of an ethical nature. The article attempts to find out the connection between the use of modern methods of information technology and the solution of security problems.

Keywords: extremism; national security; artificial intelligence; information technology; the world wide web

Information for citation: Gadzhimuradova, G. I. (2021), "Informational technologies and struggle against various types of extremism in the age of globalization", *Research Result. Sociology and management*, 7 (2), 40-48, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-4.

Введение (Introduction). Решения проблем национальной безопасности, связанные с растущей угрозой экстремистских движений разного толка (от молодежных до религиозных и политических), стали сегодня приоритетными для большинства стран мира. Можно уверенно говорить о том, что на современном этапе войны приобрели характер информационных. Поэтому сегодня особенно актуален лозунг «кто владеет информацией, тот владеет миром»¹.

Наиболее эффективным средством массового информационного воздействия экстремистов в последнее время стал интернет. Причинами популярности интернета для воздействия на потенциальных правонарушителей являются легкий доступ к аудитории через соцсети и другие каналы, обеспечение анонимной коммуникации, слабое регулирование этого вопроса на государственном уровне, глобальное распространение, высокая скорость передачи информации, дешевизна и простота в использовании, мультимедийные возможности. Как верно заметила Н. С. Седых, специалисты «обоснованно отмечают та-

¹ Авторство фразы приписывают Натану Ротшильду, основателю банковской династии Ротшильдов.

кую психологическую особенность молодых пользователей, как тревога неподключенности, которая для некоторых достигает уровня паники» (Седых, 2017).

Под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов именно в молодежной среде легче формируются радикальные взгляды и убеждения. Молодые люди активно пополняют ряды экстремистских и террористических организаций, являясь удобным материалом для достижения своих амбициозных целей рядом политических и религиозных лидеров.

Экстремистские ресурсы широко используют средства психологической войны, в том числе дезинформацию, запугивание, манипуляцию общественным сознанием, подмену понятий и фактов. На интернет-ресурсах террористических организаций освещается психологический ущерб, наносимый государствам-объектам атаки в результате терактов.

Экстремистские организации, в том числе действующие в России, используют интернет для вербовки новых членов, включая террористов-смертников из числа как исламистов, так и экстремистски настроенной молодежи с целью привлечения их сначала в радикальный ислам, а затем и в противоправную деятельность. Кроме того, Интернет используется для формирования лояльно настроенной среды, играющей активную роль в поддержке террористических организаций.

В настоящее время во всемирной сети представлены практически все типы организаций, применяющих в своей деятельности экстремистские и террористические методы. Число сайтов, содержащих материалы экстремистского характера, насчитывает более семи тысяч, в том числе более ста пятидесяти русскоязычных, и их количество имеет тенденцию к росту.

Методология исследования (Methodology and methods). По мнению В. И. Пономарева «информационный экстремизм только набирает обороты и, если учитывать современное развитие информационных технологий, эпоха этого вида

экстремизма ускоренно приближается» (Пономарев, 2018). И такая картина характерна как для России, так и для большинства стран Европы, Ближнего Востока и Азии.

Миграционный кризис 2015-2016 годов усилил эти тенденции, явился катализатором радикализации как «гостей», так и автохтонного населения, роста популярности «правых» партий и движений в странах ЕС. Бесспорно, что «вопрос экстремизма и терроризма очень актуален в современной Европе... Помимо иммигрантов как внешних угроз, правые и противостоящие им проиммигрантские группы, в том числе левые анархисты, стали внутренними проблемами служб безопасности, которые всеми силами пытаются поддерживать безопасность в обществе» (Виркунен, Гаджимурадова, 2018). «Попадая в Европу, эти люди становятся маргиналами, существующими в ограниченном пространстве... На этом фоне создаются благоприятные условия для распространения идей радикального ислама, отрицающего сакральные для европейцев либеральные и демократические ценности» (Гаджимурадова, 2016). Сегодня «Европа оказалась незащищенной от действий религиозных фанатиков. Ее беспечность, инфантилизм, исходящие из принципов толерантности и некоторых так называемых «европейских ценностей», привели к гибели мирных граждан и посеяли страх и недоверие, что в конечном итоге привело к отождествлению в сознании простого европейца ислама с терроризмом (Гаджимурадова, 2017).

Как упоминалось выше, современные войны приобрели характер информационных. В этих условиях важно обеспечить безопасность как простых граждан, так и общества в целом. В целях обеспечения национальной безопасности большинство стран используют подходы, которые часто идут вразрез с такими базовыми понятиями демократии, как свобода и неприкосновенность частной жизни, а также доступ к личным данным.

Одной из важнейших частей системы безопасности для государства среди прочих является система распознавания лиц. С системой распознавания лиц простой пользователь сталкивается уже в собственном смартфоне, где биометрическая идентификация применяется для разблокировки устройства и получения доступа к данным владельца.

Существует также идентификация лиц в реальном времени и реальных условиях: в этом случае она неразрывно связана с системами видеонаблюдения, где лица буквально «выхватываются» из снимаемого камерами видеопотока¹. В рамках достижения цели статьи был осуществлен анализ законотворческих инициатив и кейсов, связанных с использованием информационных технологий в превенции экстремистских практик в разных странах.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Говоря о законопроектах в этой области, не можем обойти вниманием национальные законотворческие инициативы. 23 декабря 2020 г. Госдума приняла законопроект о внесении изменений в Закон «О персональных данных». 30 декабря 2020 г. Федеральный закон № 519-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» был подписан Президентом России. Изменения вступят в силу в два этапа: основная часть с 1 марта 2021, вторая – с 1 июля 2021 г.²

Основным общеевропейским законом, защищающим безопасность персональных данных, является Общий регламент о защите персональных данных GDPR (General Data Protection Regulation),

который вступил в силу в мае 2018 года³. Обязательства по соблюдению GDPR распространяются не только на компании, ведущие деятельность на территории 28 стран ЕС, но также и на любые компании вне зависимости от их местонахождения.

По закону обработка таких данных (например, с целью опознания человека) запрещена без явного согласия их владельца. Но здесь существует ряд исключений: согласие получать необязательно, если данные нужны для оказания медицинских услуг или обеспечения национальной безопасности. Вместе с тем страны-участники Евросоюза также имеют право вносить свои поправки к GDPR в зависимости от непосредственных условий и задач. В будущем на территории Евросоюза планируют ввести биометрические документы единого стандарта. Идея состоит в том, чтобы упростить идентификацию граждан на территории стран ЕС. Ожидается, что новая база данных паспортов будет включать в себя информацию о 350 млн человек – она станет одной из крупнейших в своём роде. Однако некоторые эксперты считают, что её создание идёт вразрез с принципами безопасности, описанными в GDPR, – возникает риск масштабных утечек персональных данных.

В нашей стране вопросы видеонаблюдения затрагиваются в ч. 1 ст. 152.2 Гражданского кодекса РФ. В соответствии с ГК, согласие на получение и использование изображения гражданина не требуется, если наблюдение ведётся в государственных или общественных интересах, в общедоступных местах и на публичных мероприятиях.

Еще один закон, регулирующий работу с фото- и видеозаписью, – закон 152-ФЗ «О персональных данных». По умолчанию видеозапись не является носителем персональных биометрических данных, так как не представляет собой средство однозначной идентификации субъекта.

¹ Долбичкина А. Что нужно знать о распознавании лиц. URL: <https://lifehacker.ru/face-recognition/> (дата обращения: 10.02.2021).

² Хохолков М. Новое в Законе «О персональных данных» 2021. Что нас ждет? URL: <https://mediapravo.com/privacy/rasprostranenie-pd.htm> (дата обращения: 10.02.2021).

³ Закон гласит, что фотографии человеческого лица считаются «биометрической информацией» и, как следствие, являются конфиденциальными данными.

Ограничений на хранение и обработку таких записей нет. Однако если использовать систему распознавания лиц, которая присваивает людям на видео идентификаторы, тогда 152-ФЗ вступает в силу¹.

В условиях борьбы с терроризмом и экстремизмом, с учетом прозрачных границ России с рядом стран бывшего Союза, откуда осуществляется трудовая миграция, новые системы биометрической идентификации позволят в будущем предотвращать преступления, определяя истинную личность правонарушителей, оперирующих разными именами.

С помощью системы биометрической идентификации можно определить истинную личность преступника, даже если он пользуется несколькими фальшивыми личностями. Система идентификации по лицам будет сравнивать имеющиеся в фотобанках властей изображения с лицом человека, запечатленного, скажем, на записи камеры видеонаблюдения.

Применение искусственного интеллекта способно сделать борьбу с экстремистскими элементами действительно эффективной. Технологические разработки, в том числе систем искусственного интеллекта и распознавания против террористической угрозы и экстремизма внедряются уже давно и по всему миру. Технология распознавания лиц активно применяется в Китае, а в других странах люди знакомы с ней в основном благодаря таким компаниям, как Apple и Facebook. Власти Великобритании и США тоже заинтересованы в ее применении ради обеспечения безопасности и борьбы с преступностью и уже тестируют ее.

Например, полицией Финляндии были протестированы технологии, позволяющие распознавать личность человека по биометрическим параметрам его лица². В

аэропорту Осло развернута система распознавания лиц MorphoFace, разработанная французской компанией IDEMIA. Она стала частью оборудования пропускных пунктов автоматизированного пограничного контроля. Ранее система MorphoFace уже была успешно внедрена в Новой Зеландии и в новом терминале Т4 сингапурского аэропорта Чанги, где она служит для автоматической регистрации на рейсы.

Аэропорт Осло получил систему распознавания лиц MorphoFace первым в Европе. Интеграция решения для пограничного контроля с другими системами позволяет не только выполнять регистрацию при прибытии и отправлении, но и выполнять удаленный мониторинг в интересах норвежской полиции, европейских и международных партнеров³.

На рисунке представлено количество камер наблюдения в столицах и ключевых городах мира.

Подобные интеллектуальные системы смогут помочь прогнозировать опасное для общества поведение людей, а также вырабатывать комплекс необходимых превентивных мер.

Кроме обеспечения безопасности и выявления экстремистских и преступных элементов, эти интеллектуальные системы могут использоваться в проектах общей кибербезопасности, повышения боеспособности вооруженных сил, а также в предупреждении и своевременной ликвидации техногенных и природных чрезвычайных ситуаций⁴.

lyandii_testiruet_sistemu_identifikatsii_po_litsam_po_litsyeiskie_v_kachestve_podopytnykh_krolikov/10019327 (дата обращения: 15.02.2021).

³ Аэропорт Осло первым в Европе внедрил систему распознавания лиц IDEMIA MorphoFace. URL: <https://www.ixbt.com/news/2018/07/30/ajeroport-oslo-pervym-v-evrope-vnedril-sistemu-raspoznavaniya-lic-idemia-morphoface.html> (дата обращения: 25.01.2021).

⁴ Рыбачек Е. Российские ученые обучат искусственный интеллект вычислять террористов в соцсетях. URL: <https://360tv.ru/news/tehnologii/rossijskie-uchenye-obuchat-iskusstvennyj-intellekt-vychisljat-terroristov-v-sotssetjah/> (дата обращения: 25.01.2021).

¹ Системы Face Recognition и персональные данные: как распознавать лица, не нарушая законы. URL: <https://ru.ivideon.com/blog/fr-personal-data/> (дата обращения: 10.02.2021).

² Kaleva: Полиция Финляндии тестирует систему идентификации по лицам – полицейские в качестве подопытных кроликов. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/kaleva_politsiya_fin

Рис. Количество камер наблюдения:
Москва – 193 000, Лондон – 627 707, Нью-Йорк – 31 490, Пекин – 1 150 000, Париж – 26 834, Шэньчжэнь – 400 000¹

Fig. The number of surveillance cameras: Moscow – 193,000, London – 627,707, New York – 31,490, Beijing – 1,150,000, Paris – 26,834, Shenzhen – 400,000

О важности данной системы говорит тот факт, что с только начала 2021 года более 900 преступников было задержано благодаря системе распознавания лиц в Московском метрополитене за полгода.

Вместе с тем система распознавания лиц может найти применение и в школах, университетах, спортивных лагерях и проч. Это особенно актуально в связи с последними трагическими событиями в Казани, когда бывший ученик беспрепятственно проник в школу и расстрелял учеников и учителей².

С 2013 года российские силовики сообщили о предотвращении 75 атак со стороны подростков; подавляющее большинство – в 2020 году³.

¹ Текущее положение дел по распознаванию лиц и камерам наблюдений в Москве и мире. URL: <https://m.habr.com/ru/post/553448/> (дата обращения: 25.05.2021).

² В Казанской гимназии № 175, 11 мая 19-летний Ильназ Галявиев застрелил девять человек и ранил еще 21.

³ Алехина М. Следствие по делу казанского стрелка пошло по двум направлениям. Что удалось выяснить про Ильназа Галявиева и его мотивы за неделю после трагедии URL: <https://www.rbc.ru/society/17/05/2021/609fc19d9a79474661abbbb9> (дата обращения: 20.05.2021).

Многие учебные заведения, например, в США, где подобные трагедии происходят довольно часто, уже работают по этой системе. Систему распознавания лиц в стране начали применять в школах и летних лагерях. Главная цель – повысить безопасность. Школы создают базы данных с фотографиями людей, которым запрещено находиться на их территории. Если интегрированное в камеры программное обеспечение компании SN Technologies идентифицирует их, администрация школы получает оповещение. Также программа SN Technologies способна идентифицировать оружие в руках людей⁴.

Лидером в области видеоаналитики стал Китай, который активно внедряет в школы, тюрьмы, общественные места, дома престарелых и торговые центры не только модули распознавания лиц, но и модули распознавания эмоций.

А вот Европа не торопится идти тем же путем. Еврокомиссия разработала документ, который будет регулировать использование искусственного интеллекта в странах ЕС. Целью документа является обеспечение гуманного подхода к технологии искусственного интеллекта и не оставлять на произвол судьбы мощные техкомпаний⁵. Например, Бельгия запретила использовать биометрические методы видеоанализа в частных, неполицейских камерах наблюдения, тем самым обозначив свою приверженность новым правилам ЕС, касающимся защиты частной жизни и включающим запрет на большую часть слежки и коммерческое использование облачной видеоаналитики персональных данных. Так, Европейская комиссия заяви-

⁴ Невельский А/ Западные страны начинают применять технологию распознавания лиц. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/08/02/807944-tehnologiyu-raspoznavaniya-lits> (дата обращения: 15.02.2021).

⁵ Europe adheres to strict rules for artificial intelligence. URL: <https://www.politico.eu/article/europe-strict-rules-artificial-intelligence/> (дата обращения: 15.05.2021).

ла в апреле, что приложения ИИ, которые позволяют правительствам проводить социальную оценку или эксплуатировать детей, будут запрещены, и это решение поддерживают правозащитные организации. В конце апреля Европейский надзорный орган по защите данных (EDPS) рекомендовал запретить технологии распознавания лиц как «недемократическое вторжение»¹.

США тоже одними из первых в мире принялись активно использовать модули видеоаналитики. Но технология распознавания лиц в государственном секторе используется, в основном, для обеспечения общественной безопасности, например:

- Федеральное бюро расследований (ФБР) заключило соглашения с многочисленными департаментами автотранспорта штатов (DMV), которые позволяют ФБР использовать распознавание лиц для сравнения объектов расследований ФБР с миллионами фотографий лицензий и удостоверений личности, хранящихся в соответствующих департаментах.

- Таможенная и пограничная служба США проводит эксперименты по использованию технологии распознавания лиц для сравнения цифровых фотографий паспортов с лицами людей, проходящих с этими паспортами через таможню.

- Полицейские силы как США, так и других стран используют распознавание лиц для борьбы с преступностью. Например, правоохранительные органы применяют технологию распознавания лиц для прямого сканирования толпы на публичных мероприятиях с целью выявления преступников или террористов.

Россия входит в топ-3 стран по количеству камер видеонаблюдения. Распознавание лиц используется как в коммерческих, так и в общественных целях. Для борьбы с коронавирусом, например, технологии распознавания лиц совмещают с тепловизионными решениями².

¹ Абуталимов З. Под надзором «большого брата». URL: <https://ko.ru/articles/pod-nadzorom-bolshogo-brata/> (дата обращения: 15.05.2021).

² Там же.

Заключение (Conclusions). Нельзя не согласиться с тем, что «информационная безопасность с учетом все шире внедряемых и используемых компьютерных систем занимает важное место в современном мире» (Афанасьева, 2020). На пресс-конференции в декабре 2019 года президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что «развитие искусственного интеллекта – вопрос национальной безопасности и выживания нашего государства, возможности искусственного разума будут влиять на все сферы жизни, и на оборону, и на темпы развития экономики»³. Аналитики уверяют, что технологии искусственного интеллекта скоро станут неотъемлемой частью практически любой сферы жизни, и информационная безопасность не исключение.

По данным глобального центра исследований технологий Omdia, в 2017 году мировой рынок решений в области искусственного интеллекта оценивался в \$485 млрд, в 2019 г. – уже \$917 млрд, к 2021 году аналитики предсказывают трехкратный рост и достижение отметки \$3 трлн⁴.

В связи с необходимостью противодействия экстремизму и обеспечения национальной безопасности во все более глобализующемся мире, социальные сети Facebook, Microsoft, Twitter и YouTube еще в 2017 году объединились для борьбы с экстремизмом в интернете. В совместном заявлении крупнейшие интернет-компании заявили, что «распространение терроризма и экстремизма является насущной проблемой глобального характера и вызовом для всех нас»⁵. Каждая из этих компаний уже

³ Большая пресс-конференция Владимира Путина. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62366> (дата обращения: 15.02.2021).

⁴ Андреянов Н. Искусственный интеллект в информационной безопасности. URL: <https://www.iksmedia.ru/articles/5682996-Iskusstvennyj-intellekt-v-informaci.html> (дата обращения: 15.05.2021)

⁵ Федуненко Е., Хвостик Е. Крупнейшие IT-компании создали антитеррористическую коалицию. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3337096> (дата обращения: 15.02.2021)

принимает меры по противодействию пропаганде терроризма на своих ресурсах. Работа сосредоточена на трех основных направлениях: «технологические решения», «исследовательская работа», «обмен информацией».

Вместе с тем можно понять и обеспокоенность потенциальных пользователей искусственного интеллекта по поводу соблюдения конфиденциальности. Распространение технологий искусственного интеллекта порождает ряд проблем, в том числе связанных с возможностью осуществления военных операций или боевых задач без вмешательства или участия человека. Эти и многие вопросы требуют изучения и определенных оценок с моральной, этической, нравственной точки зрения, с одной стороны, и обеспечения национальной безопасности любого государства, с другой. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо предоставить людям возможность выбора в отношении сбора и использования персональных данных и разработать разумные средства защиты собранной информации и решения иных задач, в том числе боевых, с помощью искусственного интеллекта.

Но ясно одно: необходимо искать методы, в которых искусственный интеллект станет частью решения вопросов безопасности, а не источником будущих проблем.

Список литературы

Афанасьева Д. В. Применение искусственного интеллекта в обеспечении безопасности данных // Известия ТулГУ. Технические науки. 2020. Вып. 2. С. 151-154.

Вирккунен Й., Гаджимурадова Г. И. Миграция, экстремизм и террористическая угроза в Финляндии Migration, extremism and terrorist threat in Finland // Современная Европа. 2018. № 5 (84). С. 131-141.

Гаджимурадова Г. И. Формирование мусульманских сообществ в Европе и возникновение религиозного экстремизма в условиях неконтролируемой миграции // Власть. 2016. Т. 24, № 10. С. 194-197.

Гаджимурадова Г. И. Активизация радикального ислама в свете миграционного кризиса в Европе: новые вызовы и противодействие террористическим угрозам // Информационные войны. 2017. № 2 (42). С. 7-11.

Пономарев В. А. Информационный экстремизм и информационный терроризм в пространстве PR-технологий, СМИ и открытой информационной сети (интернет): концептуальный аспект // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7, № 2. С. 301-319. DOI 10.17150/2308-6203.2018.7(2).301-319

Седых Н. С. Современный терроризм и молодежь: проблемы информационно-психологического противодействия // «Мусульманский мир». 2017. № 2. С. 26-38.

References

Afanasyeva, D. V. (2020), "Application of artificial intelligence in ensuring data security", *Izvestiya TulGU. Tekhnicheskie nauki*, 2, 151-154. (In Russian)

Virkkunen, J. and Gadzhimuradova, G. I. (2018), "Migration, extremism and terrorist threat in Finland", *Sovremennaya Evropa*, (5), 131-141. (In Russian)

Gadzhimuradova, G. I. (2016), "The formation of Muslim communities in Europe and the emergence of religious extremism in the context of uncontrolled migration", *Vlast'*, 24 (10), 194-197. (In Russian)

Gadzhimuradova, G. I. (2017), "Activation of Radical Islam in the light of the migration crisis in Europe: New challenges and countering terrorist threats", *Informatsionnye voyny*, (2), 7-11. (In Russian)

Ponomarev, V. A. (2018), "Information extremism and information terrorism in the space of PR technologies, mass media and open information network (Internet): a conceptual aspect", *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 7 (2), 301-319. DOI 10.17150/2308-6203.2018.7(2).301-319 (In Russian)

Sedykh, N. S. (2017), "Modern terrorism and youth: problems of information and

psychological counteraction”, *Musulmanskiy mir*, (2), 26-38. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2020 г. Поступила после доработки 17 мая 2021 г. Принята к печати 20 мая 2021 г.

Received 23 December 2020. Revised 17 May 2021. Accepted 20 May 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Gulnara I. Gadzhimuradova, Candidate of Philosphical Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of Russia; Leading Researcher of the Institute for Demographic Research, Federal Center of theoretical and applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-5

Оригинальная статья

Иванов Д. В.
Асочаков Ю. В.
Богомягкова Е. С.

Новые показатели социального развития: включенность
в интернет-коммуникации и креативность
на сетевых платформах¹

dvi1967@gmail.com

yasochakov@yandex.ru

e.bogomyagkova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9, 199034

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования включенности в интернет-коммуникации, активности и креативности в социальных сетях, проведенного методом телефонного опроса среди жителей Москвы, Санкт-Петербурга и Свердловской области. Включенность в интернет-коммуникации, активность и креативность в них являются показателями развитости сетевых и потоковых структур, формирующих новую социальную рутину. Проведенное исследование дает основание полагать, что это устойчивые и широко распространенные паттерны общественной жизни. Однако уровень развития этих структур в разных сегментах общества не одинаков. Социальные структуры, обнаруживаемые при помощи показателей включенности, активности, креативности в сетевых коммуникациях, больше развиты в современных мегаполисах и в большей степени создаются и используются молодежью и людьми, относящимися к средним стратам. Больше участвуя в сетевых коммуникациях и генерируя интенсивные потоки обновляемого контента, представители этих социальных групп наращивают собственный виртуальный капитал. Дифференциация социальных групп по критерию объема виртуального капитала является новой формой неравенства. По отношению к неравенству, получившему в конце прошлого века название «цифровой разрыв», новая форма предстает как цифровой разрыв второго рода, когда доступ к дополнительным ресурсам зависит не просто от включенности в коммуникационные сети, а от большей активности и креативности в них.

Ключевые слова: социальные сети; интернет; активность; креативность; цифровой разрыв; социальное развитие; наполненность жизни

Благодарность: Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РНФ (проект № 21-18-00125).

Информация для цитирования: Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Богомягкова Е. С. Новые показатели социального развития: включенность в интернет-коммуникации и креативность на сетевых платформах // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 49-68. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-5.

¹ Текст статьи был частично впервые опубликован в журнале «Социологические исследования». 2021. № 1.

Dmitry Ivanov
Yuri Asochakov
Elena Bogomyagkova

New indicators of social development: inclusion in internet communications and creativity on online platforms

dvi1967@gmail.com
yasochakov@yandex.ru
e.bogomyagkova@spbu.ru

St. Petersburg State University
7-9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia

Abstract. The article is presenting research of involvement in the internet communication, activities and creativity on social networking platforms. The comparative analysis of empirical data collected in Moscow, St. Petersburg, and Sverdlovsk is focused on digital communications intensity considered as an indicator of development of postindustrial social structures – networks and flows. The research reveals sustainability and wide spread of the internet and social networking platforms usage. However, the level of development of such new patterns of social life varies in different segments of society. Social structures revealed with the help of such indicators as involvement, activity and creativity in digital communications, are more developed in large cities and megapolises. Young people and the middle strata people are the leading groups in contributing to development of network and flow structures. Communicating on social networking platforms and generating intense flows of content, members of these social groups accumulate their virtual capital. Social differentiation based on unequal distribution of virtual capital is a new form of inequality. In relation to the inequality that was called the "digital divide" at the end of the last century, the new form appears as a digital divide of the second kind, where access to additional resources depends not simply on inclusion in communication networks, but on greater activity and creativity in them.

Key words: social networks; internet; activity; creativity; digital divide; social development; fullness of life

Acknowledgements. This work is based on research supported by the Russian Science Foundation (grant number 21-18-00125). The author is also grateful to the Research Park of St. Petersburg State University 'Center for Sociological and Internet Research' for the empirical data collected (the project 106-16435).

Information for citation: Ivanov, D., Asochakov, Y., Bogomyagkova, E. (2021), "New indicators of social development: inclusion in internet communications and creativity on online platforms", *Research Result. Sociology and management*, 7 (2), 49-68, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-5.

Введение (Introduction). Показатели социального развития для постиндустриального общества. Показатели, с помощью которых эксперты в области социальных наук уже традиционно оценивают уровень развития общества, отражают оставшиеся в прошлом процессы роста структур индустриального капитализма и

системы всеобщего благосостояния (welfare system).

Сравнительные оценки уровня жизни в странах по показателю ВВП на душу населения, восходящая к работам С. Кузнецца (Kuznets, 1955; 1968) и его учеников, появились на пике роста структур массового индустриального общества и на спе-

цифическом языке бухгалтерских счетов выражают тенденции экспансии его ключевых институтов – промышленных предприятий, потребительских рынков и организованной торговли, государственного регулирования и (пере)распределения материальных благ. Институциональные нормы устанавливают общие стандарты производственных и потребительских практик, и с распространением этих норм на большинство людей, уровень развития общества становится величиной, измеримой в унифицированных терминах эффективности социально-экономических институтов. ВВП на душу населения является именно таким универсальным показателем эффективности институтов массового индустриального общества.

Начало перехода к постиндустриальному обществу стало отправной точкой поисков новых показателей, соответствующих пониманию того, что развитие экономической системы не совпадает с собственно социальным развитием. Это понимание наглядно представлено, например, в публикующемся с 1990 г. и получившем широкое признание «индексе человеческого развития» ООН, концепцию которого предложил А. Сен (Sen, 1985; 1987). Этот индекс включает три компонента оценки качества жизни: ВВП на душу населения, продолжительность жизни, продолжительность образования. В индексе человеческого развития качество жизни по сути представлено как качество институтов, обеспечивающих благосостояние в развитом индустриальном обществе. Измеряются средняя покупательная (или производительная) способность и средняя доступность главных социальных сервисов (здравоохранения, образования) для людей, чья жизнь полностью структурирована институциональными нормами и состоит лишь из труда и отдыха, лечения и обучения.

По мере перехода к постиндустриальному обществу международное экспертное сообщество предлагает альтернативные показатели социального развития,

которые бы больше соответствовали современным представлениям о благополучном и гармоничном существовании людей. К покупательной способности и доступности социальных сервисов добавляется третий компонент / измерение качества жизни – комфортность среды (природной и социальной), которая достигается не только эффективным функционированием институтов, но также через (взаимо)действия индивидов, сообществ, социальных движений. Например, «индекс лучшей жизни» (Better Life Index), созданный под эгидой Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) в 2011 г., ориентирован на учет, помимо уровней дохода, образования, здоровья, таких дополнительных измерений социального развития, как уровень субъективно оцениваемой удовлетворенности жизнью, объем свободного от работы времени, экологическое благополучие, гендерное равенство, гражданская активность, уровень доверия между людьми и к общественным институтам¹.

Методология исследования (Methodology and methods). В современных моделях социального развития, в которых качество жизни объединяет параметры трех типов – объема производства / потребления, доступности общественных благ / социальных сервисов, комфортности среды, отражается структурный сдвиг второй половины XX в. В экономически развитых странах произошел сдвиг от доминирования институтов массового индустриального общества к индивидуализации и к активизации социальных движений. В социологии этот сдвиг привел к критическому переосмыслению направленности и результатов развития и к возникновению концепций новой, рефлексивной модернизации (Beck, 1992; Beck, Giddens, Lash, 1994; Beck, Beck-Gernsheim, 1994).

¹ Полная информация о показателях и значениях индекса лучшей жизни OECD доступна на официальном сайте проекта: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/environment/>.

С объединением объективистской, институциональной перспективы и конструктивистской, интеракционистской перспективы социальное развитие начинает выглядеть как рост социальных структур двух типов – тотальной, унифицирующей социальности, создаваемой институтами, и частной, ситуативной социальности, конструируемой индивидами и группами в интеракциях. Однако эта интеграция явно запоздала. В результате демассификации общества, дифференциации и фрагментации стилей жизни нормативная и регулятивная функции институтов ослабли, а новые формы коммуникации потеснили интеракции в режиме «лицом к лицу» в их социально-конструирующей роли. Исследования социальных изменений в 1990-х и 2000-х гг. показывают, что социальное развитие сейчас – это в первую очередь рост сетевых и потоковых структур, возникающих как альтернатива и традиционным институтам, и привычным интеракциям. Сетевые и потоковые структуры создают избирательную и динамичную социальность (Appadurai, 1990; Castells, 2000; Knorr Cetina, 2003; Lash, Urry, 1994; Urry, 2000; Иванов, 2012).

Результаты социального развития, во все большей мере определяемого ростом новых структур (сетевых и потоковых), выходят за рамки привычных концепций уровня жизни и качества жизни. Новую модель развития можно определить, как рост наполненности жизни. Наполненность жизни достигается соединением высокого уровня и качества жизни с включенностью в сети и потоки нового постиндустриального общества, с пространственной и социокультурной мобильностью и креативностью. В инновационной модели развития к показателям уровня доходов / потребления, доступности социальных сервисов и комфортности среды необходимо добавить показатели насыщенности жизни людей активностью в новых коммуникационных сетях, освоением новых общественных пространств, художественным или техническим творчеством. Ком-

плекс такого рода показателей был создан в ходе реализации на Факультете социологии СПбГУ проекта «Разработка модели социального развития в условиях постглобализации и поствиртуализации».

В ряду других в качестве важных в современных условиях показателей социального развития были взяты активность и креативность в социальных сетях, функционирующих на интернет-платформах. Эти показатели развития прошли апробацию в эмпирическом исследовании в трех российских регионах в начале 2020 г. Исследование было проведено в феврале – марте в Москве, Санкт-Петербурге, Свердловской области. Методом сбора данных был телефонный опрос. Формализованные интервью проводились с использованием технологии CATI на оборудовании ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования» (проект № 106-16435). Опрос проводился по квотным выборкам. Квотирование осуществлено по полу, возрасту, типу населенного пункта (только для Свердловской области). Объем выборки составил 356 человек (Москва), 420 (Санкт-Петербург), 402 (Свердловская область). Ошибка для каждой выборки не превышает 5% с вероятностью 95%. В данной статье анализируются те результаты опроса, которые позволяют оценить степень включенности жителей российских регионов в интернет-коммуникации и степень их активности и креативности в социальных сетях, функционирующих в интернете.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Включенность в интернет-коммуникации.* Включенность в новые сетевые структуры является показателем наполненности жизни, поскольку интенсивные обмены в коммуникационных сетях открывают доступ к новым социальным и культурным ресурсам, которых нет в непосредственном окружении индивида, увеличивают его (или ее) социальный капитал за счет многочисленных «слабых связей» и насыщают

жизнь социокультурным опытом получения и создания символических продуктов.

В нашем исследовании степень включенности в сетевые структуры в трех российских регионах оценивалась в первую очередь по частоте использования интернета (табл. 1). Данные опроса показывают, что существуют две основные категории по отношению к использованию интернета – абсолютно доминирующая группа оценивающих свое использование интернета как ежедневное (их доля пре-

вышает 80%) и альтернативная группа заявляющих о неиспользовании интернета вообще (их доля примерно в 8-12 раз меньше). Различия между регионами в распределении паттернов использования интернета небольшие, но заметные: разрыв между числом считающих себя постоянными пользователями и числом признающих в неиспользовании интернета в Москве и Санкт-Петербурге больше, чем в Свердловской области.

Таблица 1

Распределение респондентов по частоте использования интернета, %

Table 1

Breakdown of respondents by frequency of the internet usage, %

Вопрос / Question	Вариант ответа / Variant of answer	Регион / Region		
		Москва / Mos- cow	Санкт- Петербург / St. Petersburg	Свердловская область / Sverd- lovsk region
Как часто Вы пользуетесь интер- нетом? / How fre- quently do you use the internet?	Практически ежедневно / every day	87,2	83,7	83,3
	Несколько раз в неделю / several times a week	4,3	3,5	4,3
	Несколько раз в месяц / sev- eral times a month	0,9	2,4	1,4
	Несколько раз в год / several times a year	0,3	0,3	0,3
	Практически / совсем не пользуюсь / don't use at all	7,1	9,7	10,7
	Затрудняюсь ответить / it is difficult to say	0,2	0,2	0,0
	Отказ отвечать / no answer	0,0	0,2	0,0

При сравнении полученных данных с данными об использовании интернета в среднем по России, которые регулярно представляют Фонд общественного мнения (ФОМ) и Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), можно заметить, что показатели по каждому из трех регионов существенно выше общероссийских, даже с учетом роста доли постоянных пользователей в ситуации ограничительных мер оправдываемых противодействием распространению коронавирусной инфекции. По результатам

проведенного в мае 2020 г. опроса ФОМ суточная аудитория интернета составляет 69% взрослого населения России, а доля тех, кто им не пользуется совсем, составляет лишь 22%. При этом среди тех, кто хотя бы раз в месяц входит в сеть, примерно четверть заявили, что стали больше времени проводить в интернете в последние два месяца¹. Похожее соотношение между постоянными пользователями и не

¹ ФОМ (2020). Интернет и онлайн-сервисы. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14402> (дата обращения: 29.07.2020).

использующими интернет совсем можно видеть в результатах, еженедельно получаемых ВЦИОМ: доля пользующихся интернетом практически ежедневно выросла с 68% в начале марта до 72% в начале апреля и немного уменьшилась в начале июля – до 70-71%, а доля совсем не пользующихся интернетом составила 17-18%¹.

Отличие данных об уровне включенности в интернет-коммуникации населения Москвы, Санкт-Петербурга, Свердловской области от средних по России указывает на безусловное лидерство суперурбанизированных центров постиндустриального развития в процессах виртуализации социальных отношений и на следование за ними индустриальных регионов с традиционно высоким уровнем урбанизации. В мегаполисах, где постоянные и всепроникающие интернет-коммуникации востребованы абсолютным большинством населения и где для их развития имеются инфраструктурные возможности, вполне релевантными выглядят заявляемые российскими чиновниками проекты цифровизации процессов производства, предоставления услуг, обучения, документооборота и т. д. Однако в менее урбанизированных регионах, где доля постоянно включенных в интернет-коммуникации жителей лишь немного превышает половину взрослого населения, цифровизация предстает как принудительная виртуализация социальных институтов и процессов, создающая предпосылки для новых форм дискриминации, зависимости от доминирующих групп и социального исключения для тех, кто не имеет возможности или не осознает необходимость быть активным участником интернет-коммуникаций.

Неодинаковая степень включенности в интернет-коммуникации становится заметна и внутри регионов с общей высокой долей активных пользователей, если проанализировать данные с разбивкой по раз-

ным возрастным группам. Разные поколения по-разному включены в интернет-коммуникации. По сравнению с молодежью и людьми средних возрастов пожилые люди до сих пор предстают поколением, не вполне интегрированным в новую информационно-коммуникационную среду (см. рис.).

От четверти (в Москве) до более чем трети (в Свердловской области) респондентов в возрасте 60 лет и старше заявили, что практически или совсем не пользуются интернетом. Разрыв в уровне включенности в интернет-коммуникацию между поколениями – это проявление той новой формы социального неравенства, которая с середины 1990-х гг. получила название «цифровой разрыв» (Digital Divide). Если первоначально цифровой разрыв сводился к разделению на имеющих и не имеющих доступ к компьютерам и подключение к компьютерным сетям, то с превращением мобильных устройств в относительно недорогие предметы потребления, а доступа к широкополосному интернету в недорогую услугу на первый план вышло разделение на умеющих и не умеющих пользоваться имеющимися возможностями интернет-коммуникаций (van Dijk, 2020).

Цифровой разрыв первого рода, как и ожидали кибероптимисты – энтузиасты социального прогресса на базе развития цифровых технологий в конце прошлого века, уменьшился. Однако теперь цифровой разрыв в большей степени связан не с имущественным положением индивидов, а с их стилем жизни и ценностными ориентациями, укорененными в опыте поколения, к которому они принадлежат. К такому выводу об изменении характера цифрового разрыва можно прийти на основе полученных нами данных о частоте использования интернета в разных потребительских стратах (табл. 2).

¹ ВЦИОМ (2020). Пользование интернетом. URL: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения: 29.07.2020).

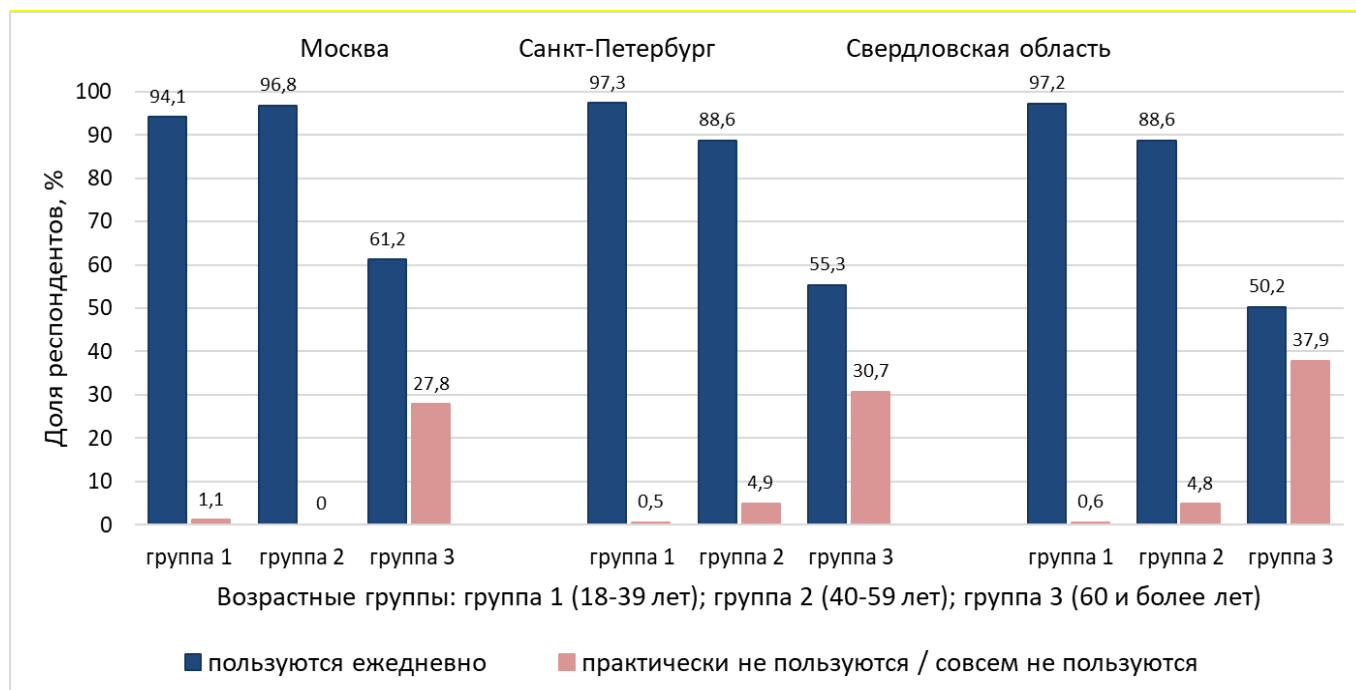

Рис. Использование интернета в разных возрастных группах

Fig. Usage of the internet by different age cohorts

Moscow St. Petersburg Sverdlovsk region Share of respondents, %

group 1 group 2 group 3

Age cohorts: group 1 (18-39 years aged); group 2 (40-59); group 3 (60+)

Using everyday Not using at all

Таблица 2

Использование интернета в различных потребительских стратах, %

Table 2

The use of the internet by different consumer strata, %

Экономический статус и использование интернета / Economic status and internet use	Регион / Region					
	Москва / Moscow		Санкт-Петербург / St. Petersburg		Свердловская об- ласть / Sverdlovsk region	
	Пользуются ежедневно / using everyday	Не пользуются / not us- ing at all	Пользуются ежедневно / using everyday	Не пользуются / not us- ing at all	Пользуются ежедневно / using everyday	Не пользуются / not us- ing at all
Денег не хватает даже на самое необходимое – еду, одежду, коммунальные платежи / don't have enough money for the basic needs – food, clothing, house and utilities payments	70,3	23,6	67,6	23,9	63,0	28,7
На самое необходимое денег хва- тает, но на покупку бытовой тех-	86,4	8,2	75,6	14,0	81,4	11,3

ники, мебели, на развлечения и путешествия денег нет / have money for the basic needs but not enough for buying durable consumer goods, for entertaining and travelling						
Денег на жизнь в общем хватает, но на покупку автомобиля денег нет / have money for living in general but not enough for buying a car	90,8	3,2	94,4	3,7	90,6	6,4
Денег хватает на всё, кроме покупки квартиры / дома / have enough money for everything but not for buying an apartment or house	91,4	2,4	90,6	5,7	86,0	5,8
Деньги есть практически на всё / have enough money for everything	86,8	9,2	100,0	0,0	95,9	0,0

Вполне ожидаемо наименьший уровень пользования интернетом наблюдается в группах респондентов, которые при ответе на вопрос о материальном положении их семьи выбрали вариант ответа «Денег не хватает даже на самое необходимое – еду, одежду, коммунальные платежи». Но даже в этой потребительской страте, которую можно назвать нуждающимися около двух третей респондентов указывают на ежедневное использование интернета, а на то, что не пользуются им совсем – около четверти. То есть постоянный доступ в интернет в представлениях большинства испытывающих острую нехватку денег жителей трех российских регионов является одной из базовых потребностей.

В Москве и Санкт-Петербурге, где по данным Росстата среднедушевые доходы населения выше, выше в среднем оказывается и уровень включенности в интернет-коммуникации, хотя это превышение над показателями по Свердловской области и не очень значительное. Этот паттерн разного уровня включенности в интернет-коммуникации в общем просматривается для нижних потребительских страт – групп респондентов, которые можно обозначить как нуждающихся, малообеспеченных и среднеобеспеченных. Однако в верхних потребительских стратах (группах в высо-

кой степени обеспеченных и полностью обеспеченных) паттерн перестает быть отчетливым. Например, в Москве среди респондентов, отметивших, что «Денег хватает практически на всё», доли ежедневно пользующихся интернетом и не пользующихся совсем составили, соответственно, 86,8% и 9,2% против 87,2% и 7,1% в среднем по выборке. Возможно, наблюдаемый эффект относительного снижения уровня включенности в интернет-коммуникации в верхних потребительских стратах объясняется недостатками выборки. Однако с учетом того, что за два десятилетия интернет эволюционировал, превратившись из сферы виртуального эскапизма для меньшинства – продвинутых маргиналов, технологов в сферу новой социализации и социального контроля абсолютного большинства посредством фактически нормативного принуждения к виртуализации большей части социальных интеракций, можно выдвинуть альтернативную гипотезу.

Не пользоваться интернетом ежедневно, избегать принудительной виртуализации становится новой привилегией для индивидов, обладающих высоким статусом и материальными возможностями, чтобы делегировать интернет-коммуникации другим, находящимся в подчиненном положении. Когда виртуализация со-

циальных структур, внедрение в жизнь цифровых технологий из доступной немногим экзотики превращается во всеобщую рутину, более престижным становится переход в состояние поствиртуализации, где всё цифровое, виртуальное менее ценно, чем аналоговое, реальное. Стремление к идентичности, отличающей от усредненного массового пользователя – объекта принудительной цифровизации, может быть тем фактором, который вызывает изменение паттерна цифрового разрыва в высокодоходных странах. В проведенном нами исследовании проверить эту гипотезу не представляется возможным. Здесь требуется не массовый опрос, а ориентированное на качественную методологию исследование ценностных ориентаций специфической группы.

Активность в сетевых коммуникациях. С превращением постоянного доступа в интернет в рутинный компонент стиля жизни абсолютного большинства населения такой показатель как доля пользователей интернета постепенно утрачивает способность быть индикатором социальных различий и социального развития. Потенциал развития сетевых структур в последние 20 лет связан с переходом к так называемому интернету второго поколения

(Web 2.0). В отличие от интернета первого поколения, где пользователи были преимущественно потребителями информации, размещаемой создателями интернет-страниц, в Web 2.0 даже не имеющие навыков в программировании и веб-дизайне пользователи получили возможность создавать и размещать собственный контент на открытых для них сетевых платформах. Поэтому показателем включенности в сетевые структуры становится активное использование социальных сетей на популярных интернет-платформах.

В проведенном опросе в трех регионах России более 80% респондентов заявили, что в той или иной форме пользуются социальными сетями (Facebook, Instagram, ВКонтакте, Одноклассники и т. п.). Лишь менее одной пятой респондентов заявляли, что вообще не пользуются социальными сетями (в том числе те, кто вообще не пользуются интернетом): в Москве – 19,2%, Санкт-Петербурге – 19,8%, Свердловской области – 15,7%. Подавляющее большинство респондентов заявили об использовании социальных сетей, но по предпочитаемым формам и степени активности в этих сетевых структурах респонденты разделяются на разные группы (табл. 3).

Таблица 3

Практики использования социально-сетевых платформ
(доля среди заявивших о пользовании социальными сетями, %)

Table 3

Practices of using social networking platforms (share of users who say they use such platforms, %)

Вопрос / Question	Вариант ответа / Variants of answer		Регион / Region		
			Москва / Moscow	Санкт- Петербург / St. Peters- burg	Свердловская область / Sverd- lovsk region
Пользуетесь ли Вы социальными сетями (Фейсбук, Инстаграм, ВКонтакте, Од- ноклассники или другими)? Если пользуетесь, то как именно? / Do	Просматриваю новости, читаю посты, блоги, смотрю видео, слушаю музыку / watching news, reading posts, blogs, watching videos, listening	Часто / fre- quently	77,0	81,2	76,2
		Иногда / some- time	17,6	14,3	19,8
		Никогда / nev- er	5,1	4,2	3,7
		Затрудняюсь ответить / dif- ficult to say	0,3	0,3	0,3

you use social networking platforms (Facebook, Instagram, VKontakte, Odnoklassniki or others)? If you do how do you practice that?	music				
	Обмениваюсь сообщениями с друзьями, коллегами, близкими / texting with friends, coworkers, relatives	Часто / frequently	72,7	73,9	71,8
		Иногда / sometime	20,3	19,8	20,7
		Никогда / never	6,7	6,0	7,2
		Затрудняюсь ответить / difficult to say	0,3	0,3	0,3
	Размещаю свои посты (веду блоги, выкладываю тексты, истории, фото, видео, картинки и т. д.) / blogging, posting my own texts, stories, pictures, videos etc.	Часто / frequently	18,9	18,7	17,5
		Иногда / sometime	40,6	44,2	36,5
		Никогда / never	39,9	36,8	45,2
		Затрудняюсь ответить / difficult to say	0,6	0,3	0,8
	Оставляю комментарии к чужим постам, фото, видео / commenting others' posts, pictures, videos	Часто / frequently	16,0	14,3	14,3
		Иногда / sometime	48,3	52,0	48,1
		Никогда / never	34,5	32,5	36,2
		Затрудняюсь ответить / difficult to say	1,2	1,2	1,4
	Делаю репосты, ставлю лайки / дизлайки / reposting, liking, disliking others' posts	Часто / frequently	28,2	28,1	25,2
		Иногда / sometime	42,4	48,0	52,0
		Никогда / never	29,1	23,6	21,9
		Затрудняюсь ответить / difficult to say	0,3	0,3	0,9
	Играю в онлайн-игры / playing games online	Часто / frequently	8,2	13,6	12,8
		Иногда / sometime	19,2	16,6	17,7
		Никогда / never	71,7	69,5	69,0
		Затрудняюсь ответить / difficult to say	0,9	0,3	0,5

В ответах респондентов нашего исследования большинство пользователей социальных сетей предстают преимуще-

ственно потребителями контента, которые просматривают новости, читают посты других пользователей, смотрят видео,

слушают музыку (порядка 94-95%). Более активно проявляют себя, делая перепосты и ставя лайки или дизлайки уже гораздо меньше пользователей социальных сетей. Заявляют о перепостах и выставлении отметок чужим постам, соответственно, примерно 64% и 70% в Москве, 66% и 76% в Санкт-Петербурге, 62% и 77% в Свердловской области. Создание контента, то есть размещение собственных постов (ведение блогов, выкладывание текстов, историй, фото, видео, картинок и т. д.) оказывается еще менее популярной практикой. О ней сообщают около 59% пользователей социальных сетей в Москве, 63% в Санкт-Петербурге, 54% в Свердловской области. Причем лишь меньшинство, составляющее в каждом из трех регионов менее одной пятой от всех пользователей, считает, что практикует создание контента часто.

Сравнение с данными опросов, проведенных по общероссийской выборке в предшествующие годы ВЦИОМ и ФОМ, показывает, что паттерн разделения на большинство относительно пассивных потребителей контента и на меньшинство активных создателей контента обнаруживает устойчивость во времени, воспроизводится в практиках пользователей социальных сетей. Согласно опубликованным в начале 2016 г. данным исследования ФОМ, среди тех 87% интернет-пользователей, которые заявили об использовании социальных сетей, самыми популярными практиками были общение с друзьями, знакомыми, отправка запросов на добавление в друзья (72% интернет-пользователей), получение информации о новостях, событиях из жизни города, страны, мира (46%). Практики, предполагающие создание собственного нового контента, явно уступали в популярности. Создавать сообщения, посты на своей странице доводилось 19% пользователей, обсуждать, высказывать свое мнение о новостях, событиях из жизни города, страны, мира – 15%, выклады-

вать видео, аудиофайлы – 12%¹. Данные исследования ВЦИОМ, опубликованные в конце 2018 г., указывают на тенденцию общего роста доли активных пользователей в социальных сетях. Так или иначе пользовались социальными сетями 62% респондентов. Хотя бы иногда публиковали собственные тексты/посты в социальных сетях 23%, комментировали другие публикации/посты, фото/видео 56%, размещали свои фотографии, видео 67%, отмечали то, что нравится, ставили отметки «нравится»/«лайки» 85%².

Данные нашего исследования указывают на продолжение тенденции общего роста активности пользователей в социальных сетях, особенно в супер урбанизированных центрах постиндустриального развития. Однако сохраняется разделение на менее активных и более активных пользователей по критерию создания собственного контента на социально-сетевых интернет-платформах. Наряду с цифровым разрывом первого рода – между включенными и не включенными в интернет-коммуникации, отчетливо виден еще один цифровой разрыв – разрыв уже среди включенных в интернет-коммуникации по степени их активности. Этот род цифрового разрыва можно трактовать как новую форму неравенства, опираясь на концепцию дифференциации форм капитала, восходящую к идеям П. Бурдье (Бурдье, 2002). Те активности, которые обеспечивают привлечение внимания к странице пользователя в социальной сети, способствуют наращиванию виртуальной формы символического капитала в виде принятых в сети знаков одобрения (лайков, позитивных комментариев) и наращиванию виртуальной формы социального капитала в виде сети «слабых» связей с друзьями и под-

¹ ФОМ (2016). Онлайн-практики россиян: социальные сети. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/12495> (дата обращения: 29.07.2020).

² ВЦИОМ (2018). Персональные данные в интернете: возможности и риски. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9401> (дата обращения: 29.07.2020).

писчиками (фолловерами). Создатели оригинального контента и отчасти ретрансляторы такого контента посредством репостов и комментариев, аккумулируя виртуальные формы капитала, привлекают внимание не только множества других пользователей, но и рекламодателей и инвесторов. Таким образом, наиболее активные пользователи получают возможность конвертации своих виртуальных ресурсов в реальный экономический капитал, тогда как пользователи – потребители контента оказываются «виртуальными пролетариями» – поставщиками внимания как наиболее ценного ресурса в постиндустриальном обществе.

Активность в виртуальном социальном пространстве, образуемом сетевыми коммуникациями, может конвертироваться не только в экономический, но и в политический капитал, аккумулируемый в виде поддержки сторонниками тех или иных политиков, проектов, движений. Данные проведенного опроса показывают, что респонденты в каждом из трех регионов при в общем не высокой заинтересованности в участии в деятельности общественно-политических организаций больше ориентированы на виртуальные, сетевые формы активности, чем на традиционные формы – собрания, митинги, марши, пикеты и т.п. (табл. 4).

Таблица 4

Участие в реальных и виртуальных общественно-политических акциях
(доля респондентов, ответивших «Да», %)

Table 4

Participation in real and virtual public political actions (share of respondents saying 'Yes', %)

Участие в общественно-политических акциях / participation in public political actions	Регион / Region		
	Москва / Moscow	Санкт-Петербург / St. Petersburg	Свердловская область / Sverdlovsk region
Участвует в реально проводимых акциях, мероприятиях (собраниях, митингах, маршах, пикетах, перформансах и т.п.) / participating in offline actions and events (meetings, demonstrations, picketing, performances etc.)	12,4	12,2	15,7
Участвует в сетевых акциях (обмен информацией в интернете, репосты, комментарии, флешмобы в социальных сетях и т.п.) / participating in online network activities (information exchange, reposting, commenting, flash-mobbing in social networks etc.)	28,3	26,4	28,0

Полученные доли ответивших утвердительно на вопрос об участии в общественно-политических акциях не обязательно отражает фактическую вовлеченность в общественно-политическую деятельность, но однозначно указывают на предпочтения. Виртуальные акции в коммуникационных сетях предпочтительнее

реального действия в физическом пространстве. В современном обществе сетевые и потоковые структуры выглядят более конкурентоспособными в сравнении с институтами и интеракциями, осуществляемыми в привычном режиме «лицом к лицу».

Креативность в социальных сетях.

Ответы на вопрос о практиках пользователей социальных сетей (см. табл. 3) позволяют оценить не только степень включенности в сетевые структуры и уровень сетевой активности, но также отчасти и уровень креативности, являющийся еще одним показателем наполненности жизни. Креативность – это характеристика не любой активности, а лишь той, которая ведет к созданию новых объектов и смыслов. В постиндустриальном обществе креативность относительно дефицитный и потому очень ценный ресурс (Florida 2002). Еще одним подтверждением этого могут служить и приведенные выше данные о практиках использования социальных сетей. Практика создания собственного контента – размещение постов, ведение блогов, выкладывание мультимедийных файлов и т. п., по частоте заметно уступает практике просмотра контента, созданного другими.

Креативность как показатель наполненности жизни включает не только сетевую, виртуализированную компоненту, но и традиционно реальную. В отличие от популярного концепта Р. Флориды (Florida, 2002) в нашем исследовании креативность понимается не как потенциал творчества, заключенный в таланте, технологиях, толерантности, а как повседневное создание собственным действием реальных и виртуальных объектов. В данной статье наш анализ сосредоточен на сетевой креативности, связанной с созданием виртуальных объектов, поскольку в XXI веке социальные сети стали тем виртуальным пространством, в котором новых возможностей для творчества больше, которое расширяется наиболее быстро и в котором насыщение жизни индивидов новым социокультурным опытом происходит наиболее интенсивно.

Если среди всех практик использования социальных сетей выделить две – потребление контента (просмотр новостей, чтение постов, блогов, просмотр видео, прослушивание музыки) и создание кон-

тента (размещение своих постов, ведение блогов, выкладывание текстов, историй, фото, видео, картинок и т. д.), и сравнить их соотношение у респондентов в разных группах по возрасту, возможностям потребления, уровню образования, то становятся отчетливо видны социально-демографические характеристики второго цифрового разрыва. Второй цифровой разрыв как более глубокий уровень цифрового неравенства, когда после разделения на пользующихся и не пользующихся цифровыми ресурсами уже пользователи разделены на потребителей и создателей контента прежде всего заметен в возрастном измерении (табл. 5).

При том, что вовлеченность в сетевое потребление выглядит в ответах респондентов примерно одинаково высокой для всех трех групп – молодежи, людей среднего возраста и пожилых, уровень креативности в сети, определяемый по суммарной доле ответивших «часто» и «иногда» на вопрос о размещении контента, очевидно выше среди молодых пользователей. В возрастной группе от 18 до 29 лет создание контента – практика абсолютного большинства. В возрастной группе 60 лет и старше креативность в сети – характеристика меньшинства.

В отличие от возрастного измерения второго цифрового разрыва, экономическое неравенство и цифровой неравенство второго рода, по-видимому, связаны нелинейно. Полученные в ходе исследования данные указывают на то, что вовлеченность в потребление сетевого контента примерно одинакова для трех страт, выделенных по критерию заявленных респондентами потребительских возможностей их семей. При этом создание нового контента – это практика, чаще декларируемая респондентами из среднеобеспеченного слоя, чем представителями и нижнего слоя (нуждающиеся и малообеспеченные) и верхнего слоя (в высокой степени и полностью обеспеченные).

Таблица 5
Потребление и создание контента в социальных сетях в разных возрастных группах, %
Table 5
Digital content consumption and creation on social networking platforms
by different age cohorts, %

Потребле- ние и созда- ние контен- та / Consuming and creating content	Регион / Region											
	Москва / Moscow				Санкт-Петербург / St. Pe- tersburg				Свердловская область / Sverdlovsk region			
	Потребляют контент / Consuming contents		Создают контент / creating con- tents		Потребляют контент / consuming contents		Создают контент / creating con- tents		Потребляют контент / consuming contents		Создают контент / creating con- tents	
	Часто/ иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто/ иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто/ иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто/ иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто/ иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто/ иногда / frequently or sometime	Никогда / never
В среднем по выборке / average	94,6	5,1	59,5	39,5	95,5	4,2	62,9	36,8	96,0	3,7	53,9	45,2
В возраст- ной группе 18-29 лет / 18-29 years aged	98,8	0,0	76,1	22,8	99,0	1,0	82,5	17,5	100,0	0,0	77,8	22,2
В возраст- ной группе 30-59 лет / 30-59 years aged	92,7	5,2	55,1	44,4	96,2	3,8	60,0	40,0	94,7	4,8	48,9	50,1
В возраст- ной группе 60 и более лет / 60+ years aged	7,1	2,9	6,4	3,5	5,8	2,1	5,9	2,1	3,8	,2	5,6	2,3

Те, кто считают, что его (ее) семье «денег на жизнь в общем хватает, но на покупку автомобиля денег нет», выглядят наиболее креативными в социальных сетях. И этот паттерн лидерства типичного для России среднего слоя в сетевой креативности воспроизводится в данных по всем трем регионам, ставшим объектами нашего исследования. В Москве превыше-

ние уровня креативности среднеобеспеченных пользователей над уровнями, фиксируемыми в нижнем и верхнем слоях, незначительно и не выходит за границы статистической погрешности, а вот в Санкт-Петербурге и Свердловской области это различие очевидно статистически значимо (табл. 6).

Таблица 6
Потребление и создание сетевого контента в разных экономических стратах, %
Table 6
Digital content consumption and creation on social networking platforms
by different economic strata, %

Потребление и создание контента / Consuming and creating content	Регион / Region											
	Москва / Moscow				Санкт-Петербург / St. Petersburg				Свердловская область / Sverdlovsk region			
	Потребляют контент / consuming contents		Создают контент / creating contents		Потребляют контент / consuming contents		Создают контент / creating contents		Потребляют контент / consuming contents		Создают контент / creating contents	
	Часто / иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто / иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто / иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто / иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто / иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто / иногда / frequently or sometime	Никогда / never
Нуждающиеся и малообеспеченные / low-income people	91,7	8,3	59,0	41,0	93,8	6,2	51,8	48,2	96,2	3,8	53,8	45,6
Среднеобеспеченные / medium-income people	97,1	2,9	62,5	37,5	97,1	2,9	74,1	25,8	96,5	3,5	62,3	36,8
В высокой степени и полностью обеспеченные / high-income people	5,9	0,1	0,5	8,3	6,0	0,0	3,4	6,6	3,8	0,8	2,3	6,2

Объяснить неполное совпадение привычного экономического и нового цифрового неравенства можно, исходя из того, что для представителей верхнего слоя, аккумулировавших в значительных объемах материальные активы, практики создания сетевого контента, который можно монетизировать, не являются приоритетным видом деятельности и не выглядят престижным компонентом традиционного стиля жизни респектабельных буржуа. В то же время для многих представителей среднего слоя – активное использование цифровых технологий для достижения и поддержания высокого статуса, аккумулирование виртуального капитала (внимания аудитории, популярности

контента) в коммуникационных сетях – это зачастую наиболее доступный способ компенсировать нехватку материальных ресурсов и обеспечить себе восходящую социальную мобильность. Создавая оригинальный, привлекательный, постоянно и быстро обновляемый контент, креативные представители среднеобеспеченных групп попутно создают те сетевые и потоковые структуры, которые становятся постиндустриальной альтернативой привычным институтам, утвердившимся со времен пика развития индустриального общества.

Распределение ответов респондентов из разных слоев на вопрос о создании сетевого контента не обязательно отражает действительный уровень креативности, но

точно соответствует их отношению к использованию социальных сетей, отражает их ориентированность на положительный или негативный образ сетевой креативности, сконструированные в массовом сознании в последнее десятилетие. Позитивный образ сетевой креативности обычно воплощает (видео)блогер, занятый по-настоящему современной, напряженной, творческой и общественно-полезной работой или развивающий высокотехнологичный и перспективный информационный бизнес. Негативный образ стереотипно воплощают так называемые инстаграммики (а теперь еще и тиктокеры), генерирующие малоценный в интеллектуальном и эстетическом отношении контент, сводящие интернет-коммуникации к экстравагантной и эпатажной самопрезентации, гонке за сиюминутной популярностью, числом лайков, комментариев подписчиков. Большая распространенность скептически-

го и высокомерного отношения к практикам создания сетевого контента среди людей с наиболее высоким уровнем доходов и потребления представляется убедительной гипотезой. Однако возможность ее подтверждения находится за рамками тех данных, которые получены в ходе нашего исследования.

Так же, как и в случае экономического статуса, связь образовательного статуса и склонности к сетевой креативности представляется скорее нелинейной. При сравнении двух групп – респондентов, заявивших о наличии у них в той или иной форме среднего образования (основного, полного, технического, специального), и респондентов, заявивших о наличии у них высшего или неоконченного высшего образования, не удастся обнаружить существенных и однозначных различий в уровнях потребления и создания сетевого контента (табл. 7).

Таблица 7

Потребление и создание контента в группах с разным образовательным уровнем, %

Table 7

Digital content consumption and creation on social networking platforms by different educational level groups, %

Потребление и создание контента / Consuming and creating content	Регион / Region											
	Москва / Moscow				Санкт-Петербург / St. Petersburg				Свердловская область / Sverdlovsk region			
	Потребляют контент / consuming contents		Создают контент / creating contents		Потребляют контент / consuming contents		Создают контент / creating contents		Потребляют контент / consuming contents		Создают контент / creating contents	
	Часто/ иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто/ иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто/ иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто/ иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто/ иногда / frequently or sometime	Никогда / never	Часто/ иногда / frequently or sometime	Никогда / never
Среднеобразованные / a group with secondary education	92,3	6,4	65,2	33,6	93,2	5,9	56,0	43,0	97,6	2,4	51,4	48,1
Высокообразованные / a group with higher education	95,4	4,6	57,9	41,7	96,3	3,7	67,3	32,7	94,0	5,4	57,3	41,6

В Санкт-Петербурге и Свердловской области принадлежность пользователей

социальных сетей к группе с высоким образовательным статусом коррелирует с бо-

лее высоким уровнем сетевой креативности. Однако среди респондентов в Москве наблюдается обратная тенденция. Но есть и общий паттерн цифрового разрыва второго рода среди людей с различным образовательным статусом. Этот паттерн обнаруживается при выделении в особую категорию респондентов, указавших на наличие у них неоконченного высшего образования. Это по преимуществу студенты вузов, среди которых подавляющее большинство дает положительные ответы на вопрос о создании ими хотя бы иногда сетевого контента: в Москве 85,7%, в Санкт-Петербурге 81,8%, в Свердловской области 70,6%. Эта немногочисленная категория пользователей. В Москве к ней относятся лишь 8%, респондентов, в Санкт-Петербурге – 6%, в Свердловской области – 4%. Так что эта группа представляет собой не столько «креативный класс», сколько креативную когорту, находящуюся в особом переходном состоянии социализации и борьбы за статус и идентичность. Но именно эта когорта ориентирована на сетевую креативность как на возможность аккумулировать символический и социальный капиталы в их виртуальной форме и тем самым превратить второй цифровой разрыв в основу своего преимущества и успешности в создании и использовании сетевых и потоковых структур постиндустриального общества.

Неравномерное распределение креативности в сообществе пользователей социальных сетей приводит к тому, что пока только меньшинство – молодежь, получающая высшее образование и принадлежащая к среднему слою, ориентировано на активное создание сетевого контента, на развитие сетевых и потоковых структур и на извлечение выгод из этого развития. Включение такого рода креативности в повседневную жизнь все большего числа современных людей может стать одним из ориентиров и индикаторов развития нового постиндустриального общества, в котором включенность в создание новых социальных структур – сетевых и потоковых

должно обеспечивать высокий уровень качества и наполненности жизни.

Заключение (Conclusions). *Новые показатели и ориентиры социального развития.* Включенность в интернет-коммуникации, активность и креативность в социальных сетях являются показателями развитости сетевых и потоковых структур. Проведенное исследование дает основание полагать, что это устойчивые и широко распространенные паттерны общественной жизни. Однако уровень развития этих структур в разных сегментах общества не одинаков. Социальные структуры, обнаруживаемые при помощи показателей включенности, активности, креативности в сетевых коммуникациях, больше развиты в современных мегаполисах. Для того, чтобы данный вывод из реалистичной гипотезы превратился в строгое суждение о современной направленности социального развития, нужны исследования в менее урбанизированных регионах.

Сетевые и потоковые структуры в большей степени развиваются и используются молодежью и людьми, относящимися к средним стратам. Больше участвуя в сетевых коммуникациях и генерируя интенсивные потоки обновляемого контента, представители этих социальных групп наращивают собственный виртуальный капитал. Дифференциация социальных групп по критерию объема виртуального капитала является новой формой неравенства. По отношению к неравенству, получившему в конце прошлого века название «цифровой разрыв», новая форма представит как цифровой разрыв второго рода, когда доступ к дополнительным ресурсам зависит не просто от включенности в коммуникационные сети, а от большей активности и креативности в них.

Данные проведенного опроса, как и данные, регулярно получаемые в последние годы другими исследователями, свидетельствуют о том, что цифровой разрыв первого рода перестает быть разделением на меньшинство пользователей и большинство исключенных из сетевых комму-

никаций. Имеющим преимущества, извлекающим выгоды из включенности в сетевые и потоковые структуры меньшинством теперь становятся активные и креативные пользователи, создающие потоки контента в социальных сетях, а лишенным выгод, зависимым и виртуально эксплуатируемым большинством оказываются те пользователи, которые остаются лишь потребителями контента.

При том высоком уровне включенности населения в интернет-коммуникации, который был выявлен в ходе исследования в Москве, Санкт-Петербурге и Свердловской области, традиционно используемые многими исследователями показатели месячной или недельной интернет-аудитории уже малоэффективны, поскольку не учитывают различия между пользователями, спорадически включающимися в сетевые коммуникации, и активными пользователями, практически постоянно включенными в коммуникации. Суточная аудитория – более релевантный показатель развития новых сетевых и потоковых структур. Высокий уровень включенности населения в социальные сети снижает релевантность такого показателя, как доля пользователей сетей в населении или в интернет-аудитории. Для оценки уровня развития сетевых и потоковых структур больше подходят показатели доли создателей контента в общем числе пользователей и доли создателей оригинального и популярного контента. Сетевые и потоковые структуры, определяющие характер социального развития в постиндустриальном обществе, возникают не только в интернет-коммуникациях. Поэтому для изучения этих структур и для оценки уровня их развитости нужно к показателям включенности в интернет-коммуникации, активности и креативности в социальных сетях добавить показатели, выявляющие и символизирующие, и материальные сети, и потоки. Разработка и апробация комплекса таких показателей – задача для будущих исследований.

Анализируя представленные результаты, необходимо учитывать и проблемы, повлиявшие на ход исследования. При использовании в качестве показателей распределений ответов респондентов сохраняется традиционная для социологов проблема предмета изучения. Ответы больше говорят не о реальном положении вещей или практиках людей, а об их ценностных ориентациях и идентичностях. Есть и проблема объекта. В проведенном исследовании социология вновь подтвердила свой статус науки о разговорчивом меньшинстве. Об этом свидетельствуют метаданные опроса. Сотрудниками Центра социологических и интернет-исследований СПбГУ были собраны 1178 результативных интервью, было 200 прерванных интервью, 6056 интервью не состоялось, поскольку респонденты оказались вне квот, 23803 телефонных номера не отвечали на звонок интервьюера, 608 номеров были заняты, 6124 человека отказались от интервью.

Сбор данных был завершен по трем регионам, дальнейшее исследование было приостановлено в связи с вызванными антиэпидемиологическими мерами ограничениями на доступ сотрудников научных подразделений к оборудованию. Неоднозначный эффект кризиса начала 2020 г. для процессов социального развития заставляет задуматься об устойчивости тенденций возникновения и распространения новых социальных структур. Карантинные меры, мотивируемые опасностью COVID-19, привели к тому, что можно назвать принудительной виртуализацией. Изучение ее последствий для развития сетевых и потоковых структур становится перспективной задачей.

Список литература

- Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60-74.
Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8-16.

Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // *Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*; Featherstone M. (ed.). London: SAGE Publications, 1990.

Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage Publications, 1992.

Beck U., Beck-Gernsheim E. *Riskante Freiheiten – Gesellschaftliche Individualisierungsprozesse in der Moderne*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1994.

Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge: Polity Press, 1994.

Castells M. *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2000.

Florida R. *The Rise of the Creative Class*. New York: Basic Books, 2002.

Knorr C. K. From Pipes to Scopes: The Flow Architecture of Financial Markets // *Distinktion*. 2003. 7. Pp. 7-23.

Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // *The American Economic Review*. 1955. 45 (1). Pp. 1-28.

Kuznets S. *Toward a Theory of Economic Growth, with Reflections on the Economic Growth of Modern Nations*. New York: Norton, 1968.

Lash S., Urry J. *Economies of Signs and Spaces*. London: SAGE Publications, 1994.

Sen A. *Commodities and Capabilities*. Amsterdam, New York: North-Holland, 1985.

Sen A. *The Standard of Living*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Urry J. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London: Routledge, 2000.

Van Dijk J. *The Digital Divide*. Cambridge: Polity Press, 2020.

References

Bourdieu, P. (2002), "Forms of capital", *Journal of Economic Sociology*, (5), 60-74. (in Russian)

Ivanov, D. V. (2012), "Toward a theory of flow structures", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (4), 8-16. (in Russian)

Appadurai, A. (1990), "Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy", in Featherstone, M. (ed.), *Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*, SAGE Publications, London, UK.

Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, Sage Publications, London, UK.

Beck, U. and Beck-Gernsheim, E. (1994), *Riskante Freiheiten – Gesellschaftliche Individualisierungsprozesse in der Moderne*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt a. M., Germany.

Beck, U., Giddens, A. and Lash, S. (1994), *Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*, Polity Press, Cambridge, UK.

Castells, M. (2000), *The Rise of the Network Society*, 2nd ed., Blackwell Publishing, Malden, MA, USA.

Florida, R. (2002), *The Rise of the Creative Class*, Basic Books, New York, USA.

Knorr C. K. (2003), "From Pipes to Scopes: The Flow Architecture of Financial Markets", *Distinktion*, 7, 7-23.

Kuznets, S. (1955), "Economic Growth and Income Inequality", *The American Economic Review*, 45 (1), 1-28.

Kuznets, S. (1968), *Toward a Theory of Economic Growth, with Reflections on the Economic Growth of Modern Nations*, Norton, New York, USA.

Lash, S. and Urry, J. (1994), *Economies of Signs and Spaces*, SAGE Publications London, UK.

Sen, A. (1985), *Commodities and Capabilities*. Amsterdam, North-Holland, New York, USA.

Sen, A. (1987), *The Standard of Living*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Urry, J. (2000), *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*, Routledge, London, UK.

Van Dijk, J. (2020), *The Digital Divide*, Polity Press, Cambridge, UK.

Статья поступила в редакцию 23 января 2021 г. Поступила после доработки

12 мая 2021 г. Принята к печати 20 мая 2021 г.

Received 23 January 2021. Revised 12 May 2021. Accepted 20 May 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Асочаков Юрий Валентинович, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-

Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Богомягова Елена Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Dmitriy V. Ivanov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Yuri V. Asochakov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Elena S. Bogomyagkova, PhD in Sociology, Associate Professor at the Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

УДК 316.4.06

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-6

Оригинальная статья

Шиняева О. В.
Каманина В. Е.

Изменение профессионального поведения журналистов
в условиях трансформации института СМИ

Ульяновский государственный технический университет
Россия, Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32, 432027
olses@rambler.ru
kamanina_valentina@mail.ru

Аннотация. В современной научной парадигме наметилась необходимость социологической трактовки выполнения журналистами социальных функций в условиях кардинального изменения института средств массовой информации, в силу экономических, социокультурных, технологических изменений последних лет. Трансформация СМИ и медиапространства не только превратила современное общество в медиатизированное, но и серьезно поменяла технологии труда профессиональных журналистов, практики их взаимодействия с блогерами, активистами социальных сетей, бизнес-структурами и органами власти. В статье выделены основные характеристики трансформации института СМИ: 1) внедрение цифровых технологий передачи информации и виртуализация информационного пространства; 2) активная позиция независимых СМИ и новых медиа в изменении общественного сознания, оценок населения; 3) высокая конкурентная борьба субъектов медиапространства; 4) глобализация информационного пространства, размытые границы и унифицированные стандарты. Социальные позиции и функции института СМИ трансформируются вместе с модернизацией общества. В последние десять лет кардинально изменилась структура российского медиапространства, которая в целом соответствует тенденциям изменения социального института: глобализация коммуникационных процессов, связанная с виртуализацией медиапространства, легализацией «сетевых изданий», универсализация и многозадачность профессиональной деятельности журналистов. Журналисты ощущают двойственность профессиональной идентификации: с одной стороны, они являются частью рыночного механизма производства и продажи информации; с другой, они – активные участники гражданских процессов. Большинство медиа-специалистов считает необходимым смыслом профессии участвовать в развитии гражданского общества; при этом только половина связывает профессиональную деятельность с внутренними ее сторонами и назначениями. Профессионально более уверенно чувствуют себя те специалисты, которые работают в традиционных или сетевых изданиях и параллельно ведут свой блог или сотрудничают с независимыми онлайн-платформами. Они чаще реализуют новаторский подход в профессии, способны к совершенствованию и новым функциям института СМИ.

Ключевые слова: социальный институт СМИ; функции института СМИ; профессиональное поведение журналистов; социальная ответственность и самочувствие журналистов

Информация для цитирования: Шиняева О. В., Каманина В. Е. Изменение профессионального поведения журналистов в условиях трансформации института СМИ // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 69-87. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-6.

Original article

Olga V. Shinyayeva

Valentina Ev. Kamanina

Changing the professional behavior of journalists in the context of the transformation of the mass media institution

Ulyanovsk State Technical University
32, Severny Venets, Ulyanovsk, 432027, Russia
olses@rambler.ru
kamanina_valentina@mail.ru

Abstract. In the modern scientific paradigm, there is an emerging need for a sociological interpretation of the performance of social functions by journalists under conditions of radical changes in the institution of the media, due to the economic, sociocultural, and technological changes of recent years. The transformation of the media and media space has not only transformed modern society into a mediaized society, but has also seriously changed the technologies of professional journalists' work and the practices of their interaction with bloggers, social network activists, business structures, and the authorities. The article identifies the main characteristics of the transformation of the institution of the media: 1) the introduction of digital technologies for transmitting information and the virtualization of the information space; 2) the active position of the independent media and new media in changing public consciousness and the estimates of the population; 3) the high level of competition among actors in the media space; 4) the globalization of the information space, blurred borders and unified standards. The social positions and functions of the media institution are being transformed along with the modernization of society. In the last ten years, the structure of the Russian media space has changed dramatically, which in general corresponds to the trends in changes in the social institution: the globalization of communication processes associated with the virtualization of media space, the legalization of "network publications," the universalization and multitasking of journalists' professional activities. Journalists feel a duality of professional identification: on the one hand, they are part of the market mechanism for producing and selling information; on the other, they are active participants in civic processes. The majority of media professionals consider it necessary for their profession to participate in the development of civil society; at the same time, only half of them link their professional activity to its internal aspects and purposes. Those professionals who work in traditional or online publications and simultaneously run their own blog or cooperate with independent online platforms feel more confident professionally. They are more likely to be innovative in the profession, capable of improvement and new functions of the media institution.

Keywords: social media institute; functions of the media institute; professional behavior of journalists; social responsibility and wellbeing of journalists

Information for citation: Shinyayeva, O. V., Kamanina, V. Ev. (2021), "Changing the professional behavior of journalists in the context of the transformation of the

mass media institution”, Research Result. Sociology and management, 7 (2), 69-87,
DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-6.

Введение (Introduction). СМИ представляют собой социальный институт, обеспечивающий массовую и межличностные коммуникации, соединяющий между собой различные части социума. Этот институт обладает всеми характеристиками сложной социальной системы: имеет многоуровневую структуру медиа-субъектов государственного, общественно-частного характера; функционирование СМИ определяется специальными законами и нормативными документами, основными из которых являются закон РФ «О средствах массовой информации» (2016 г.) и федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (2017 г.). Институт располагает собственной материально-технической базой и формами профессиональной подготовки кадров, имеет набор должностных статусов и социальных ролей; в последнее время его деятельность характеризуется высокой интеграцией в различные сферы общественной жизни за счет конвергенции традиционных и новых видов медиа-средств.

Трансформационные процессы затрагивают все стороны деятельности института СМИ, влияя на изменение роли медиа-субъектов в информационном пространстве. Важные позиции в технологическом и содержательном аспектах современного медиапространства завоевывают сетевые издания и социальные медиа. Эксперты прогнозируют, что через 10 лет искусственный интеллект сможет на 95% решать задачи, связанные с информированием населения. Основным уделом журналистов становится авторская журналистика, построенная на оригинальных материалах и аргументированных оценках, комплексном подходе к созданию информационных продуктов.

Профессиональные практики журналистов в изменившихся институциональных условиях реализуются в многокомпо-

нентной системе статусов и ролей; в которой часто приходится соответствовать сразу нескольким из них: редакторы, репортеры, обозреватели, корреспонденты, сотрудники пресс-служб, копирайтеры, специалисты по работе с социальными сетями, креаторы и т.д. В то же время блогеры, администраторы сообществ в социальных сетях, модераторы не являются официально занятыми в СМИ, но выполняют социальные функции этой же профессии. В связи с перечисленными изменениями важной чертой становится субъективная профессиональная идентификация и внутреннее отнесение себя к группе «журналист».

Трансформация института СМИ и новое положение журналистов предопределяет противоречивость их социально-профессиональной идентификации, спонтанные формы конвергенции традиционных практик с активностью в социальных медиа. «Журналистика – улитка в поисках нового домика. То, что существует сейчас – это одновременно процесс и формат, но еще и социальная группа с привычным укладом. Журналисты оказались перед угрозой исчезновения профессии не в меньшей степени, чем работники типографий или шахтеры – бывшие герои индустриального общества. В новом мире, где все так или иначе занимаются работой с информацией и обмениваются ей в режиме реального времени с поправками на личные обстоятельства (порой губительные), монополия одной группы на сбор и обработку информации разрушается» (Мирошинченко, 2011: 5). Соединение в ходе нашего анализа институциональных изменений и обновления профессиональных практик на уровне конкретных медиа-специалистов позволит определить не только влияние института СМИ на функции профессиональной группы, но и обратное воздействие активно меняющихся

журналистов на функциональность института, содержание его социальных функций.

Методология и методы (Methodology and methods). Применение институционального, аксиологического подходов к изучению трансформации института СМИ и профессионального поведения его работников позволило выделить область социологического анализа: изменение структуры учреждений медиапространства и каналов распространения информации; характер требований общества и социального института к функциям журналистов, их профессиональным компетенциям; адаптация журналистов к изменениям медиапространства, внедрение новых профессиональных практик. Доминирующей парадигмой изучения выделенной проблемы является исследование профессиональных практик и функций журналистов через призму институционального подхода. Т. Парсонс выделил категорию «функция» как ключевую в анализе деятельности социального института. В этом контексте институт СМИ, состоящий из систем, выполняющих разные функции, приходит к нарастанию дисфункциональности, если в упадок приходят ведущие системы и функции (Парсонс, 2005: 21). Согласно теории социальных систем Т. Парсонса, главное место в медиа-системе отводится культурной системе, обеспечивающей социализацию, управление идентичностью, коммуникации; в индустриальном обществе функцию культурного воспроизводства выполняют профессиональные СМИ, обладающие компетентными кадрами.

Важные положения относительно изменения роли масс-медиа заложены в трудах Р. Мертон, который рассматривает СМИ как способ обеспечения духовного контроля и самоконтролируемую систему, способную усиливать или ослаблять социальные процессы (Мертон, 2006: 430). Мертон считал необходимым выделять в деятельности социального института «универсум функций» – полный перечень задач, которые нужно реализовать в конкретной «ситуационно-временной плоско-

сти». По мнению социолога, функции, как и система, подвержены постоянному изменению; при этом следует подчеркнуть, что функциональность социального института достигается при определении полного объема функций конкретного этапа и их реализации (Мертон, 2006: 250-251).

М. Вебер, в парадигме понимающей социологии, определил СМИ как организации, связанные с целерациональным поведением индивидов, передачей смыслов для «массового человека» (Вебер, 2003: 628). Немецкий ученый вывел интересную формулу профессиональной деятельности, которая и сегодня актуальна для журналистов: «нужно обратиться к своей работе и соответствовать «требованию дня» – как человечески, так и профессионально. А данное требование будет простым и ясным, если каждый найдет своего демона и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни» (Вебер, 2003: 735). «Демоном» в интерпретации социолога служит профессиональное самоопределение специалистов, соответствующее ситуации на рынке производства информации.

Э. Гидденс в теории структуриации систем поставил на первое место субъектов, способных изменять систему, в которой они реализуют свои компетенции («создателей систем»): «структуральные свойства социальной системы существуют только благодаря непрерывному воспроизводству различных форм социального поведения агентов – во времени и пространстве общественного института» (Гидденс, 2005: 15-16). По мнению социолога, общество преобразуется в результате действий профессионалов, в ходе чего они преобразуют и самих себя. Данное положение в полной мере отражает роль журналистов, берущих на себя функции лидеров мнений в социальных сообществах.

В рамках формирования «информационного общества» М. Кастельс обратился к СМИ через призму ведущей роли информации. По мнению ученого, формирование сетевого общества с его технологиями создает ситуацию, когда

знание влияет на производство нового знания, в том числе в технологиях массовых коммуникаций (Кастельс, 2000: 325).

По мнению исследователя отечественной массовой коммуникации М. М. Назарова, СМИ в России выполняют роль не столько информаторов и арбитров, сколько непосредственных участников социальных процессов. В этой связи весомым вкладом в изучение трансформации социального института СМИ является определение функций института как с позиций общества, так и на уровне потребностей индивидов (Назаров, 2002: 15). В первом случае – это информирование о событиях и условиях жизни в обществе, поддержание существующих норм и общественного согласия, обеспечение «узнавания» субкультур, снижение социальной напряженности, мобилизация населения (Назаров, 2002: 16). Во втором случае, убежден ученый, массовая коммуникация выполняет функции актуализации информации об условиях удовлетворения интересов, личностной идентификации, создания основы для диалога и реализации социальных ролей, эмоциональной разрядки и эстетического наслаждения (Назаров, 2002: 17).

Приведенные положения легли в основу авторского исследования трансформации профессиональных практик журналистов на региональном уровне функционирования института СМИ и в контексте индивидуального восприятия медиа-субъектов. Эмпирическую базу составило авторское социологическое исследование, в котором использованы два метода сбора данных: 1) анкетный опрос журналистов традиционных и новых медиа Ульяновской области «Профессиональные качества и социальная ответственность журналистов: мнения специалистов масс-медиа»; выборка квотно-пропорциональная по возрасту, образованию журналистов, зарегистрированных в региональном отделении Союза журналистов (2020 г.,

n=510); 2) глубинные интервью «Профессия журналиста: взгляд изнутри»; квоты респондентов по видам СМИ (2020 г., n = 32). Респондентами глубинных интервью стали журналисты, работающие в традиционных СМИ, новых медиа, пресс-службах; каждая группа представлена равно-взвешенной квотой.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Анализ научных обзорных статей и статистики в сфере медиапространства показали, что российские СМИ как социальный институт обладают всеми характеристиками общественной системы. Во-первых, *организационно* – СМИ представляют систему учреждений (печатные издания, радио, телевидение, Интернет-порталы, информационные агентства) с необходимыми условиями функционирования: нормы, статусы, принятые образцы поведения. Во-вторых, *технологически* – происходит активное обновление технологий, обеспечивающих производство, хранение и распространение информации. В-третьих, *содержательно* – налажены взаимодействие СМИ с другими социальными институтами и реализация социальных эффектов: формирование запланированных «знаний, установок и поведения индивидов», а также результатов «непрямого, опосредованного влияния» в виде индивидуальных и коллективных реакций, институциональных и культурных изменений (Назаров, 2002: 88).

Исследования медиапространства Б.Н. Лозовского выявили дифференциацию СМИ в российской системе массовых коммуникаций и их реальные современные формы (см. рис.).

Самые многочисленные из реализуемых форм массовой информации: печатная пресса (газеты, журналы – более 38568 единиц); Интернет-СМИ (сетевые издания, электронные периодические издания – 11330 единиц); аудиовизуальные СМИ (радиоканалы, телеканалы, радио- и теле-программы – 10143 единиц). Относительно немногочисленная группа

«информационные агентства» (1124 единицы) обладает важным преимуществом: комплексное производство информационных продуктов и услуг, на основе разных каналов. В структуру агентств входят фотостудии, архивы, отделы по созданию Web и аудиовизуальной продукции, аналитические отделы, PR-отделы. Наиболее

рейтинговыми агентствами в России являются РИА-Новости, ТАСС, Интерфакс. Региональные агентства, как правило, являются частью медиахолдингов; в России функционируют национальные бизнес-модели, что существенно влияет на их контент (Полынов, 2017: 107).

Рис. Распределение средств массовой информации по формам (в абс. ед.; 2019 г.)

Fig. Distribution of mass media by form (in abs. units; 2019)

Источник: URL: <https://www.pwc.ru/publications/mediaindustriya-v-2019.html>

В современной медиасистеме функционируют СМИ с различными представлениями об их общественной миссии, ценностях и профессиональных ориентирах сотрудников. С этих позиций выделяются следующие медиа-субъекты: государственные, в которых свобода выражения мнений регламентирована и подчинена официальной идеологии; корпоративные – бизнес-предприятия, в которых владельцы выступают в роли «заказчиков»; оппозиционные – позиционирующие себя независимо от органов власти, их стратегия связана с

критикой правящей партии и органов управления (Лазутина, 2018: 14).

Принципиальны для исследования профессиональных практик журналистов различия в функционировании медиа-субъектов разных уровней. Глобализация коммуникационных процессов, связанная с виртуализацией медиaprостранства и расширением границ, параллельно сопровождается глокализацией – повышением интереса населения к местным, региональным, национальным явлениям. В этом контексте интерес представляет активность региональных журналистов,

поддерживающих функционирование «нишевых» СМИ. В качестве примера А. В. Шариков приводит деятельность местных телеканалов и радиостанций. Аудитория такого рода медиа не исчисляется тысячами, но зрители и слушатели не стесняются высказывать свои замечания журналистам; в профессиональных практиках региональных журналистов важное значение имеет механизм обратной связи. Отбор содержания, интерпретация, подача материалов в таких СМИ совсем иная, чем в медиа-холдингах федерального масштаба (Шариков, 2012: 73).

Анализируя способы передачи информации в качестве ключевых факторов развития медиaprостранства и журналистских практик, С. Г. Давыдов противопоставляет классическим электронным СМИ (радио, телевидение), новые медиа – Интернет-издания и мобильные коммуникации, которые наряду

с публичными способами передачи информации актуализируют изолированное ее потребление (Давыдов, 2011: 75). С позиции охвата аудиторий, в современной России лидируют Интернет-СМИ и телевидение. В этих каналах коммуникации сосредоточена значительная часть медиа-сообщений и доходов медиа-рынка. В 2019 году была завершена реализация федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации», которая сделала доступными на территории страны 20 эфирных цифровых телеканалов, обязательных для распространения во всех населенных пунктах, независимо от типа приема телесигнала. Важную роль в сохранении лидирующих позиций телевидения играет государственная финансовая поддержка, причем не только федеральных, но и региональных каналов (табл. 1).

Таблица 1

Государственное финансирование СМИ в 2020 г.

Table 1

The state funding of media in 2020

АНО «Общественное телевидение России»	3 млрд руб
Общественное телевидение России	1,5 млрд руб
АО «Первый канал»	6,5 млрд руб
ФГУП «ВГТРК»	24 млрд руб
АНО «ТВ-Новости» (телеканал RT)	23 млрд руб
Телеканала «Звезда»	2,07 млрд руб
ФГУП «ИТАР-ТАСС»	2,9 млрд руб
ФГУП «МИА «Россия сегодня»	7,5 млрд руб

Источник: URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2020.html>

Государственное финансирование СМИ в 2018-2020 гг. увеличилось почти на треть – до 92 млрд рублей в 2020 году, из них 76 млрд рублей направлены на радио и телевидение. Это существенный рост по сравнению с бюджетами предыдущих лет: в 2014-2016 гг. на СМИ выделялось около 69,5 млрд рублей (из них на радио и телевидение – 54,5 млрд рублей).

Источником более половины доходов, которые зарабатывают российские медиа-

субъекты, является Интернет, что соответствует глобальному тренду на цифровизацию каналов массовой коммуникации. В ближайшей перспективе уровень охвата мобильным Интернетом в России составит 85% населения, а доля мобильного трафика в общем объеме потребления контента достигнет 92%. Интересный факт: растет число россиян, для которых смартфон является единственным источником получения информации

(Интернет в России, 2020: 34). Цифровизация каналов массовой коммуникации, с одной стороны, способствует перенасыщению общества средствами коммуникации; с другой стороны, потребители попадают под влияние определенных производителей информации. В условиях эпидемии коронавируса стала очевидна противоречивая роль Интернет-изданий: одни цифровые медиа России стремились нормализовать жизнь людей в условиях ограничения реальной активности, другие – усиливали панику и страх, выросло число фейков и непроверенных материалов.

Переход к цифровым технологиям института СМИ привел к универсализации профессиональной деятельности журналистов, базирующейся на конвергентных процессах. Современный журналист, владея компьютерной грамотностью и цифровыми компетенциями, может одновременно работать для газеты, радио, ТВ, Интернета, социальных медиа. В то же время, как считает И. В. Задорин, снижается доверие к источникам информации, претендующим на универсальность. Потребители информации активнее выбирают себе более комплементарные каналы и источники информации, в последнее время все чаще происходит перераспределение аудитории в пользу растущего числа «нишевых медиа» (Задорин, 2019: 64).

Процесс глобализации информационного пространства потребовал от журналистов новых форм мобильностей, владения иностранными языками, умений ориентироваться в изменившемся медиапространстве. В учреждениях профессиональной подготовки журналистов обострилась необходимость готовить специалистов, умеющих реагировать на новые запросы в массовой информации. С середины 2000-х в большинстве российских вузов введена двухуровневая система подготовки журналистов – бакалавриат и магистратура. В 2014 году вступили в силу федеральные государственные образовательные стандарты по направлению «Журналистика»; в 2019 г. они были усовершенствованы за счет сближения с про-

фессиональными стандартами, действующими в реальной журналистике. Помимо читаемых раньше дисциплин у будущих медиа-специалистов формируются компетенции по правовым основам, социологии журналистики, графическому дизайну, экономике СМИ, рекламе и PR. В России 153 вуза ежегодно выпускают около 30 тысяч журналистов.

Стремительное развитие технологий, медиа-жанров и всеобщая глобализация потребовали от факультетов и кафедр журналистики обновления подходов к подготовке кадров. По мнению А. В. Колесниченко, нужна модернизация программ и методов, но которая не ведет к разрушительному реформированию журналистского образования. Осуществлять ее необходимо в диалоге – с практиками и работодателями, пожелания которых нужно принимать к исполнению после критического осмысления (Колесниченко, 2017: 69). Среди *новых требований* к профессиональным компетенциям современных журналистов работодатели выделяют: необходимость владеть навыками работы с большими базами данных и приложениями для обработки информации, умение искать в соцсетях и проверять информацию; навыки создания инфографики, подготовки материалов для разных платформ (печатное издание, телерадиовещание, сайт, соцсеть, мобильное приложение).

На административно-правовом уровне функции регулирования медиа-материалов выполняют Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать). Полномочия этих органов постоянно расширяются; очевидной тенденцией в регулировании средств массовой информации становится возрастающий контроль. В задачи ведомств входят надзор в сфере связи, информационных технологий и СМИ, а также надзор по защите персональных данных, организации работы

радиочастотной службы. Они могут без постановления суда блокировать доступ к Интернет-сайтам, которые отказываются удалять информацию, противоречащую федеральным законам, требовать от журналистов или редакций раскрытия источников информации.

Стремительная модернизация медиaprостранства требует совершенствования правового регулирования института СМИ. Законодательное закрепление в Российской Федерации понятия «сетевое издание», введенного в 2011 году, определило механизм правового регулирования деятельности новых медиа. Сотрудники сетевых изданий приобрели такие же права и обязанности журналистов, как у работающих в традиционных СМИ. При этом правовое регулирование функционирования социального института СМИ отличается рядом неразрешенных проблем: так, законодательно закреплено, что зарегистрированные сетевые издания несут ответственность за опубликованную информацию и за комментарии, оставленные их пользователями. Однако механизм привлечения к ответственности остается не проработанным; это обстоятельство, а также резкое расширение медийного поля за счет вовлеченности аудитории СМИ в создание медиаконтента способствует росту нарушений в этой сфере.

Новые тенденции деятельности социального института СМИ связаны с воспроизводством кадров журналистов. В ряды редакционных сотрудников влилось большое число лиц, имеющих склонность к журналистской деятельности, но не получивших специальной подготовки, что кардинально меняет характер представлений о профессии. Происходит трансформация группового профессионального сознания журналистов и тех, кто себя таковыми считают, обостряемая конкурентной для СМИ средой социальных сетей. В современных условиях правила поведения, зафиксированные в хартиях, конвенциях, декларациях, кодексах, стандартах, меморандумах и пактах журналистского

сообщества, переосмысливаются в контексте решения конкретных ситуаций и проблем. Существенную помощь в этом процессе призваны оказать социологические исследования профессиональных ценностей, установок, моделей поведения журналистов, работающих в разных СМИ или совмещающих такую работу одновременно в нескольких изданиях.

Обратимся к результатам авторского исследования, проведенного в типичном российском регионе методами анкетного опроса и интервьюирования журналистов, участвующих в создании информационного пространства поселенческого, регионального, национального масштабов.

Большинство респондентов, принявших участие в опросе, имеет высшее образование (71%), но только половина опрошенных получила диплом вуза с квалификацией «журналист» (51%). Как приходят в журналистику непрофессионалы? В ходе глубинных интервью работники масс-медиа раскрыли свой опыт. *«Я работал в вузе, меня не устраивала зарплата. Знакомый из СМИ позвал меня, сказал, что у них есть место. Место, действительно, было, и я остался работать. Удерживает возможность быть в курсе событий и сравнительно нормальная для нашего региона оплата труда»* (мужчина, 28 лет, спец. корреспондент Интернет-издания). *«Я всегда хотела быть журналистом. Но, когда я закончила школу, в региональных вузах не было факультета журналистики, я поступила на то, что было ближе лично мне – на естественно-географический факультет. Всегда любила природу, теперь веду рубрику «Экология в нашей жизни»»* (женщина, 40 лет, заместитель главного редактора печатного издания). *«У меня высшее образование инженерное, долгое время работал в сфере IT. Но в один момент жизнь круто поменялась, и я оказался на радио, мне показалось, что общение с людьми, работа на радио, гораздо интереснее «железа». Сначала, правда, эта работа воспринималась больше*

как хобби, вел маленькие эфиры, но со временем стала основным источником дохода» (мужчина, 35 лет, продюсер электронного СМИ).

В профессиональной мотивации респонденты разделились на четыре группы: 1 – основным мотивом является стабильный заработок (30%); 2 – журналисты, для которых главным мотивом выступает расположенность к общению и работе с информацией (29%); 3 – видят смысл профессии в постоянном интеллектуальном совершенствовании (25%), 4 – профессия обеспечивает значимый социальный статус (16%). Анализ профессиональных мотивов показывает, что внутренние стимулы важны для каждого второго специалиста, считающего себя журналистом (54%, 2 и 3 группы). Эти журналисты, имеющие ярко выраженную внутреннюю мотивацию в профессиональной сфере, чаще становятся законодателями новых образцов поведения

и технологий массовой коммуникации. «В любой профессии есть ремесленники и творцы, и на это, в первую очередь, влияет «ощущение себя на своем месте». Журналистика не исключение» (женщина, 28 лет, корреспондент ТВ-канала). «Для классной журналистики нужен талант - не просто уметь писать, а анализировать происходящее, выделять главное и интересное. Плюс творческий подход. Этому нельзя научиться в вузе; но высшее образование создает необходимый фундамент» (женщина, 51 год, редактор Интернет-издания).

Происходящие изменения в социальном институте представители медиа оценивают неоднозначно: условия труда в профессии изменились в лучшую сторону для половины журналистов (53%), в худшую сторону (10%), остались прежними, не определились (37%) (табл. 2).

Таблица 2

Отношение журналистов к изменениям условий труда за последние 5 лет, в %

Table 2

The attitude of journalists to changes in working conditions over the past 5 years, %

	Всего / Total	Стаж работы / Work experience				Основное место работы / Main place of work					
		Менее 5 лет / Less than 5 years	5-10 лет / 5-10 years	11-20 лет / 11-20 years	Более 20 лет / More than 20 years	Печатные Издания / Printed editions	Независимые агентства / Independent agencies	Пресс-служб. Органов / Press-sluzhbagos. bodies	Радио и ТВ / Radio and TV	Интернет-СМИ / Internet media	Самозанятые / Self-employed
Изменились в лучшую сторону / Have changed for the better	53	41	60	62	36	61	41	47	56	57	44
Изменились в худшую сторону / Have changed for the worse	10	16	7	5	18	9	7	8	6	9	24
Не изменились / Not changed	25	31	21	22	21	25	39	25	17	26	24
Затрудняюсь ответить / I am at a loss to answer	12	12	10	11	21	4	13	20	21	5	8

Более позитивно настроены к изменениям труда журналисты среднего возраста, со стажем работы до 20 лет, работающие в печатных изданиях; чаще настроены критично молодые специалисты и представители старшей возрастной группы, а также работающие в независимых изданиях и самозанятые журналисты.

Среди позитивных изменений в профессии респонденты выделили причастность к важным событиям, интересным людям (59%), гибкий график работы (37%), возможности заниматься творчеством (35%), психологический климат в коллективе (31%), наличие условий для повышения квалификации (30%). К негативным изменениям труда журналисты в первую очередь отнесли: невозможность открыто выразить мнение по всем вопросам (45%), загруженность смежными функциями (37%), низкий материальный статус рядовых журналистов (35%).

В работе журналиста есть плюсы и минусы, но если присутствует сильная мотивация – «демон в профессии», о котором писал М. Вебер, то позитивные впечатления от результатов берут верх. *«Цейтноты, стрессовые ситуации, крайне ограниченные сроки и необходимость всегда «трезво», без предвзятости оценить ситуацию, что иногда бывает крайне тяжело, а также разделение взглядов редакции/руководства, – это будни профессии. Кроме того, у журналиста практически не бывает нерабочего времени. Иногда это, действительно, заставляет пересмотреть формы работы. Но неугасающий интерес к своей сфере, её быстрое совершенствование и новые вызовы перекрывают все»* (женщина, 32 года, специалист пресс-службы органов управления)

В результате развития цифровых технологий институт СМИ меняет не только их роль в социокультурном пространстве, но и модернизирует свои социальные функции. Общество

делегирует журналистам осуществление контроля за соблюдением договора между властью и гражданами; в этом смысле СМИ выполняют роль «четвертой власти».

Активное развитие *сетевых изданий или новых медиа* усилило позиции независимой журналистики, создало условия для выражения демократических принципов в СМИ. В ходе опроса респондентам было предложено выбрать, какую роль играют «новые медиа» в их профессиональной деятельности (табл. 3). Треть журналистов согласилась с тем, что появление новых медиа способствовало усилению принципов демократичности журналистики, особенно молодые и работающие в независимых агентствах, Интернет-СМИ. Почти четверть (22%) опрошенных видит в новых медиа ресурсы для более широких контактов с целевыми аудиториями. Около половины респондентов (45%) уверены, что новые медиа являются инструментом, который умело используют их владельцы в своих целях. Часто такой точки зрения придерживаются журналисты со средним стажем работы, а также занятые в традиционных изданиях и СМИ (табл. 3).

В интервью журналисты более подробно объяснили свою позицию в использовании цифровых технологий для осуществления массовых коммуникаций; эта позиция неоднозначна и тесно связана с возрастом, местом работы, установками в профессиональной деятельности. *«Я специалист по соцсетям и считаю, что новые медиа играют огромную роль, даже, на мой взгляд, уже большую, чем профессиональная журналистика. Новые медиа менее затратны, и у них больше возможностей для дополнительного заработка»* (мужчина, 30 лет, зам. директора по маркетингу и PR сетевого издания). *«Играют все увеличивающуюся роль. Бумажные медиа доживают последние годы, очевидно. Карьеру можно построить в Ютубе, как Дудь, Лошак и др.»* (мужчина, 36 лет, внештатный корреспондент Интернет-издание).

Таблица 3

Роль «новых медиа» в современной журналистике, в %

Table 3

The role of “new media” in modern journalism, %

	Всего / Total	Стаж работы / Work experience				Основное место работы / Main place of work					
		Менее 5 лет / Less than 5 years	5-10 лет / 5-10 years	11-20 лет / 11-20 years	Более 20 лет / More than 20 years	Печатные Издания / Printed editions	Независимые агентства / Independent agencies	Пресс-службам. Органов / Press-sluzhag. bodies	Радио и ТВ / Radio and TV	Интернет-СМИ / Internet media	Самозанятые / Self-employed
Независимый формат вещания / Independent broadcast format	33	43	32	26	24	23	40	36	28	40	39
Инструмент, которым управляют владельцы / Owner controlled tool	45	31	55	49	42	65	36	38	42	44	31
Стирают границы между изданием и аудиториями / Blurring the boundaries between publication and audience	22	26	13	25	34	12	24	26	30	16	30

«Новые медиа создают информационный шум, в котором невозможно понять, кто прав, а кто – нет. Но если научиться критическому мышлению, то они вполне полезны для поиска тем» (женщина, 48 лет, специальный корреспондент печатного СМИ). «Однако, часто неподготовленному человеку трудно сориентироваться в таком обилии разной информации... По серьёзным вопросам всё же лучше обращаться к официальным, проверенным источникам и прислушиваться к мнению

зарекомендовавших себя экспертов. А потом уже составлять своё суждение» (женщина, 47 лет, ведущий корреспондент ТВ-канала).

Чтобы определить значение новых медиа в информационном пространстве, мы постарались выяснить, используют ли наши респонденты их в своей трудовой деятельности. Группа журналистов, которая использует новые медиа на постоянной основе, чаще представлена специалистами молодого возраста (64%), теми, кто не имеет журналистского образования (66%),

и со стажем работы в журналистике 5-10 лет (71%). В целом респонденты отметили, что размещают информацию в «новых медиа» для достижения большего внимания органов власти (52%), бизнес-структур (48%), широких слоев населения (47%) к важным проблемам. Анализ конкретных практик показал, что самыми популярными Интернет-платформами среди журналистов для реализации *мобилизационной функции* являются Instagram, YouTube, Twitter, сайты Интернет-СМИ и мессенджер Telegram (средний балл их эффективности составил 3,9 из 5-ти).

На втором месте стоит *информационная функция* новых медиа, которая в современных условиях активно реализуется в профессиональных практиках журналистов не только в СМИ, но и через блоги. Журналистов, которые ведут свой блог, мы назвали *новаторами*, их доля составляет треть от числа участников опроса (32%). Новаторов больше среди крайних возрастных категорий – молодых и опытных журналистов, а также – среди тех, кто разделяет внутреннюю мотивацию в профессии. Их блогам свойственна эксклюзивность, часто авторы публикуют в них информацию, полученную из первых рук. Большинство опрошенных придерживается мнения, что профессиональная журналистика и блогерство дополняют друг друга (69%); при этом вести собственный блог берутся далеко не все.

«Пожалуй, назвать себя в полной мере блогером, я не могу. Я лишь какие-то суждения могу опубликовать на ту или иную тему, которыми очень хочется поделиться» (женщина, 37 лет, ведущий радиостанции). *«Инстаграм. Веду. Делюсь тем, что связано с моей личностью, многие темы пересекаются с работой»* (мужчина, 36 лет, корреспондент ТВ-канала). *«Благодаря блогам каждый человек легко становится субъектом массовой информации. Сейчас это реальность. Однако предлагаемая информация должна иметь ценность для публики, а эта задача уже не всем по*

плечу» (мужчина, 54 года, продюсер электронного СМИ).

Собственный блог является рабочим инструментом, использование которого не только увеличивает эффективность коммуникаций и дает возможность реализовать желание высказать свое мнение (61%), но и является источником дополнительного заработка (54% от числа журналистов, ведущих свой блог). Первостепенное значение выражения мнений в блогах характерно для радио-журналистов (79%), материальная выгода от собственного блога чаще отмечается журналистами печатных и сетевых изданий (71%), специалистов информационных агентств (84%). Результаты говорят о том, что многие журналисты понимают необходимость освоения новых инструментов работы с аудиторией для дальнейшего роста, но реально используют их меньше половины.

В условиях разворачивания гражданских инициатив в реальном и виртуальном пространствах журналисты берут на себя роль организаторов информационного обмена между разными субъектами, *формирования основ социальной солидарности*. В какой мере эта функция реализуется российским институтом СМИ? Журналисты, работающие в разных изданиях, отметили, что не всегда могут выразить свою гражданскую позицию; такое мнение разделяет половина респондентов (48%), они указывают на институциональные факторы – особенности политики редколлегий традиционных и новых медиа, формально или неформально подконтрольных органам власти, бизнес-структурам. Интерпретируя отношение различных СМИ к гласности, их предвзятость в оценках широкого спектра событий, Н. Хомский выделяет следующие «фильтры»: право собственности на СМИ, источники финансирования, источники информации, злоумышленники и «идеология страха» (Herman, Chomsky, 2002: 21).

Опрос журналистов в рамках авторского исследования подтвердил актуаль-

ность этой концепции сдерживания гражданских функций СМИ. На первое место в списке «ограничителей свободы» профессиональной самостоятельности респонденты поставили не конкретные органы власти, а позиции владельцев и учредителей СМИ (46%). На второе – государство в лице законов РФ, регулирующих работу СМИ (38%). Законодательство не только задает содержание профессиональной деятельности журналистов, но и жестко определяет ее границы. Политико-правовой фактор, по мнению И.В. Кирия, представляется важным для комплексного анализа развития информационно-коммуникационных систем. Использование законов как инструмента для административного управления каналами коммуникаций и медиапродуктами продиктован корыстными целями органов управления и национальной традицией (Кирия, 2005: 66).

Журналисты в целом, как показывают результаты исследования группы «ЦИРКОН», являются более критичными в оценках различных институтов, чем население в целом. Наибольшая разница в суждениях (соотношение между ответами населения и журналистов) фиксируется в оценках деятельности политических партий, судебной системы и органов федеральной власти. Полученные оценки, как утверждают исследователи, могут объясняться личными качествами и установками журналистов, среди которых ведущими являются «критичность и оппозиционность» (Образ журналистов в массовом сознании, 2017: 130). Наше исследование показало, что кроме политических установок, идеологии и стратегии редакции на самостоятельность журналистов влияют корпоративные сообщества – Союз журналистов России и его региональные организации, формирующие профессиональную этику. Важная закономерность в регулировании деятельности журналистов со стороны профессиональных сообществ выявлена нами в ходе опроса: чем крупнее населенный пункт, тем сильнее респонденты отмечают влияние профессионального

сообщества. Журналисты как профессиональная группа заинтересованы в творческом общении, защите своих прав, использовании социального капитала коллег; эти факторы выступают не только «профессиональными скрепами», но и «ограничителями в проявлении чрезмерной свободы особенно «на полях сомнительной информации» (мужчина, 36 лет, ответственный редактор ТВ-канала).

Общественную значимость института СМИ определяют формы проявления гражданской культуры журналистов. Только 15% специалистов масс-медиа считают, что в их функции не входит участие в развитии гражданского общества и выражении позиций о проблемах в регионе (табл. 4). Активнее проявляют гражданскую позицию журналисты, работающие в независимых СМИ, а также молодые специалисты, со стажем работы до 10 лет. Чаще не видят в этом необходимости специалисты пресслужб государственных структур.

Гражданская позиция журналистов в период пандемии приобрела новые проявления. В непрерывном потоке разнообразной информации о коронавирусной инфекции стала очевидной потребность в борьбе с так называемой инфодемией – дезинформацией. Распространение по всему миру COVID-19 стало поводом для появления бесчисленного количества фейков, которые не только пагубно влияют на психическое состояние и здоровье граждан, но и препятствуют борьбе с пандемией. Журналисты отмечали, что в период пандемии важно разоблачать фейки и привлекать экспертные мнения (63%), сверять информацию с официальными источниками (57%); визуальный контент не должен способствовать панике населения (62%).

Социально-ориентированные практики журналистов в период пандемии отличаются широким разнообразием. Появились формы диалога журналистов с широкими слоями населения, оказания поддержки и помощи медицинским работникам, менее защищенным категориям граждан, из групп риска.

Таблица 4
Гражданская роль журналистов в современном обществе, в %
Table 4
The civil role of journalists in modern society, %

Насколько необходимо участие СМИ в деятельности гражданского общества? / To the extent necessary participation of the media in civil society activities?	Всего / Total	Стаж работы / Work experience				Основное место работы / Main place of work					
		Менее 5 лет / Less than 5 years	5-10 лет / 5-10 years	11-20 лет / 11-20 years	Более 20 лет / More than 20 years	Печатные Издания / Printed editions	Независимые агентства / Independent agencies	Пресс-службам. Органов / Press-sluzhbagos. bodies	Радио и ТВ / Radio and TV	Интернет-СМИ / Internet media	Самозанятые / Self-employed
Это обязательное направление их работы / This is a mandatory area of their work	48	57	59	51	43	56	71	36	45	50	36
Это возможно в решении отд. вопросов / This is possible in the solution of the department. questions	33	32	34	34	39	31	20	30	33	40	39
Считаю, что в этом нет необходимости / I believe that this is not necessary	15	11	7	15	18	13	9	34	22	10	25

Журналисты, характеризуя свои профессиональные практики, сходятся в том, что ведущий критерий их эффективности - это решение конкретных проблем социальных, территориальных сообществ или отдельных людей. «Честный журналист – неотъемлемая часть гражданского общества» (женщина, 40 лет, зам. главного редактора печатного СМИ). «Как-то моя статья опровергла информацию о межнациональном конфликте в регионе, и не дала разгореться большому скандалу» (мужчина, 34 года, шеф-редактор печатного СМИ). «Я поднял

тему транспортного сообщения одного из отдаленных сел. После выхода статьи районные власти приняли меры и пустили дополнительный автобус. СМИ часто привлекают внимание к проблемам, и их удается решить» (мужчина, 41 год, спец. корреспондент Интернет-издания). «Найти общий язык с властью – большая удача, это позволяет реально содействовать решению проблем в жизни людей» (мужчина, 44 года, спец. корреспондент электронного СМИ).

Проведенный анализ информации, собранной в ходе исследования, позволил

получить более полную картину труда журналистов, работающих в традиционных и новых средствах массовой информации, а также дать оценку их профессиональным и личностным качествам, выявить факторы, повышающие профессиональный комфорт и, напротив, снижающие эффективность труда специалистов масс-медиа.

Заключение (Conclusions).

Социальный институт СМИ как достаточно устойчивая форма организации совместной деятельности специалистов по созданию и трансляции информационных продуктов, регулируемая законодательными актами, правилами и традициями, претерпел в последние годы существенные изменения. Формы удовлетворения потребностей социальных групп и индивидов в информации, поддержания норм и согласия трансформируются вместе с модернизацией и цифровизацией общества.

Анализ статистических документов и обзорных научных статей показал, что в последние десять лет кардинально изменилась не только структура медиапространства, но и иерархия реализуемых в нем функций. На первое место в работе традиционных и новых медиа вышла функция мобилизации различных ресурсов для ответов на глобальные, национальные и местные вызовы. На втором месте – функция информирования и продвижения информационных продуктов; на третьем – поддержание социального согласия и каналов выражения позиций гражданского общества.

Глобализация коммуникационных процессов, связанная с виртуализацией медиапространства, легализацией «сетевых изданий» способствовала универсализации профессиональной деятельности журналистов. Среди организаций социального института СМИ особое место заняли комплексные информационные агентства, в состав которых входят фотостудии, архивы, отделы по созданию Web и аудиовизуальной продукции, аналитические и PR-отделы. Крупные

агентства и медиа-холдинги подчинили себе региональные СМИ.

Многообразие медиа-субъектов с разной формой учредительства, технологическими каналами передачи информации и взаимодействия с аудиториями способствует трансформации профессионального самочувствия и поведения журналистов. Реализация поставленной в статье цели позволила прийти к следующим выводам.

В современных условиях журналисты ощущают двойственность профессионального предназначения: с одной стороны, они являются частью рыночного механизма производства и продажи информации; с другой, они – активные участники гражданских процессов, представители «четвертой власти». Большинство медиа-специалистов считает, что честный журналист обязательно должен выражать свои позиции и участвовать в развитии гражданского общества; при этом только половина основной смысл профессиональной деятельности связывает с внутренними ее сторонами (эффективные коммуникации с целевыми аудиториями; творческое совершенствование в разных формах журналистского труда).

Меняющееся профессиональное сознание журналистов продуцирует разные практики в труде журналистов. Активное развитие сетевых изданий или новых медиа усилило позиции независимой журналистики; при этом только треть журналистов согласилась с их значимой ролью в реализации принципов демократии; половина медиа-специалистов уверена – новые медиа, как и старые, являются инструментом в умелых руках учредителей СМИ и органов власти. Профессионально более уверенно чувствуют себя те специалисты, которые работают в традиционных или сетевых изданиях и параллельно ведут свой блог или сотрудничают с независимыми онлайн-платформами. Таких треть от общего состава журналистов; они чаще

реализуют новаторский подход в профессии, способны к совершенствованию и новым функциям института СМИ.

В рамках модернизирующегося медиапространства выделились типы журналистов, которые придерживаются разных профессиональных принципов и практик: «традиционалисты» (48%) – придерживаются устоявшихся принципов в работе, критикуют низкий статус рядовых журналистов, но не предпринимают решительных шагов по его изменению; «медиа-дельцы» (20%) – осваивают новые технологии и аудитории ради материальных благ, используют профессиональные преимущества для решения личных проблем; «новаторы» (32%) – сочетают нравственные принципы, любовь к профессии с новыми методами работы.

Условиями оптимального соединения усилий продуктивных, на наш взгляд, типов «традиционалистов» и «новаторов» в рамках развития социального института СМИ и предотвращения его дисфункциональности являются: 1) совершенствование законодательства в сфере коммуникаций; 2) формирование сильного гражданского общества; активизация деятельности профессиональных сообществ журналистов, поддержка их усилиями журналистов, способных продуцировать идеи социальной интеграции и способы новаторского решения социальных проблем; 3) повышение роли профсоюзов работников СМИ в защите прав журналистов перед лицом учредителей, органов муниципального и регионального управления; 4) создание условий для повышения квалификации медиа-специалистов – освоения цифровых компетенций, компьютерной грамотности, социального маркетинга.

Список литературы

Вебер М. Политические работы (1895-1919). М.: Праксис, 2003.

Амзин А., Гатов В., Галустьян А. Как новые медиа изменили журналистику. 2012-2016. М.: Гуман. факультет, 2016.

Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005.

Давыдов С. Г., Немудрова Т. А. Потребители медиа: опыт типологизации // Социологический журнал. 2011. № 1.

Дзялошинский И. М. Современные периодические издания: медиаматрицы как основа концепции // Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика». 2012. № 5. С. 35-46

Дзялошинский И. М. Поле для профессионалов или поляна для дилетантов // Социальная журналистика: профессия и позиция. М.: Агентство социальной информации, 2005.

Железнякова С. И. Противоречия процессов массовой коммуникации в современном обществе // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6, № 1А. С. 232-240.

Задорин И. В. Динамика основных коммуникативных практик россиян // Журнал «Коммуникации. Медиа. Дизайн». 2019. Т. 4, № 3.

Засурский Я. Н. Предисловие редактора // Сиберт Ф. С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М.: Вагриус, 1998. С. 9-10.

Интернет в России в 2019 году: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М., 2020.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Кирия И. В. «Цифровой раскол» и глобализация СМИ и ИКТ // Вест. Моск. Ун-та. Серия 10. Журналистика. 2005. № 4. С. 66-86.

Колесниченко А. В. Трансформация журналистской работы под влиянием новых технологий: поиск информации, жанры медиатекстов, редакционная культура // Вест. Моск. Ун-та. Серия 10. Журналистика. 2017. № 5. С. 51-71.

Лазутина Г. В., Панкеев И. А. Саморегулирование в журналистике: уровни, аспекты, инструменты // МедиаАльманах. 2018. № 3. С. 14-22.

Лозовский Б. Н. Российские СМИ: портфель заказов на модернизацию // Изв. Урал. гос. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2. С. 7-12.

МакКуэйл Д. Журналистика и общество. М.: МедиаМир, Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006.

Мирошниченко А. Когда умрут газеты. М.: Книж. мир, 2011.

Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: Эдиториал, 2002.

Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. 2020. URL: <https://fapmc.gov.ru/mobile/activities/reports/2020/pechat3.html>.

Образ журналистов в массовом сознании. Аналитический отчет исследовательской группы «Циркон». 2018.

Парсонс Т. Система координат и общая теория действия: культура, личность и место социальных систем. М., 2005.

Полынов В. А. Региональные информационные агентства в новой коммуникационной среде // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 1. С. 105-118.

Собачкин А. Ю. Общественная значимость института СМИ // Теория и практика общественного развития. 2019. № 12 (142): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-znachimost-instituta-smi>.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016.

Шариков А. В. Теория медиаобразования // Российский журнал истории, теории и практики медиапедагогики. 2012. № 4. С. 61-76.

MediaOutlook. Обзор индустрии развлечений и медиа: прогноз на 2019-2023 годы. Ключевые тренды российского и мирового рынков, 2019. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2019.html>.

Herman E. S., Chomsky N. Manufacturing consent. The political economy of the mass media. New York, 2002.

References

Weber, M. (2003) *Political Works (1895-1919)*, Praxis, Moscow, Russia. (in Russian)

Amzin, A., Gatov, V. and Galustyan, A. (2016), *How New Media Changed Journalism. 2012-2016*, Faculty of Humanities, Moscow, Russia. (in Russian)

Giddens, E. (2005), *Organization of Society. Essay on the theory of structuration*, Academic project, Moscow, Russia. (in Russian)

Davidov, S. G. and Nemudrova, T. A. (2011), "Media Consumers: an Experience of Typology", *Sociological Journal*, (1), 74-81. (in Russian)

Dzyaloshinskiy, I. M. (2012), "Modern periodicals: media matrices as the basis of the concept", *Bulletin of Moscow University. Series 10 "Journalism"*, (5), 35-46. (in Russian)

Dzyaloshinsky, I. M. (2005), *A field for professionals or a clearing for amateurs. Social journalism: profession and position*, Agency of social information, Moscow, Russia. (in Russian)

Zadorin, I. V. (2019), "Dynamics of the main communicative practices of Russians", *Communications. Media. Design*, 4 (3), 63-89. (in Russian)

Zheleznyakov, S. I. (2017), "Contradictions of processes of mass communication in modern society", *Theories and problems of political research*, 6 (1A), 232-240. (in Russian)

Zasursky, Ya. N. (1998), Editor's Foreword, in Sibert, F. S., Schramm, W. and Peterson, T. *Four theories of the press*, Vagrius, Moscow, Russia. (in Russian)

Internet in Russia in 2019: State, Trends and Development Prospects (2020), Industry report, Moscow, Russia. (in Russian)

Castells, M. (2000), *Information Age: Economy, Society and Culture*, GU HSE, Moscow, Russia. (in Russian)

Kiria, I. V. (2005), "Digital Schism" and the Globalization of Media and ICTs", *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*, (4), 66-86. (in Russian)

Kolesnichenko, A. V. (2017), "Transformation of journalistic work under the influence of new technologies: information search, genres of media texts, editorial culture", *West. Moscow University. Ser. 10. Journalism*, (5), 51-71. (in Russian)

Lazutina, G. V. and Pankeev, I. A. (2018), "Self-regulation in journalism: levels, aspects, tools", *MediaAlmanakh*, (3), 14-22. (in Russian)

Lozovskiy, B. N. (2011), "Russian mass media: portfolio of orders for modernization", *Izv. Ural state un-that. Ser. 1: Problems of education, science and culture*, (2), 7-12. (in Russian)

McQuayle, D. (2013), *Journalism and Society*, MediaMir, Moscow, Russia. (in Russian)

Merton, R. (2006), *Social theory and social structure*, AST, Moscow, Russia. (in Russian)

Miroshnichenko, A. (2011), *When the newspapers die*, Knizh. mir, Moscow, Russia. (in Russian)

Nazarov, M. M. (2002), *Mass communication in the modern world: analysis methodology and research practice*, Editorial, Moscow, Russia. (in Russian)

Russian periodicals. State, trends and development prospects (2020), Industry report. Federal Agency for Press and Mass Communications [Online], available at: <https://fapmc.gov.ru/mobile/activities/reports/2020/pechat3.html/>. (in Russian)

The image of journalists in the mass consciousness (2018), Analytical Report of the Zircon Research Group [Online], available at: http://www.zircon.ru/upload/iblock/b0d/Obraz_zhurnalistov-2018_otchet.pdf. (in Russian)

Parsons, T. (2005), *Coordinate system and general theory of action: culture, personality and place of social systems*, Moscow, Russia. (in Russian)

Polynov, V. A. (2017), "Regional news agencies in a new communication environment", *Questions of theory and practice of journalism*, 6 (1), 105-118. (in Russian)

Sobachkin, A. Yu. (2019), "The social significance of the media institute", *Theory and practice of social development*, 12(142), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-znachimost-instituta-smi>. (in Russian)

Habermas, J. (2016), *Structural change in the public sphere: research on the category of*

bourgeois society, Ves mir, Moscow, Russia. (in Russian)

Sharikov, A. V. (2012), "The theory of media education", *Russian Journal of History, Theory and Practice of Media Pedagogy*, (4), 61-76. (in Russian)

MediaOutlook. An overview of the entertainment and media industry: forecast for 2019-2023 (2019), [Online], available at: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2019.html>. (in Russian)

Herman, E. S. and Chomsky, N. (2002), *Manufacturing consent. The political economy of the mass media*, New York, USA. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2020 г. Поступила после доработки 30 мая 2021 г. Принята к печати 01 июня 2021 г.

Received 20 December 2020. Revised 30 May 2021. Accepted 01 June 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare

Шиняева Ольга Викторовна, доктор социальных наук, профессор Ульяновского государственного технического университета, Ульяновск, Россия.

Каманина Валентина Евгеньевна, аспирант Ульяновского государственного технического университета, Ульяновск, Россия.

Olga V. Shinyaeva, Doctoral of Social Sciences, Professor, Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia.

Valentina Ev. Kamanina, graduate student, Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК. 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-7

Оригинальная статья

Богомягкова Е. С.
Дупак А. А.

**Мобильное здравоохранение в действии: практики цифрового
селф-трекинга студентов России и Европы**

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9, 199034
elfrolova@yandex.ru, e.bogomyagkova@spbu.ru
annadupak@mail.ru

Аннотация. Статья содержит результаты эмпирического исследования практик цифрового селф-трекинга студентов России и Европы в контексте мобильного здравоохранения. Сегодня цифровой селф-трекинг позиционируется как фронт тренда цифровизации медицинской сферы, а потому особую актуальность приобретает исследование практик самомониторинга в контексте заботы о здоровье. В качестве целевой группы исследования были выбраны студенты, поскольку именно эта социальная категория наиболее открыта инновациям, а также быстрее и легче интегрирует их в свою повседневность. Методом исследования выступило глубинное интервью, период сбора данных – 2019 – 2020 гг. Несмотря на то, что в фокусе нашего внимания студенты с различным социокультурным бэкграундом, цель сравнения не стояла. Напротив, разнообразный материал позволил выявить универсальные практики цифрового-селф-трекинга. В итоге, вопреки ожиданиям, вовлечение в сбор и анализ персональной информации о различных аспектах образа жизни оказалось не связанным напрямую с практиками сохранения и поддержания здоровья. Ключевой категорией для описания опыта селф-трекинга является «активность», которая не сводится лишь к физическим нагрузкам, а предполагает в том числе осознанность и стремление управлять своей жизнью. Отмечается повышение значимости для молодых людей тех аспектов жизни, которые являются объектами наблюдения; они становятся критериями оценки качества жизни в целом. Наличие хронических заболеваний у информанта или его родственников оказывается единственным фактором использования селф-трекинга в качестве способа целенаправленной заботы о своем самочувствии. В результате исследования был предложен концепт «цифрового партнера», описаны социальные функции трекинг-устройств, сделаны выводы об особенностях взаимодействия пользователей с гаджетами. Полученные данные позволяют заключить, что говорить о существенной роли цифрового селф-трекинга в процессе актуальных трансформаций здравоохранения пока не приходится.

Ключевые слова: цифровое здравоохранение; мобильное здравоохранение; цифровой селф-трекинг; студенты; Россия; Европа; здоровье; активность; интервью

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-013-00770А.

Информация для цитирования: Богомяжкова Е. С., Дупак А. А. Мобильное здравоохранение в действии: практики цифрового селф-трекинга студентов России и Европы // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 88-101 DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-7.

Original article

Elena S. Bogomyagkova
Anna A. Dupak

Mobile Healthcare in Action: Digital Self-tracking Practices of Students in Russia and Europe

Saint Petersburg State University
7-9, Universitetskaya Emb., St. Peterburg, 199034, Russia
elfrolova@yandex.ru, e.bogomyagkova@spbu.ru
annadupak@mail.ru

Abstract. The article contains the results of an empirical study of digital self-tracking practices of students in Russia and Europe in the context of mobile healthcare. Today, digital self-tracking is positioned as the frontier of the trend of digitalization of the medical sphere, and therefore the study of self-monitoring practices in the context of health care is of particular relevance. Students were chosen as the target group of the study, since this social category is the most open to innovation and integrates them faster and easier into their daily lives. The research method was an in-depth interview, the data collection covered the period of 2019-2020. Despite the fact that the focus of our attention is students with different socio-cultural backgrounds, there was no purpose of comparison. On the contrary, the diverse material allowed us to identify universal practices of digital self-tracking. As a result, contrary to expectations, the involvement in the collection and analysis of personal information about various aspects of lifestyle was not directly related to the practices of preserving and maintaining health. The key category for describing the experience of self-tracking is "activity", which is not limited to physical activity, but also involves awareness and the desire to manage their own lives. There is an increase in the importance for young people of those aspects of life that are the objects of observation; they become criteria for assessing the quality of life in general. The presence of chronic diseases of the informant or his or her relatives turns out to be the only factor in the use of digital self-tracking as a way to purposefully take care of their well-being. As a result of the research, the concept of a "digital partner" was proposed, the social functions of tracking devices were described, and conclusions about the features of users' interaction with gadgets were drawn. The obtained data allows us to conclude that it is not yet necessary to talk about the significant role of digital self-tracking in the process of actual transformations of healthcare.

Keywords. Digital healthcare; mobile healthcare; digital self-tracking; students; Russia; Europe; health; activity; interviews

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 20-013-00770А.

Information for citation: Bogomyagkova, E. S., Dupak, A. A. (2021), "Mobile Healthcare in Action: Digital Self-tracking Practices of Students in Russia and Europe", *Research Result. Sociology and management*, 7 (2), 88-101, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-7.

Введение (Introduction). Сегодня процесс цифровизации здравоохранения (d-Health) набирает обороты, превращаясь в повседневность современного человека. Сохранение и поддержание хорошего самочувствия уже не мыслятся вне технологических инноваций, обусловленных появлением и распространением интернета версий Web 1.0 и Web 2.0. Текущая пандемия коронавируса лишь усилила данный тренд, обнажив ограничения традиционных способов оказания медицинской помощи. Если такие практики d-Health, как дистанционное взаимодействие с врачом на специализированных платформах – телемедицина, «цифровые игры, связанные со здоровьем и фитнесом», предполагающие создание виртуальных реальностей, и вовлекающие пользователей в различные практики заботы о здоровье (Lupton, 2012), пока являются экзотическими для российских пользователей, то поиск медицинской информации на онлайн-ресурсах, участие в сетевых сообществах взаимопомощи, а также цифровой селф-трекинг становятся все более рутинными. По мнению ученых, внедрение мобильных приложений и гаджетов в способы заботы о здоровье приводит к революционным преобразованиям медицинской сферы (Lucivero, Jongsma, 2018). Становление мобильного здравоохранения (m-Health) выступает все более значимым элементом тренда цифровизации.

Цифровой селф-трекинг, под которым понимают регулярный сбор, мониторинг и анализ персональных данных – биометрических, поведенческих, социальных – с помощью современных электронных устройств, является, основным проявлением мобильного здравоохранения и квинтэссенцией цифровизации заботы о здоровье в целом. Именно в данной прак-

тике наиболее полно реализуется логика происходящих преобразований, выпукло проявляются возможности и риски, возникающие в условиях перехода к d-Health. Кроме того, в цифровом селф-трекинге воплощаются четыре принципа медицины 4-П (персонализированной, предиктивной, профилактической, партисипативной): он используется как инструмент контроля состояний и предупреждения заболеваний, обеспечивает участие пациента в процессах лечения, делая его не только реципиентом, но и источником медицинской информации, а итогом является движение в сторону индивидуального подхода к каждому случаю.

Практики самомониторинга при помощи умных часов, фитнес-браслетов, мобильных приложений получают сегодня широкое распространение во многих странах мира, в том числе и в России. Объектами контроля оказываются все большее число параметров – от известных каждому 10 тысяч шагов до менее привычных показателей настроения, вредных привычек и т.д. Цифровые девайсы производят регулярные замеры различных аспектов жизни пользователя, собирают и хранят его личные данные. Получаемая таким образом информация агрегируется, анализируется и представляется в виде наглядных и легко-воспринимаемых графиков и диаграмм, а владелец девайса получает цифровизированный отчет о самом себе. Делегирование процессов сбора и анализа личных данных цифровому устройству делает селф-трекинг простым и удобным, а благодаря встроенному игровому дизайну – еще и увлекательным для пользователей. Как следствие, в цифровой самомониторинг вовлекаются даже те, кто ранее не испытывал потребности в регулярном отслеживании информации о себе.

Методология исследования (Methodology and methods). Практики цифрового селф-трекинга активно осмысляются социальными учеными, преимущественно зарубежными. Основная полемика разворачивается вокруг новых возможностей для сохранения и поддержания здоровья на индивидуальном и общественном уровнях, предоставляемых самомониторингом, с одной стороны, а с другой, рисков и угроз формирования общества надзора нового типа. Несмотря на то, что в осмыслении социальных эффектов цифровизации здравоохранения этико-нормативные и теоретические работы пока преобладают, реализуются и эмпирические исследования, в фокусе которых использование инновационных технологий их владельцами в повседневной жизни. Во-первых, в фокусе внимания ученых оказываются различные социальные группы, практикующие цифровой селф-трекинг, дифференцированные по возрасту, гендеру, наличию тех или иных хронических недугов и т.д. Во-вторых, исследовательский интерес представляют конкретные типы самомониторинга. Так, одной из популярных тем выступают способы контроля физической активности с помощью фитнес-браслетов и иных девайсов. Мотивация вовлечения в цифровой селф-трекинг либо отказа от данной практики среди швейцарских студентов стала предметом интереса Р. Сайлера и М. Хуттермана (Seiler, Hüttermann, 2015). Практики использования различных инструментов мобильного здравоохранения молодыми австралийцами стали объектом внимания Д. Люптон (Lupton, 2019). С. Дэй (Day, 2016) изучила особенности использования фитнес-трекеров Fitbit и выявила цели, которые пользователи ставят перед собой, а также описала трансформации этих целей под влиянием различных факторов. О преимуществах и недостатках использования трекинг-устройств на рабочем месте пишет Пржегалинска (Przegalinska, 2019), поднимающая вопросы не только эффективности данной практики, но и выстраивания границ приватности

пользователей в рамках принудительного селф-трекинга. Использование приложений для трекинга женского здоровья (Zampino, 2019), а также практики цифрового контроля сексуальной жизни (Lupton, 2015) также оказываются предметами исследовательского интереса. Кристиансен и М. Ракиншейн (Kristensen, Ruckenstein, 2018), изучавшие участников датского подразделения Всемирного сообщества Quantified Self, описывают селф-трекинг как «лабораторию по изучению себя». Авторы акцентируют внимание на том, как пользователи экспериментируют со своей жизнью и открывают новые возможности своего организма.

В фокусе внимания ученых оказываются и взаимоотношения владельцев с девайсами, а также различные пользовательские стратегии. На базе интервью с 11 жителями Австралии Б. Лоялл и Б. Робардс (Lyll, Robards, 2018) выделили три ключевых роли, которые могут играть трекинг-устройства: «инструмент», «игрушка» и «учитель». Теме взаимоотношений пользователей и устройств посвящена работа К. Лутца и К. Мальцевой (Maltzeva, Lutz, 2018), обнаруживших, что наибольшее влияние цифровой селф-трекинг оказывает на такие аспекты личности пользователя, как осознанность и эмоциональная стабильность. В нашей стране как теоретическое осмысление, так и эмпирические исследования мобильного здравоохранения пока редки. А.М. Давыдова и др. (Давыдова и др., 2021) на основе интервью с пользователями цифровых трекеров выявили основные механизмы осуществления контроля со стороны мобильных приложений, а также специфику взаимоотношений «пользователь – трекер», характеризующихся в том числе механизмами легитимации контроля. Е. Ним (Ним, 2020) по результатам анализа студенческих эссе описала дискурс о цифровом селф-трекинге, свойственный этой социальной группе.

Мы видим, что изучение цифрового селф-трекинга варьирует существенным образом в зависимости от проблематики и фо-

куса исследовательского интереса. Вместе с тем помещение практик самомониторинга в контекст цифрового здравоохранения не часто привлекает внимание ученых, особенно отечественных. Однако, поскольку именно цифровой селф-трекинг мыслится в качестве ключевого аспекта перехода к медицине нового поколения, то выявление связи между данным видом активности и заботой о здоровье приобретает особую актуальность. Целью настоящего исследования является анализ роли цифрового селф-трекинга в практиках сохранения и поддержания здоровья среди студентов России и Европы. Мы предположили, что представления молодых людей о хорошем самочувствии и их отношении к собственному телу определяют и способы применения инноваций. Вероятно, существует и обратное воздействие цифровых технологий на поведение людей и их трактовки того, что значит быть здоровым сегодня. Актуальность темы обусловлена также тем, что к настоящему моменту большинство реализованных эмпирических исследований описывают практики самомониторинга в США, в то время как ситуация в других странах, включая Россию и Европу, до сих пор изучена недостаточно.

Дизайн эмпирического исследования. Методом сбора данных послужили глубинные полуструктурированные интервью со студентами России и ряда европейских стран. Основными критериями отбора респондентов выступили принадлежность к социальной группе учащейся молодежи, а также наличие актуального или прошлого опыта цифрового селф-трекинга. В выборку попали студенты с разным стажем подобного самомониторинга, при этом интенсивность отслеживания различных параметров, а также продолжительность данной практики не ограничивались. В фокусе нашего внимания оказались не только активные трекеры, утверждающие, что делают это осознанно, но и те, кто время от времени проверяет свои результаты «просто из любопытства».

Учащаяся молодежь была выбрана в качестве объекта исследовательского инте-

реса, потому что именно эта социальная группа, чаще всего, оказывается наиболее открытой различным инновациям, а также быстрее и легче интегрирует их в свою повседневность. Как правило, категория студентов достаточно однородна по таким параметрам, как возраст, основная деятельность (получение высшего образования, в некоторых случаях сочетающееся с трудовой занятостью). Большинство студентов не обладают полной экономической самостоятельностью, тем не менее они способны принимать независимые решения в отношении своего здоровья. Несмотря на то, что в исследовании приняли участие молодые люди из разных социокультурных контекстов, цель сравнения их пользовательского опыта не стояла. Мы пытались избежать свойственного многим сравнительным исследованиям весьма тривиального объяснения получаемых результатов отсылкой к социокультурному контексту (Mannheim, 1997). Напротив, рассмотрение как можно большего числа сценариев цифрового селф-трекинга позволило нам обнаружить универсальные модели и практики, которые выходят за рамки контекста отдельной страны и не детерминируются локальными особенностями социальных институтов. В связи с этим включение студентов с неодинаковым происхождением и культурным бэкграундом, проживающих в различных регионах представляется оправданной исследовательской стратегией.

Поскольку исследование носило разведывательный характер, размер выборки был продиктован насыщением основных теоретических категорий. Сбор эмпирических данных происходил в три этапа. Первая серия интервью была проведена в октябре-декабре 2019 г. со студентами Хельсинкского университета, в числе которых оказались и молодые люди из других европейских стран (например, Бельгии и Италии), проживающие на момент исследования в Финляндии. Второй этап сбора данных проходил в Мюнхене в марте 2020 г. В качестве информантов выступили учащиеся немецких университетов (Людвиг-

Максимилиан-Мюнхенский университет; Технический университет Мюнхена; Университет Билефельда). На третьем этапе интервью были реализованы в Санкт-Петербурге в июне-июле 2019 г. и в марте 2020 г. Среди опрошенных – молодые люди из разных регионов России, проживавшие и обучавшиеся в то время в Санкт-Петербурге.

Большинство интервью были проведены в формате лицом-к-лицу, некоторые – с помощью видеосвязи. Выборка осуществлялась методом доступных случаев и методом снежного кома. Длительность интервью варьировала от 25 до 90 минут, и в среднем составила 45 минут. Беседа с европейскими студентами проходила на английском языке. В ходе обработки полученных данных использовались дискурс-анализ и осевое кодирование. Комбинирование этих методов позволило выделить ряд нарративов, популярных среди пользователей трекинг-технологий и идентифицировать дискурсы, которые молодые люди применяют для описания своего опыта цифрового селф-трекинга.

В итоге было опрошено 26 человек – учащихся российских и европейских университетов: 13 россиян и 13 представителей других стран. Некоторые из участников исследования на момент интервью имели опыт проживания за границей не менее полугода. Среди информантов 17 женщин и 9 мужчин в возрасте от 19 до 27 лет (средний возраст 23 года). 13 человек на момент исследования получали степень бакалавра, 11 человек – степень магистра, 2 человека учились в аспирантуре. Более половины информантов совмещали учебу в университете с частичной или полной занятостью. Информанты практикуют селф-трекинг с разной интенсивностью и частотой: от использования давайса раз в неделю на прогулке до ежеминутного контроля своего состояния. Длительность опыта трекинга среди участников исследования варьирует от 2 – 3 месяцев до 4 – 5 лет. 10 студентов используют приложения для мобильных телефонов, а 16 – либо используют только смарт-часы/фитнес-

трекер, либо комбинируют их с некоторыми приложениями для телефонов.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В ходе исследования было обнаружено многообразие практик цифрового селф-трекинга среди информантов. Во-первых, студенты артикулировали неодинаковую мотивацию использования цифровых технологий – от простого любопытства до преследования конкретных целей, например, похудеть или наладить ночной сон. Во-вторых, различались длительность, интенсивность и регулярность самомониторинга. В-третьих, достаточно разнообразным был и спектр измеряемых параметров. Лидирующие позиции у молодых людей занимает трекинг физической активности – так, многие отслеживают количество пройденных шагов, величину дистанции и иные физические нагрузки. Популярны также практики контроля сердцебиения, сна. Менее распространен трекинг потребляемых калорий, выпитой воды, эмоционального состояния и вредных привычек. Наиболее распространённой и при этом наименее рефлекслируемой практикой оказался контроль женского цикла среди опрошенных девушек.

Вместе с тем большинство информантов в качестве основного достоинства цифрового селф-трекинга отмечали стимулирование физической активности. Кроме того, самомониторинг позволяет им в большей степени контролировать свое тело и свою жизнь. *«Самоконтроль и дисциплина дают вам преимущество быть выше всего хаоса, который происходит <...> когда вы спите, что едите, сколько воды пьете, или ваша эффективность и производительность в течение дня – вы получаете определенное преимущество»* (М, 24 года, Россия). Рассуждая о ценности цифрового селф-трекинга, студенты регулярно ссылались на возможность организовать собственную жизнь, почувствовать, что она находится под контролем. Ежедневные, еженедельные или ежемесячные проверки результатов позволяют увидеть изменения в теле, привычках и образе жизни

в целом. Создаваемые приложениями графики и таблицы обобщают большие объемы данных и представляют их в связной и интуитивно понятной пользователю форме. Такая количественная информация воспринимается как отражение «объективного» прогресса, который противопоставляется «субъективному», эмоционально окрашенному пониманию благополучия. *«Цифры действительно легче читать и понимать. С точки зрения... ваши чувства – они не всегда объективны <...> Я имею в виду, если вы сравниваете числа и чувства, то числа – они просто более объективны»* (Ж, 21 год, Россия). Обладание устройствами, измеряющими различные параметры образа жизни и позволяющими увидеть его сильные и слабые стороны, придает пользователям уверенности в себе. У некоторых участников исследования ощущение контроля над собственной жизнью основывалось не только на получаемых результатах, но и на самом процессе их отслеживания. Они сообщили, что стали более организованными, более внимательными к планированию собственного дня с тех пор, как начали практиковать селф-трекинг, причем неважно, цифровой или традиционный (с помощью бумаги и ручки). *«Это такой процесс, когда вы чувствуете, что "вот я организован, у меня все под контролем, я сижу и записываю все в блокнот"»* (М, 24 года, Европа). Такой способ самоорганизации воспринимается информантами как то, что помогает выжить и преуспеть в современном быстро меняющемся мире. Безусловно, желание быть более дисциплинированным не является универсальным, и не все студенты называют его своим приоритетом. Тем не менее, проблема контроля над собой с помощью селф-трекинга довольно распространена и разделяется большинством участников исследования.

В то же время некоторые молодые люди отмечали формирование зависимости от гаджетов и даже своеобразной одержимости технологиями. Привыкая использовать свои девайсы 24 часа 7 дней в

неделю, пользователи начинают испытывать физический дискомфорт, не имея трекера на запястье. *«Мне всегда приходится его носить. Я не могу выйти без него. Я чувствую себя голой (смеется). Я просто не могу»* (Ж, 23 года, Европа). По наблюдениям студентов, зависимость от гаджета меняется со временем, оказываясь сильнее в начале самомониторинга и снижаясь после нескольких недель или месяцев применения. Кроме того, необходимость постоянно следить за результатами падает во время насыщения жизни различными событиями (например, в период экзаменов в университете), и повышается в свободное время.

Несмотря на различия в опыте трекинга и отслеживаемых параметрах, все респонденты схожим образом описывали свои эмоции при взаимодействии с девайсами, а также изменения в своей жизни и практиках заботы о здоровье. В ходе исследования были выделены основные проблемные блоки, в рамках которых пользователи описывали свой опыт цифрового селф-трекинга: роль селф-трекинга в практиках заботы о здоровье; взаимодействие и взаимоотношения пользователя с девайсом; влияние трекинга на жизнь и рутину пользователей.

Трансформация практик заботы о здоровье. Вопреки ожиданиям, полученные в ходе настоящего исследования данные позволяют заключить, что цифровой селф-трекинг не оказывает существенного влияния на практики заботы студентов о себе: почти никто из пользователей напрямую не ассоциирует свой опыт трекинга с контролем здоровья. В некоторых случаях отслеживаемая информация (учащенный пульс, нерегулярная менструация) может стать причиной обращения к врачу, но это скорее исключение нежели правило. В таком случае устройства позволяют владельцу наблюдать за показателями, которые без трекинга остались бы вне зоны его видимости. Некоторые программы дают пользователям индивидуальные рекомендации по поддержанию

здоровья и заботе о себе, основанные на собранных и проанализированных данных. Вместе с тем девайсы не способны заменить врача в процессах диагностики и лечения заболеваний. Таким образом, цифровые устройства не занимают место медицинских специалистов и не участвуют в решении проблем, связанных со здоровьем, но помогают пользователям в поддержании хорошего самочувствия.

Описывая что значит «быть здоровым» сегодня, молодые люди часто ссылались на такие критерии, как регулярная физическая активность, правильное питание, т.е. на аспекты, контролируемые гаджетом. Более того, некоторые из информантов маркировали их как стандартизированные, общепризнанные нормы здорового образа жизни. *«Я стараюсь достигать целей движения и придерживаться здорового питания. Но я думаю, что я просто стандартен в этом»* (М, 21 год, Европа). Многие студенты отметили, что начали больше двигаться после того, как стали использовать мобильное приложение или фитнес-браслет. Вместе с тем, подчеркивая важность регулярной физической активности, они не видят прямой связи между заботой о здоровье и цифровым селф-трекингом, т.е. в большинстве случаев эти два вида практик воспринимаются как отдельные стороны жизни. *«Просто приятно видеть, что я делаю что-то физически хорошее. Просто приятно это видеть. Они просто дают вам этот красивый календарь, и вы говорите: "Да, хорошая, хорошая работа! У тебя все хорошо!" И это действительно мотивирует!»* (Ж, 20 лет, Европа). Таким образом, активность и мобильность крайне редко рефлексировались как вклад в поддержание здоровья, скорее они выступают самостоятельными ценностями современных молодых людей. Единственным фактором, определяющим связь заботы о здоровье с селф-трекингом, оказалось наличие хронических заболеваний у самого пользователя или его близких. В этом случае регулярный мониторинг своего состояния осуществляется с целью профилактики и превенции возникно-

вения проблем со здоровьем. Наиболее характерным измеряемым параметром здесь выступает сердцебиение. Сбой в показателях может служить основанием изменения поведения в целом или физической активности в настоящий момент, а также стать поводом для обращения к врачу.

Несмотря на то, что молодые люди не воспринимают трекинг-устройства как альтернативу традиционному здравоохранению, большинство из них исключительно редко обращается за помощью к врачам, даже если имеются какие-то проблемы со здоровьем, а тем более обсуждает результаты цифрового селф-трекинга со специалистами. Подобное избегание профессиональной медицинской помощи оказывается следствием недоверия как отдельным докторам, так и системе здравоохранения в целом. Вместо обращения в медицинские учреждения молодые люди стремятся решить проблемы своими силами. Существенную роль в данном случае играет интернет, который используется не только для поиска информации о здоровье, но и для самостоятельной постановки диагноза и лечения болезней. Информанты отмечали, что, даже обращаясь к врачу, они предпочитают сверить поставленный им диагноз и выданные рекомендации с информацией из онлайн-источников. Однако, и интернет-площадки не вызывают абсолютного доверия студентов, в результате они относятся критично к найденной в сети информации. Наибольшим авторитетом обладают такие ресурсы, как форумы и блоги, где читатели видят автора и могут оценить его высказывания. Несмотря на то, что в целом врачам молодые люди доверяют больше, чем интернету, простота поиска онлайн-сведений и возможность сравнения различных мнений делают эти практики такими популярными. Таким образом, цифровые устройства выступают в качестве медицинских помощников, а не медицинских специалистов: они помогают быть здоровыми, но не решают проблемы со здоровьем.

Трекинг-девайс как «цифровой партнер». Взаимодействие с девайсами оказывается значимой частью жизни современных студентов. В результате анализа полученных данных были выявлены основные роли, которые принимают цифровые трекинг-устройства. Во-первых, гаджеты обеспечивают сбор, анализ и хранение информации о владельце, и в этом случае выступают как «цифровой мозг» пользователя. Во-вторых, агрегируемые данные репрезентируют жизнь и поведение пользователя в виде цифр, графиков, диаграмм, а гаджет предстает как «цифровое тело». В-третьих, устройство информирует, дает медицинские и спортивные советы, контролирует выполнение рекомендаций, и здесь можно вести речь о «цифровом докторе». В-четвертых, гаджет осуществляет поддержку и мотивирует владельца, выступает в роли «цифрового друга». Обнаруженные роли расширяют и дополняют используемый в зарубежной литературе концепт «цифровой копии» («data double»), в основе которого лежат представления о том, что девайсы создают виртуальных цифровых двойников пользователей. В этом случае комплекс агрегированных данных является своеобразным отражением владельца, сепарированным от него, дающим возможность взглянуть на себя со стороны. Кроме того, «объективные» цифры и показатели противопоставляются «субъективному» восприятию, основанному на ощущениях.

Несмотря на то, что концепт «цифровой копии», безусловно, релевантен для анализа практик селф-трекинга, он не покрывает все роли, в которых может выступать цифровое устройство. Данная категория описывает процессы квантификации и датафикации человека и его жизненного мира, при этом за рамками внимания оказываются социальные функции девайсов, такие, как социальный контроль, мотивация, поддержка и т.д. Результаты настоящего исследования свидетельствуют о необходимости дополнения концепта «цифровой копии»: помимо выполнения функций «цифрового мозга» и «цифрового тела»

трекинг-устройство выступает в роли полноценного участника коммуникации – «цифрового врача» или «цифрового друга». Мы предлагаем концепт «цифрового партнера» («digital counterpart»), который оказывается более подходящим для описания и анализа многообразных взаимодействий пользователя и девайса. Именно это понятие наиболее полно отражает то, как сами пользователи описывают свои практики трекинга.

Активно дискутируемое в научной литературе замещение личных ощущений цифровыми данными, поставляемыми девайсами, наблюдается и среди участников исследования. Количественная информация зачастую воспринимается как более объективная и надежная, а потому молодые люди, если и не полностью отказываются от значимости тактильного и эмоционального опыта, то комбинируют эти два источника данных. *«Я стала следить за пульсом, потому что я примерно знаю, какой пульс становится слишком опасным, для меня лично. И чтобы я не довела себя до каких-то обмороков и падений, мне нужно было это контролировать, потому что сама я не могла это чувствовать»* (Ж, 22 года, Россия). В этом случае особое значение приобретает степень доверия информации, предоставляемой девайсом. В то время как одни уверены, что их результаты не всегда на 100% верны, и предпочитают прислушиваться к своим ощущениям, другие следуют рекомендациям гаджетов. Кроме того, доверие студентов к цифровым данным варьирует в зависимости от типа устройства и отслеживаемого параметра. Если, по мнению пользователей, показатели пульса и физической активности, количество шагов устройства подсчитывают корректно, то к информации о количестве и качестве сна многие относятся скептически. *«Именно про конкретные фазы сна я ему не особо доверяла. Это было не...довольно расплывчато, я не совсем понимал. Он показывал, сколько я сплю, и фазы, когда я спал крепко, а когда не очень, но оно было не*

совсем так. То есть, я себя по-другому ощущал» (М, 19 лет, Россия).

Социальные функции трекинга. Участники исследования не раз говорили о своих устройствах как об одушевленных существах, с которыми они общаются – просят советов, ждут поддержки или контроля. Весь процесс наблюдения за собой описывается молодыми людьми как тесное взаимодействие человека и устройства, которое зачастую становится важнее прочих коммуникаций. В первую очередь студенты ожидают реакции на свое поведение, оценок, комментариев и т.д. от «цифрового партнера», а лишь затем – от своего окружения, других пользователей, докторов. Как следствие, трекинг-устройства оказывают существенное влияние на эмоциональное состояние пользователей. В дискурсе информантов девайсы описываются как автономные субъекты, способные не только собирать и анализировать информацию, но и давать обратную связь и вызывать определенный эмоциональный отклик. Молодые люди отмечали, что в процессе коммуникации со своими устройствами им доводилось проживать широкий спектр эмоций, от крайне позитивных (радость, удовлетворенность, ощущение контроля жизни) до крайне негативных (стресс, стыд, одержимость). Причем переживания могли быть вызваны не только результатами трекинга (достижением норм либо провалом), но и самим процессом взаимодействия с гаджетом. Например, в ситуации отклонения от поставленных дневных, месячных целей физической активности или превышения установленных ограничений по потребленным калориям, выкуренным сигаретам и т.д. пользователи были не только и не столько расстроены своими результатами, сколько необходимостью «докладывать» о них цифровому устройству и получать от него оценку. По словам информантов, гаджет может их осудить или разочаровать в их работе над собой. «Я вот когда питалась хорошо – правильно – я все с таким удовольствием заносила, как я

красиво питаюсь. А когда я съем что-то неправильное – я как будто стыжусь перед этим приложением! Я знаю, что это бред, но это реально так работает! У меня уже несколько раз так было, что я переставала заносить туда что-то потому, что мне стыдно» (Ж, 23 года, Россия).

Подобные эмоциональные отношения с девайсами часто давят на пользователей, рождая чувство психологического дискомфорта. Закрепление своих целей и лимитов не только мысленно, но и физически – в программе/приложении – делает их более «реальными», серьезными и обязательными к исполнению. Владельцы чувствуют ответственность и становятся зависимыми от данных устройству обещаний. Отсюда ощущение психологического давления, описываемое молодыми людьми, практикующими цифровой селф-трекинг: добровольно поставленная цель (например, желание больше двигаться) с закреплением ее в приложении или девайсе превращается в своего рода обязанность, которую приходится выполнять ежедневно и от которой иногда хочется «взять отпуск».

Трансформация образа жизни. Использование трекинг-устройств привело к изменениям не только в практиках заботы о себе, но и в ежедневной рутине современных студентов. Так, пешие прогулки вместо поездок на общественном транспорте или во время разговоров по телефону стали частью повседневности многих молодых людей, с тех пор как те начали отслеживать количество шагов или иную физическую активность. Процесс приема пищи стал более длительным и осознанным для тех, кто контролирует количество потребляемых калорий. Таким образом многие практики стали более ценными и важными после того, как пользователи стали отслеживать определенные сферы своей жизни.

Разумеется, не все владельцы полностью доверяют своим устройствам и воспринимают результаты трекинга серьезно. Но даже те, кто отслеживает

свои данные скорее из любопытства и нерегулярно, отмечают определенные трансформации в своей жизни, в частности – появление новых привычек. Наиболее распространенный тренд, артикулируемый информантами, – увеличение физической активности, например, больше ходить, чаще тренироваться, заменять лифты подъемами по лестницам, и т.д. Понятие «активности» является ключевым для пользователей, практикующих цифровой селф-трекинг. Информанты подчеркивают необходимость двигаться и быть активным, не всегда привязывая это к какой-то конкретной цели (например, к поддержанию здоровья или похудению). Восприятие физической активности как неотъемлемого элемента образа жизни современного человека, является частью публичного дискурса, активно формируется СМИ и поддерживается производителями трекинг-устройств, помогающих пользователям следить за интенсивностью физической нагрузки.

Кроме того, цифровой селф-трекинг преобразует восприятие пользователями себя и некоторых своих действий. Например, многие участники исследования совершенно не задумывались о качестве своего сна до тех пор, пока у них не появилась возможность контролировать его фазы и циклы. Использование девайса повлияло даже на тех, кто никогда не планировал следить за этими аспектами своей жизни. В ходе трекинга некоторые молодые люди стали подробнее изучать тему сна и вводить полезные привычки, контролируя этот процесс. Некоторых подобный самомониторинг приводил исключительно к негативным эмоциям, например, в ситуации, когда они понимали, что рано ложиться спать не получается, недосып накапливается, а устройство его еще и подсчитывает. *«Каждую ночь он показывает, сколько ты недоспал. Если выстроить за год такой график, то ты понимаешь, насколько тебе грустно жить. То, что ты недоспал – за всю жизнь не компенсируешь <...>*

поэтому сейчас – я не знаю...у меня просто времени нет, желания нет смотреть, как он показывает, как все плохо в твоей жизни» (Ж, 25 лет, Россия).

Несмотря на то, что стратегии поведения пользователей даже в схожих ситуациях могут достаточно сильно различаться, общим для всех является повышение значимости и ценности тех аспектов жизни, которые являются объектом наблюдения. Как итог измеряемые параметры становятся своего рода критериями здоровья и здорового образа жизни, хотя напрямую и не осознаются информантами. Именно на них, в первую очередь ориентировались молодые люди, когда их просили указать, насколько здоровый образ жизни они ведут. Даже в ситуациях, когда пользователи стараются контролировать свое вовлечение в трекинг и понимают, что иногда можно и нужно побыть ленивым, пропустить тренировку или съесть что-нибудь запретное, эти аспекты (физическая активность, питание, сон и др.) остаются теми шкалами, на базе которых пользователи оценивают качество своей жизни. Таким образом, несмотря на то, что молодые люди не проводят прямых ассоциаций между селф-трекингом и заботой о себе, мы можем отметить, что опыт самомониторинга трансформирует их представления о правильном и здоровом образе жизни в целом.

Заключение (Conclusions). В то время как цифровой селф-трекинг позиционируется многими социальными учеными как фронт цифрового здравоохранения, результаты настоящего эмпирического исследования ставят под сомнение подобные представления. Вопреки ожиданиям молодые люди не видят прямой связи между практиками самомониторинга и поддержанием и сохранением собственного здоровья. Место здоровья и здорового образа жизни в их картине мира занимает активность, при этом эта категория оказывается самостоятельной ценностью и не предполагает связки «быть активным значит быть здоровым». Кроме того, «активность» не

сводится только к физической и двигательной нагрузке, а, скорее, предполагает осознанность и внимание и к таким параметрам, как качество сна, пульс, еда, эмоциональное благополучие. Вовлекаясь в цифровой селф-трекинг, молодые люди стремятся быть проактивными, т.е. держать под контролем и управлением различные стороны своей жизни. Полагаем, что желание студентов быть активным, подвижным, мобильным не сводится только к потребности в заботе о своем самочувствии, а скорее оказывается в тренде более широких социальных процессов. Сегодня активность становится ключевым требованием, предъявляемым к современному человеку, и выступает в качестве критерия его успешности в целом. Таким образом, цифровой селф-трекинг отвечает на более широкий социальный запрос. В этом смысле не удивительно, что одним из основных преимуществ самомониторинга информанты считают формирование привычки контролировать свою жизнь и делать ее более организованной. Гаджет выступает в роли персонального цифрового помощника, который хранит всю необходимую информацию и освобождает пользователя от необходимости держать ее в уме. Кроме того, устройство становится своеобразным «цифровым партнером» своего владельца и значимым субъектом коммуникации, вызывая у него широкий спектр эмоций – от счастья и удовлетворения до гнева и вины. Основные социальные роли, выполняемые девайсом, могут быть охарактеризованы как «цифровой мозг», «цифровое тело», «цифровой доктор» и «цифровой друг».

Единственным значимым фактором восприятия селф-трекинга в качестве практики заботы о своем самочувствии оказывается наличие хронических заболеваний или иных проблем со здоровьем у самого пользователя или его близких. Поскольку в силу возраста подобные состояния мало распространены в студенческой среде, то и цифровой самомониторинг используется ими для решения иных жиз-

ненных задач. Вероятно, ситуация будет отличной для других социальных групп. В связи с этим, перспективным направлением дальнейших исследований является анализ практик цифрового селф-трекинга среди таких категорий, как пожилые, люди с хроническими недугами и т.д. В целом можно заключить, что с одной стороны, цифровой самомониторинг оказывает существенное воздействие на повседневность современных молодых людей, придавая дополнительную значимость измеряемым параметрам и делая их критериями оценки качества жизни в целом. С другой стороны, пока трудно оценить потенциал цифрового селф-трекинга в современных процессах преобразования системы здравоохранения, поскольку прямая связь между практиками отслеживания и измерения различных показателей тела и заботой о здоровье у студентов отсутствует.

Список литературы

- Давыдова А. М., Солянова М. А., Соренсен К. Дисциплинарные практики цифрового селф-трекинга: между эмансипацией и контролем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 217-240.
- Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования: Пер. с англ. / Предисл. А.К. Соколова. М.: Издательство «Весь Мир», 1997.
- Ним Е. Г. Студенческий дискурс о цифровом селф-трекинге: риторики и практики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 191-211.
- Day S. Self-tracking over Time: the Fitbit® Phenomenon // The 7-th Annual Conference of Computing and Information Technology Research and Education New Zealand (CITREnz2016) and the 29th Annual Conference of the National Advisory Committee on Computing Qualifications. New Zealand, Wellington, 2016. Pp. 1-6.
- Kristensen D. B., Ruckenstein M. Co-evolving with self-tracking technologies // New Media & Society. 2018. Vol. 20 (1). Pp. 1-17.
- Lucivero F., Jongsma K. A mobile revolution for healthcare? Setting the agenda for bioeth-

ics // Journal of Medical Ethics. 2018. Vol. 44 (10). Pp. 685-689.

Lupton D. «Better Understanding about What's Going on»: Young Australians' Use of Digital Technologies for Health and Fitness // Sport, Education and Society. 2018. Vol. 25. № 1. Pp. 1-13.

Lupton D. M-health and health promotion: The digital cyborg and surveillance society // Social Theory & Health. 2012. Vol. 10. № 3. Pp. 229-244.

Lupton D. Quantified Sex: A Critical Analysis of Sexual and Reproductive Self-Tracking Using Apps // Culture, Health & Sexuality. 2015. Vol. 17 (4). Pp. 440-453.

Lyall B., Robards B. Tool, toy and tutor: Subjective experiences of digital self-tracking // Journal of Sociology. 2018. Vol. 54 (1). Pp. 108-124.

Maltzeva K., Lutz Ch. A Quantum of Self: a Study of Self-quantification and Self-disclosure // Computers in Human Behavior. 2018. Vol. 81. Pp. 102-114.

Przejalinska A. Wearable Technologies in Organizations: Privacy, Efficiency and Autonomy in Work. Palgrave Pivot, 2019.

Seiler R. Hüttermann M. E-Health, fitness trackers and wearables: use among Swiss students // ABSRC Advances in Business-Related Scientific Research Conference, Venice, Italy, 25-27 March 2015. Venice: GEA College, 2015. Pp. 1-12.

Zampino L. Self-tracking Technologies and the Menstrual Cycle: Embodiment and Engagement with Lay and Expert Knowledge // TECNOSCIENZA. Italian Journal of Science & Technology Studies. 2019. Vol. 10 (2). Pp. 31-52.

References

Davydova, A. M., Solyanova, M. A. and Sorensen, K. (2021), "Disciplinary Digital Self-Tracking Practices: Between Emancipation and Control", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 217-240. (In Russian)

Mannheim, J. B. and Rich, R. K. (1997), *Politology: Research Methods*, Publishing House of the "Ves Mir", Moscow, Russia. (In Russian)

Nim, E. G. (2020), "Student Discourse on Digital Self-tracking: Rhetorics and Practices", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (2), 191-211. (In Russian)

Day, S. (2016), "Self-tracking over Time: the Fitbit® Phenomenon", *The 7th Annual Conference of Computing and Information Technology Research and Education New Zealand (CITRENZ2016) and the 29th Annual Conference of the National Advisory Committee on Computing Qualifications*, Wellington, New Zealand, 1-6.

Kristensen, D. B. and Ruckenstein, M. (2018), "Co-evolving with self-tracking technologies", *New Media & Society*, 20 (1), 1-17.

Lucivero, F. and Jongsma, K. (2018), "A mobile revolution for healthcare? Setting the agenda for bioethics", *Journal of Medical Ethics*, 44 (10), 685-689.

Lupton, D. (2018), "Better Understanding about What's Going on": Young Australians' Use of Digital Technologies for Health and Fitness", *Sport, Education and Society*, 25 (1), 1-13.

Lupton, D. (2012), "M-health and health promotion: The digital cyborg and surveillance society", *Social Theory & Health*, 10 (3), 229-244.

Lupton, D. (2015), "Quantified Sex: A Critical Analysis of Sexual and Reproductive Self-Tracking Using App", *Culture, Health & Sexuality*, 17 (4), 440-453.

Lyall, B. and Robards, B. (2018), "Tool, toy and tutor: Subjective experiences of digital self-tracking", *Journal of Sociology*, 54 (1), 108-124.

Maltzeva, K. and Lutz, Ch. (2018), "A Quantum of Self: a Study of Self-quantification and Self-disclosure", *Computers in Human Behavior*, 81, 102-114.

Przejalinska, A. (2019), *Wearable Technologies in Organizations: Privacy, Efficiency and Autonomy in Work*, Palgrave Pivot, 1st ed.

Seiler, R. and Hüttermann, M. (2015), "E-Health, fitness trackers and wearables: use among Swiss students", *ABSRC Advances in Business-Related Scientific Research Conference*, GEA College, Venice, Italy, 1-12.

Zampino, L. (2019), "Self-tracking Technologies and the Menstrual Cycle: Embodiment and Engagement with Lay and Expert Knowledge", *TECNOSCIENZA. Italian Journal of Science & Technology Studies*, 10 (2), 31-52.

Статья поступила в редакцию 01 мая 2021 г. Поступила после доработки 25 мая 2021 г. Принята к печати 02 июня 2021 г.

Received 01 May 2021. Revised 25 May 2021. Accepted 01 June 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Богомяжкова Елена Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Дупак Анна Андреевна, магистр социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Elena S. Bogomyagkova, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Anna An. Dupak, Master of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

УДК 316.48; 316.772.5

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-8

Оригинальная статья

Гольбрайх В. Б.

Экологический конфликт в повестке дня социальной сети

Социологический институт ФНИСЦ РАН
Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, 190005
vgolbraih@mail.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу того в какой степени мусорный конфликт в российском регионе стал повесткой дня в социальной сети «ВКонтакте». Конфликт вокруг мусорных полигонов стал одним из самых заметных экологических конфликтов в России за последние годы. Освещение в средствах массовой информации является одним из важнейших факторов успеха или неудачи общественных движений. В настоящее время для общественных движений все большую роль играет присутствие их проблемы в повестке дня не только традиционных СМИ, но социальных сетей. В рамках исследования было проанализировано, в какой степени пользователи социальной сети могли увидеть «мусорный конфликт» в Архангельской области в различных типах сообществ социальной сети «ВКонтакте». Кроме того, были проанализированы пути распространения информации о конфликте в социальной сети. Были использован метод ручного контент-анализа. Анализ показал, что в ходе конфликта протестующие активно использовали социальную сеть «ВКонтакте», создавая в ней сообщества, посвященные борьбе со строительством полигонов. При этом проблема мусорных полигонов в не оказалась замкнутой в специализированных сообществах социальной сети. Однако анализ показал, что повестка мусорного конфликта не смогла в существенной мере выйти за пределы территориальных сообществ регионов, непосредственных затронутых этой проблемой. В тоже время одним из серьезных путей распространения информации о конфликте стали не только сообщества, но и страницы индивидуальных пользователей социальной сети.

Ключевые слова: экологический конфликт; социальные сети; повестка дня; общественное движение

Информация для цитирования: Гольбрайх В. Б. Экологический конфликт в повестке дня социальной сети // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 102-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-8.

Original article

Vladimir B. Golbraikh

Environmental conflict on the agenda of social network

Sociological Institute, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
Russian Academy of Sciences
25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya St., St Petersburg, 190005, Russia
vgolbraih@mail.ru

Abstract. This work is devoted to the analysis of the extent to which the “garbage conflict” in the Russian region has become an agenda setting on the “Vkontakte” social network. The conflict over landfills has become one of the most notable environmental conflicts in Russia in recent years. Media coverage is one of the most important factors in the success or failure of social movements. At present, the presence of their problem on the agenda of not only traditional media, but social networks is playing an increasing role for social movements. The study analyzed the extent to which users of the social network could see the “garbage conflict” in the Arkhangelsk region in various types of communities of the social network "VKontakte". In addition, the ways of disseminating information about the conflict in the social network were analyzed. The method of manual content analysis was used. The analysis showed that during the conflict, protesters actively used the social network VKontakte, creating communities dedicated to the struggle against the construction of landfills. At the same time, the problem of landfills did not turn out to be closed in specialized communities of the social network. However, the analysis showed that the agenda of the “garbage conflict” could not significantly go beyond the territorial communities of the regions directly affected by this problem. At the same time, not only communities, but also the pages of individual users of the social network have become one of the most important ways to disseminate information about the conflict.

Key words: ecological conflict; social networks; agenda setting; social movement

Information for citation: Golbraikh, V. B. (2021), “Environmental conflict on the agenda of social network”, *Research Result. Sociology and management*, 7 (2), 102-115, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-8.

Введение (Introduction). Для общественных движений попадание в повестку дня СМИ во многом определяет их успех в ходе борьбы за достижение цели. При этом последнее десятилетие показывает, что для общественных движений наряду с традиционными СМИ существенным ресурсом становятся социальные сети в интернете. Именно они помогают во многом привлечь внимание к проблеме и мобилизовать сторонников.

Как отмечает О. Д. Цепилова не решаемая проблема утилизации бытовых и промышленных отходов вызывает протесты, которые «стремительно распространились по стране» (Цепилова, 2019: 21). Протест против строительства мусорного полигона в Шиесе в Архангельской области стал одним из самых серьезных социально-экологических конфликтов за последние годы. В ходе этого протеста, продолжавшегося с августа 2018 по июнь 2020 года, проходили многотысячные митинги в таких городах как Архангельск, Северодвинск, Котлас.

Протесты затронули и соседний регион, Республику Коми, недалеко от границ, которой он должен был быть построен. Кроме того, на самой станции Шиес был создан палаточный городок. Активисты неоднократно пытались блокировать строительство. В июне 2020 года правительство Архангельской области приняло решение об отказе строительства мусорного полигона в Шиесе. Кроме того, в Архангельской области проходили протесты против строительства другого мусорного полигона в Рикасихе, недалеко от Северодвинска. После массовых протестов в Северодвинске власти приняли решение не строить мусорный полигон в Рикасихе. Некоторые авторы полагают, что решение об открытии мусорных полигонов «укрепило положение экологического протеста по всей России, прокладывая путь политическому участию» (Чмель, Климова, Митрохина, 2020: 83).

Настоящая работа посвящена анализу того, в какой степени конфликт, возникший в связи с планами строительства мусорных

полигонов в Архангельской области, стал повесткой дня в одной из крупнейших российских социальных сетей «ВКонтакте».

Методология и методы (Methodology and methods). Освещение в средствах массовой информации является одним из важнейших факторов успеха или неудачи общественных движений. Одна из самых влиятельных теорий о влиянии массмедиа - это теория «установления повестки дня». Она говорит о том, что, «изо дня в день СМИ, выделяя некоторые темы, фокусируют на них внимание аудитории и таким образом влияют на ее представление важности тех или иных вопросов» (McCombs, 2014: 1). Авторы, предложившие этот подход, М. Маккоум и Д. Шо в исследовании массмедиа говорят, что функция «установления повестки дня» связана с корреляцией между выделением определенных вопросов массмедиа и приписыванию важности этих вопросов аудиторией массмедиа (McCombs, Shaw, 1972).

В своей концепции «дискурсивных возможностей» Р. Копманс и С.Олзак отмечают, что в связи с ограниченности публичного пространства для политической коммуникации, лишь небольшая часть всех попыток общественного движения получить внимание СМИ достигают своей цели (Koormans, Olzak, 2004). Одним из основных элементов дискурсивных возможностей является видимость, зависящая от количества коммуникативных каналов, куда включены сообщения (Koormans, 2004: 373).

При этом надо отметить существенные изменения в медиаландшафте за последние десятилетия. Наряду с традиционными СМИ (радио, телевидение, газеты) все большую роль сегодня играет Интернет и особенно социальные сети. Традиционные каналы коммуникации, полагают отечественные авторы «уступают место современным цифровым технологиям» (Зимова, Фомин, Смагина, 2020: 159). Исследователи отмечают, что «радикальные изменения в распространении новостей в социальных сетях трансформируют традиционную роль выполнявшимися традиционными СМИ» (Masip, Ruiz-

Caballero, Suau, Puertas, 2020: 3557). И если ранее для общественных движений одним из важнейших ресурсов для мобилизации являлись СМИ (Цепилова, 2002), то теперь все большую роль в этих процессах играют социальные медиа. Интернет «способствует изменению конфигурации новостной повестки дня посредством комментариев, ретвитов и лайков» (Masip, Ruiz-Caballero, Suau, Puertas, 2020: 3557). Отмечается, что Интернет на сегодняшний день является одним из основных способов для участника протеста узнать о «предстоящем мероприятии» (Boulianne, Koc-Michalska, Bimber, 2020: 4). В отличие от традиционных СМИ, которые могут быть «предвзяты в пользу истеблишмента», заявляют некоторые авторы, «социальные сети могут предложить точку зрения движения» (Lee, Chen, Chan, 2017: 458). Ряд исследователей полагает, что социальные сети в некоторых случаях влияли и на освещение общественных движений в СМИ, «приводя к более серьезному и устойчивому освещению, чем это было изначально» (Hunt, Gruszczynski, 2019: 2). Отмечается, что с появлением интернета «произошел полный пересмотр процесса коммуникации для общественных движений» (Asiyanbi, 2019: 11). Социальные сети играют важную роль в распространении информации о проходящих протестах. В тоже время, несмотря на то, что «диффузия информации о протесте является необходимой составляющей успешной протестной активности» (Ахременко, Стукал, Петров, 2020: 79), наличие «изолированных от окружающей среды и замкнутых на себя сетевых сообществ» вызывает опасение, что эта информация окажется «запертой» в этих сообществах (Ахременко, Стукал, Петров, 2020: 79). В подобных сообществах как дают информацию, так и обсуждают ее люди со схожими взглядами (Boulianne, Koc-Michalska, Bimber, 2020: 687).

Последнее десятилетие социальные сети стали важными источником информации и ресурсом и в ходе протестов в России. Роль социальных сетей в протесте в России в последние годы все больше привлекает как

отечественных (Ксенофонтова, 2012; Архипова, Радченко и др., 2018; Гольбрайх, 2019; Малькевич, 2020; Соколов, Палагичева, 2020; Титов, 2020; Гольбрайх, 2020), так и зарубежных (Denisova, 2017; Toepfl, 2018, Lonkila, Shpakovskaya, Torchinsky, 2021; Wijermars, 2021) исследователей. Как полагает один из авторов сегодня политическая повестка дня повестка дня в России все более «формируется под влиянием цифровых СМИ, функционирующих в формате разнообразных интернет-сообществ» (Пивоваров, 2019: 113). Так, например, исследователи отмечают, что в декабре 2011 г. важным источником информации о фальсификациях на выборах, как и о предстоящих акциях протеста стали социальные сети, в том числе социальная сеть «ВКонтакте» (Enikolopov, Makarin, Petrova, 2020: 1489). Эта социальная сеть «также широко использовалась для координации протестной деятельности» (Enikolopov, Makarin, Petrova, 2020: 1489). Отечественные авторы полагают, что в России «онлайн-коммуникации уже глубоко интегрировались в процессы консолидации и информирования, связанные с протестными движениями» (Платонов, Юдина, 2019: 232).

В настоящей работе рассматривается проблема распространения информации о мусорном конфликте в Архангельской области в социальных сетях, на примере сети «ВКонтакте». Социальная сеть «ВКонтакте» в настоящее время доминирует по отношению к другим социальным сетям, как в количестве пользователей, так и в их активности. (Koltsova, Bodrunova, 2019: 115).

В рамках исследования предполагалось понять, в какой степени пользователи социальной сети «ВКонтакте» могли увидеть конфликт не только в сообществах, созданных в связи с ним, но и в других сообществах. В связи с этим, помимо специализированных сообществ, созданных в связи с мусорным конфликтом, было решено рассмотреть различные типы сообществ. В социальной сети «ВКонтакте» существуют тысячи различных сообществ. В связи с этим было принято решение выделить для

анализа территориальные сообщества Архангельской области и Республики Коми; сообщества политических партий и движений; и сообщества средств массовой информации. Период анализа август 2018 г. (начало конфликта) - июнь 2020 г. (решение об отказе строительства полигона в Шиесе). Нас интересовало количество постов, помещенных в сообществах, а также максимальное число пользователей социальной сети «ВКонтакте» смотревших посты в сообществе. Для последнего с помощью специальной программы¹ были найдены посты в каждой из представленных сообществ с наибольшим количеством просмотров. Надо отметить, что счетчик фиксирует просмотр того или иного поста лишь в том случае, когда пользователь не просто пролистывает сообщение, а задерживается на нем, даже не проявляя никакой активности (не ставит лайк, не комментирует, не делает репост).

Кроме того, предполагалось проанализировать пути распространения информации о конфликте в социальной сети, исследовав страницы отдельных пользователей. Были найдены пользователи, состоящие как в одном из территориальных сообществ Архангельской области или Республики Коми, так и в крупнейшем антимусорном сообществе «Поморье не помойка!». С помощью специальной программы² были выделены те из них, кто писал о конфликте вокруг полигона в Шиесе в период августа 2018 – ноябре 2019 года. В дальнейшем с помощью контент-анализа были проанализированы посты, посвященные конфликту, помещенные на их страницах.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Как говорилось выше, для анализа распространения информации о мусорном конфликте в социальной сети «ВКонтакте» были выбраны четыре типа сообществ: 1) сообщества, созданные в связи с мусорным конфликтом; 2) территориальные сообщества Архангельской области и Республики Ко-

¹ Посты: https://vk.com/app3876642_5088528

² Vk. Barkov.net. Поиск целевой аудитории в соцсетях: <https://vk.barkov.net>

ми; 3) сообщества политических партий; 4) движений; 4) сообщества средств массовой информации.

В ходе исследования было выявлено 91 сообщества, созданные в связи с мусорным конфликтом. Из них 43 сообщества являются общерегиональными (Архангельская область и Республика Коми) и 48 локальными, созданными в одном из районов Архангельской области или Республи-

ки Коми, а также в других городах России. Из всех сообществ, созданных в связи с конфликтом, были выделены общерегиональные сообщества, в которых посты помещались регулярно, в среднем от семи постов в неделю и чаще. В каждом из них было помещено за время конфликта более 700 постов. Таковых оказалось около трети сообществ. Эти общерегиональные сообщества представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1

Общерегиональные сообщества, созданные в связи с мусорным конфликтом

Table 1

Region-wide communities created in connection with the "garbage conflict"

Сообщество / Community	Число подписчиков ¹ / Number subscribers	Наибольшее число просмотров поста сообщества / Most views of a community post
Микунь против свалки на СЕВЕРЕ	525	7799
Коми Республика / РК #ЗаЧистыйКрай	769	26104
Русский Север – не помойка. Шиес – и наш дом	1500	10205
Межрегиональная коалиция «СТОП-ШИЕС»	2257	94807
За Чистый Край #ЗаЧистыйКрай	3074	61065
Стоп Шиес! Кпп "ПЕРЕПРАВА" .Мадмас-Межег	3246	42841
ОГЭД "НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ!"	3780	107766
Комитет защиты Северной Двины г. Котлас	4679	106376
Чистый СЕВЕР 29	7723	220349
Комитет защиты Вычегды	7960	274603
ОбъединивШИЕСя	8645	55869
НЕТ – свалке в Рикасихе!!!	8907	475500
Референдум против московского мусора в Поморье!	9223	497047
МЫ ПРОТИВ СВАЛКИ В ЛЕНСКОМ РАЙОНЕ	12892	111142
Поморье – не помойка!	33078	408364

¹ На 14 августа 2020 года

Как мы видим у всех этих сообществ охват аудитории серьезно превышает число подписчиков. Например, число пользователей, просмотревших самый популярный пост в сообществе «Межрегиональная коалиция «СТОП-ШИЕС»» превысило число подписчиков сообщества в 42 раза.

Возникает вопрос, насколько проблема мусорного конфликта могла «вырваться» за пределы узкоспециализированных сообществ и появится в повестке дня иных сообществ. Для анализа этих сообществ был использован ручной контент-анализ. С помощью ключевых слов «Шиес», «Рикаси-ха», «протест» и «митинг» были выявлены посты, посвященные мусорному конфликту в Архангельской области.

В рамках работы были проанализированы территориальные сообщества

Архангельской области и Республики Коми. Из 202 найденных сообществ, которые не ограничивались рекламой, не были развлекательными или узкоспециализированными (сообщества учебных заведений, компаний и т.п.) в 94% сообщества в той или иной степени сообщалось о мусорном конфликте в Архангельской области. Хотя в большинстве сообществ сообщения о конфликте появлялись не часто (от реже раза в месяц до нескольких раз в месяц), в 11 (5%) сообществах сообщения о конфликте появлялись в среднем от семи постов в неделю и чаще, т.е. более 700 постов за рассматриваемый период. В представленной ниже таблице представлены некоторые характеристики этих сообществ (табл. 2).

Таблица 2

Территориальные сообщества

Table 2

Territorial communities

Сообщество / Community	Тип сообщества / Type of community	Число подписчиков / Number of subscribers	Наибольшее число просмотров поста, посвященного мусорному конфликту / The highest number of views of the post about the "garbage conflict"
Активист Котласа	Районное сообщество	3918	18894
Древний Яренск	Районное сообщество	6280	42919
Сплетни Северодвинска и области	Районное сообщество	7647	13839
ЭХО КОТЛАСА	Районное сообщество	9522	35270
Котлас	Районное сообщество	16472	156168
УРДОМА Online	Районное сообщество	26480	217119
Котлас Коряжм Сплетнк29	Районное сообщество	33486	38235
ЧоПроисходит Северодвинск ? Жесть !	Районное сообщество	36482	36190
Северодвинск ONLINE	Районное сообщество	43066	47122
Типичный Северодвинск	Районное сообщество	76477	58478
Жесть Поморья: Архангельск Северодвинск регион	Региональное сообщество	100756	86318

В большинстве своем, как показал анализ, это были районные сообщества Северодвинска и Котласа. Как видно в территориальных сообществах охват аудитории сообщений о мусорном конфликте несколько меньше. Здесь лишь в восьми сообществах из одиннадцати количество, число просмотревших самый популярный пост, посвященный предстоящему строительству полигонов, превышает подписчиков сообщества. Причем по сравнению с «антимусорными» сообществами это превышение не так значительно. Так число

просмотревших наиболее популярный пост, посвященный конфликту, превысило число подписчиков в сообществе «УРДОМА онлайн» в 9 раз.

В рамках исследования были также рассмотрены сообщества, не связанные ни с самим конфликтом, ни с регионами, которые он затрагивает. Анализ показал, что большинство сообществ общенациональных СМИ не уделяло существенное внимание конфликту вокруг полигонов в Архангельской области (табл. 3).

Таблица 3

Сообщества СМИ

Table 3

Media communities

Сообщества СМИ / Media communities	Тип издания / Edition type	Число под- писчиков / Number of subscribers	Число постов / Number of posts	Наибольшее число просмотров поста, посвященного мусор- ному конфликту / The highest number of views of the post about the "garbage conflict"
Телеканал «РОССИЯ»	ТВ	1007680	0	-
Новости Первого канала	ТВ	830457	0	-
РИА Новости	Агентство	2516910	1	63988
Комсомольская правда – KP.RU	Газета	830838	1	24202
Z.RU (Известия)	Газета	428953	1	2703
Газета.Ru	Интернет- СМИ	141722	2	1801
НТВ	ТВ	407699	3	5553
Московский Комсомолец (МК)	Газета	42100	3	1593
ТАСС	Агентство	700790	4	14266
Лента.ру	Интернет- СМИ	601852	5	25799
Царьград	ТВ	216917	16	4124
ВЕДОМОСТИ	Газета	682955	20	13836
Коммерсантъ	Газета	332003	23	17627
Фонтанка.ру	Интернет- СМИ	228831	29	59530
Медуза	Интернет- СМИ	721014	31	78028
Эхо Москвы	Радиостанция	152855	49	20500
Телеканал «Дождь»	ТВ	474040	67	30087
Новая газета	Газета	112819	138	41221

Для анализа были отобраны 18 общенациональных СМИ: 5 телеканалов, 6 газет, 2 агентства, 1 радиостанция и 4 интернет-СМИ. Хотя «Фонтанка» является региональным изданием, оно включено в анализ, так как выходит за рамки освещения местных новостей. Из них пять являются прямо или опосредованно государственными (Первый канал, телеканал «Россия», НТВ, РИА новости и ТАСС), пять провластными («Комсомольская правда», «Известия», «Московский комсомолец», «Лента Ру», «Газета.Ру»), одно СМИ можно определить, как националистическое (телеканал «Царьград») и пять изданий на момент проведения исследования можно определить, как либеральные («телеканал «Дождь», радиостанция «Эхо Москвы», газеты «Новая газета» и «Ведомости» и интернет-СМИ – «Медуза»). Как видно в сообществах государственных и провластных СМИ, постов, посвященных

конфликту в Архангельской области, или нет (Первый канал, телеканал «Россия») или их крайне мало (НТВ, РИА новости, ТАСС, «Комсомольская правда», «Известия», «Московский комсомолец», Лента Ру, Газета.Ру).

В тоже время исследование показало, что в целом в сообществах либеральных СМИ конфликту вокруг полигонов уделяется существенно большее внимание. Среди них выделяются «Новая газета», телеканал «Дождь» и радиостанция «Эхо Москвы». При этом, анализ выявил, что аудитория сообщений о мусорном конфликте в сообществах СМИ существенно меньше числа их подписчиков.

Еще одна группа, выбранная в рамках исследования освещения в социальных сетях конфликта вокруг плана строительства мусорных полигонов в Архангельской области, это сообщества политических партий и движений (табл. 4).

Таблица 4

Сообщества партий и политических движений

Table 4

Communities of parties and political movements

Сообщество партии/политического движения / Party / political movement community	Число подписчиков / Number of subscribers	Число постов / Number of posts	Наибольшее число просмотров поста, посвященного мусорному конфликту / The highest number of views of the post about the "garbage conflict"
Единая Россия	114092	0	0
ЛДПР	132290	2	21018
Справедливая Россия	28824	3	8526
Команда Навального	207676	7	36999
Правые	147720	9	27594
Партия народной свободы	16718	10	2417
Яблоко	19671	24	5486
Левый Фронт	4673	48	478
КПРФ	88193	61	85297

Мы выбрали для анализа девять сообществ политических партий и организаций. Их них четыре парламентских партий («Единая Россия», ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия»), три – непарламентские (Яблоко, Левый фронт и Партия народной

свободы). Кроме того, было решено включить в анализ сообщество «Команда Навального», хотя на настоящий момент в России не зарегистрировано партии сторонников Алексея Навального. Сообщество «Правые», не принадлежит к сообществам

политических партий или организаций, но является одним из крупнейших сообществ в социальной сети, представляющих взгляды русских националистов. Как видно только два сообщества, «Левого фронта» и КПРФ, выделяются в отношении присутствия в их повестке дня конфликта вокруг мусорных полигонов в Архангельской области.

Если же говорить об аудитории постов, посвященных мусорному конфликту, то и здесь они в целом не привлекли достаточное внимание пользователей.

В рамках работы, с помощью анализа страниц отдельных пользователей было

исследовано, как распространялась информация о конфликте в социальной сети. Путем случайной выборки были отобраны 343 пользователя, писавшие о мусорном конфликте, состоявшие одновременно в крупнейшем сообществе, посвященной полигону в Шиесе «Поморье не помойка!» и в одном из территориальных сообществ. За период начало августа 2018 – первая половина ноября 2019 года на страницах этих пользователей было выявлено 10785 поста, посвященных мусорному конфликту (табл. 5).

Таблица 5

Распределение постов пользователей социальной сети, посвященных конфликту в Шиесе, в зависимости от типа поста (%)

Table 5

Distribution of posts by social network users dedicated to the conflict in Shies, depending on the type of post (%)

Тип поста / Post type	Посты / Posts
Пост пользователя / User post	22
Репост материала другого пользователя / Repost material from another user	20
Репост материала сообщества / Community repost	58
N	10779

В рамках исследования мы рассматривали пост, как «пост пользователя» в том случае, если автор в посте давал свой текст любого объема при репосте материала другого пользователя или сообщества. Несмотря на то, что значительную долю составляли репосты материалов других пользователей социальной сети, анализ показал, что большинство постов, посвященных конфликту, являлось репостом материалов, бывших в повестке дня одного из сообщества.

Всего пользователи, включенные в анализ, сделали репост материалов, размещенный на страницах 484 различных сообществ. В ходе анализ все сообщества были разделены на несколько групп: 1) сообщества, созданные в связи с конфликтом вокруг мусорных полигонов; 2) территориальные сообщества; 3) экологические сообщества; 4) сообщества СМИ; 5) сооб-

щества политических партий, движений; 6) другие сообщества. Анализ репостов материалов сообществ, посвященных конфликту вокруг Шиеса, показал следующее (табл. 6).

Исследование показало, что в большинстве случаев источником для репостов сообщений о мусорном конфликте для пользователей становятся специальные и территориальные сообщества. При этом мы видим, что если 41% сообществ, являющихся территориальными, дали 40% репостов, то всего лишь 13% «антимусорных» сообществ – почти половину. Все остальные сообщества, составившие 46%, дали лишь 12% репостов.

Если говорить о сообществах, созданных в связи с конфликтом, то чаще всего источниками для репостов служили такие сообщества как «Поморье не помойка!» и «Чистый Север 29».

Таблица 6

Распределение сообществ и репостов в зависимости от типа сообщества (%)

Table 6

Distribution of community and reposts depending on the type of community (%)

Тип сообщества Community type	Сообщества Community	Репосты материалов сообществ Reposts of community materials
Сообщества, созданные в связи с конфлик- том / Conflict Communities	13	48
Территориальные сообщества / Territorial communities	41	40
Экологические сообщества / Ecological communities	8	4
Сообщества СМИ / Media communities	5	2
Сообщества политических партий, движе- ний / Communities of political parties, move- ments	3	1
Другие сообщества / Other communities	30	5
N	484	6207

Среди территориальных сообществ, материалы которых распространялись пользователями, можно также выделить такие сообщества, как: сообщества местных СМИ (17% от всех территориальных сообществ) и сообщества местных отделений политических партий и организаций (6%). Из всех территориальных сообществ чаще, чем другие, источниками для репостов служили сообщества «УРДОМА онлайн»; «Жесть Поморья: Архангельск Северодвинск регион» и «Шиес Коряжма Котлас Сплетник29».

Если говорить о сообществах СМИ, политических партий и организаций как источниках для репоста, не являющихся территориальными, то, как видно их было крайне мало. Среди сообществ СМИ можно выделить сообщества «Северо-Запад. МБХ медиа |Новости», «Новой газеты» и «Настоящего времени».

Заключение (Conclusions). В рамках статьи работе было проанализировано присутствие мусорного конфликта в Архангельской области в «повестке дня» в социальной сети «ВКонтакте», как на страницах сообществ различных типов, так и на страницах индивидуальных пользователей. Анализ показал, что в ходе конфликта протестующие активно использовали социальную сеть «ВКонтакте», созда-

вая в ней сообщества, посвященные борьбе со строительством с мусорными полигонами. Исследование показало, что аудитория этих сообществ была существенно шире, чем число их подписчиков.

В рамках исследования предполагалось выяснить, насколько информация о конфликте оставалась в «замкнутых» на себя сетевых сообществах или выходила за их границы. Исследование показала, что проблема мусорных полигонов вышла за рамки специализированных сообществ. В большинстве территориальных сообществ Архангельской области и Республики Коми поднимался вопрос о конфликте вокруг мусорных полигонов в Архангельской области. В тоже время лишь в меньшинстве случаев эта проблема поднималась регулярно. Если говорить о сообществах федеральных СМИ и сообществ политических партий и движений, то анализ показал, что в большинстве из них, за редким исключением, об этой проблеме писалось крайне редко.

Анализ путей распространения информации о мусорном конфликте также показывает, что проблема конфликта вышла за пределы специализированных сообществ. В ходе исследования было выявлено широкое распространение информации о конфликте на страницах индивиду-

альных пользователей и использование ими материалов, размещенных за пределами «антимусорных» сообществ.

Таким образом, можно утверждать, что в целом проблема мусорных полигонов в Архангельской области не оказалась замкнутой в специализированных сообществах социальной сети. В тоже время настоящее исследование показывает, что повестка мусорного конфликта не смогла в существенной мере выйти за пределы территориальных сообществ регионов, непосредственных затронутых этой проблемой. При этом одним из серьезных путей распространения информации о конфликте в Архангельской области стали не только различные сообщества, но и индивидуальные пользователи социальной сети.

Список литературы

- Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12-35.
- Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73-91.
- Гольбрайх В. Б. Социальные сети как ресурс для институционализации общественного движения (на примере конфликта вокруг строительства мусорных полигонов в Архангельской области) // Власть и элиты. 2020. № 1. С. 183-203.
- Гольбрайх В. Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 74-85.
- Зимова Н. С., Фомин Е. В., Смагина А. А. Социальные сети как новый канал взаимодействия общества и власти // Научный результат. Социология и управление. 2020. № 2. С. 159-171.
- Ксенофонтова И. В. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 114-116.
- Малькевич А. А. Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 35-42.
- Пивоваров В. А. Особенности влияния интернет-сообществ на формирование политической повестки дня в современной России (на примере мессенджера Telegram) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2019. Вып. 1. С. 113-116.
- Платонов К. А., Юдина Д. И. Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 226-249.
- Соколов А. В., Палагичева А. В. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте // Политическая наука. 2020. № 3. С. 266-297.
- Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 139-158.
- Цепилова О. Д. Общественные движения в районе экологического бедствия: история возникновения, развитие, социальные последствия (на примере г. Кириши) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 1. С. 61-90.
- Цепилова О. Д. Политическое и экономическое развитие современной России: экологические ограничения и риски // Телескоп. 2019. № 2. С. 20-27.
- Чмель К. Ш., Климова А. М., Митрохина Е. М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 1. С. 83-98.
- Asiyanbi I. Social Media Activism: Affordances of Social Media Usage in Activism and Social Movement. Lapland: University of Lapland, 2019. URL: <https://lauda.ulapland.fi/handle/10024/63665> (дата обращения: 15.12.2020).
- Boulianne S., Koc-Michalska K., Bimber B. Mobilizing Media: Comparing TV and Social Media Effects on Protest Mobilization // Information, Communication & Society. 2020. № 5. URL:

<https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1369118X.2020.1713847> (дата обращения: 15.10.2020).

Boulianne S., Koc-Michalska K., Bimber B. Right-wing Populism, Social Media and Echo Chambers in Western Democracies // *New Media & Society*. 2020. № 4. Pp. 683-699.

Denisova A. Democracy, Protest and Public Sphere in Russia after the 2011-2012 Anti-government Protests: Digital Media at Stake // *Media, Culture & Society*. 2017. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0163443716682075> (дата обращения: 15.10.2020).

Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia // *Econometrica*. 2020. № 4. Pp. 1479-1514.

Hunt, K., Gruszczynski M. The Influence of New and Traditional Media Coverage on Public Attention to Social Movements: the Case of the Dakota Access Pipeline protests // *Information, Communication & Society*. 2019. Pp. 1-17. URL:

<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369118X.2019.1670228> (дата обращения: 15.12.2020).

Koltsova O., Bodrunova S. Public Discussion in Russian Social Media: An Introduction // *Media and Communication*. 2019. Issue 3. Pp. 114-118.

Koopmans R. Movements and Media: Selection Processes and Evolutionary Dynamics in the Public Sphere // *Theory and Society*. 2004. № 3/4. Pp. 367-391.

Koopmans R., Olzak S. Discursive Opportunities and the Evolution of Right-Wing Violence in Germany // *American Journal of Sociology*. 2004. № 1. Pp. 198-230.

Lee F., Chen H., Chan M. Social Media Use and University Students' Participation in a Large-Scale Protest Campaign: The Case of Hong Kong's Umbrella Movement // *Telematics and Informatics*. 2017. Issue 2. Pp. 457-469.

Lonkila M., Shpakovskaya L., Torchinsky P. Digital Activism in Russia: The Evolution and Forms of Online Participation in an Authoritarian State // *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies* / ed. D. Gritsenko, M. Wijermars, M. Kopotev. L.: Palgrave Macmillan, 2021. Pp. 135-153.

Masip P., Ruiz-Caballero C., Suau J., Pueras D. Media and Twitter Agendas for Social Mobilizations: The Case of the Protests in Defense of

the Public Healthcare System in Spain // *International Journal of Communication*. 2020. Vol. 14. Pp. 3355-3376.

McCombs M. *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*. Cambridge: John Wiley & Sons, 2014.

McCombs M., Shaw D. The Agenda-setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. № 2. Pp. 176-187.

Toepfl F. From Connective to Collective Action: Internet Elections as a Digital Tool to Centralize and Formalize Protest in Russia // *Information, Communication & Society*. 2018. № 4. Pp. 531-547.

Wijermars M. The Digitalization of Russian Politics and Political Participation // *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies* / ed. D. Gritsenko, M. Wijermars, M. Kopotev. L.: Palgrave Macmillan, 2021. P. 15-32.

References

Arkhipova, A. S., Radchenko, D. A., Titkov, A. S., Kozlova, I. V., Yugai, E. F., Belyanin, S. V. and Gavrilova, M. V. (2018), "«Rally rebuild»: Internet in Protest and Protest on the Internet", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, (1), 12-35. (In Russian)

Akhremenko, A. S., Stukal, D. K. and Petrov, A. P. (2020), "Network vs Message in Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives", *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 73-91. (In Russian)

Golbraikh, V. B. (2020), "Social Networks as a Resource for the Institutionalization of Social Movement (on the Example of the Conflict around Garbage Conflicts in the Arkhangelsk Region)", *Vlast i elity*, (1), 183-203. (In Russian)

Golbraikh, V. B. (2019), "Ecoconflicts in Russia and Digital Networks Participation", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (6), 74-85. (In Russian)

Zimova, N. S., Fomin, E. V. and Smagina, A. A. (2020), "Social Networks as a New Channel of Interaction Between Government and Society", *Research result. Sociology and Management*, (2), 159-171. (In Russian)

Ksenofontova, I. V. (2012), "The Role of the Internet in the Development of Protest Movement", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, (3), 114-116. (In Russian)

Mal'kevich, A. A. (2020), "The Role of Social Media in Protest Political Participation of Citizens", *Upravlencheskoe konsultirovanie*, (1), 35-42. (In Russian)

Pivovarov, V. A. (2019), "Features of the Influence of the Internet Communities on the Formation of the Political Agenda in Modern Russia (The Case of Telegram)", *Izvestiya aratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya*, 1, 113-116. (In Russian)

Platonov, K. A. and Judina, D. I. (2019), "Agenda of Vkontakte Online Protest Communities Based in St Petersburg", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 226-249. (In Russian)

Sokolov, A. V. and Palagicheva, A. V. (2020), "Mobilization and Demobilization in a Network Political Protest", *Politicheskaya nauka*, (3), 266-297. (In Russian)

Titov, V. V. (2020), "Strategies of Youth Social Protest on the Russian Internet (RuNet): a Comparative Analysis of Generations Y and Z", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 139-158. (In Russian)

Tsepilova, O. D. (2002), "Social Movements in the Area of Ecological Disaster: the History of Emergence, Development, Social Consequences (Based on the Example of the City of Kirishi)", *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*, (1), 61-90. (In Russian)

Tsepilova, O. D. (2019), "The Process of Convergence of Different Social Systems as a Trend of Modernity", *Teleskop: Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, (2), 20-27. (In Russian)

Chmel, K. Sh., Klimova, A. M., Mitrokhina, E. V. (2020), "The Politicization of Environmental Discourse in the Arkhangelsk Region: the Landfill Site at Shies Railroad Station", *Zhurnal issledovaniy socialnoy politiki*, (1), 83-98. (In Russian)

Asiyanbi, I. (2019), *Social Media Activism: Affordances of Social Media Usage in Activism and Social Movement*, University of Lapland, Lapland [Online], available at: <https://lauda.ulapland.fi/handle/10024/63665> (Accessed 15 December 2020).

Boulianne, S., Koc-Michalska, K. and Bimber, B. (2020), "Mobilizing Media: Comparing TV and Social Media Effects on Protest Mobilization", *Information, Communication & Society*, (5) [Online], available at:

<https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1369118X.2020.1713847> (Accessed 15 October 2020).

Boulianne, S., Koc-Michalska, K. and Bimber, B. (2020), "Right-Wing Populism, Social Media and Echo Chambers in Western Democracies", *New Media & Society*, (4), 683-699.

Denisova, A. (2017), "Democracy, Protest and Public Sphere in Russia After the 2011-2012 Anti-government Protests: Digital Media at Stake", *Media, Culture & Society*, [Online], available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0163443716682075> (Accessed 15 October 2020).

Enikolopov, R., Makarin, A. and Petrova, M. (2020), "Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia", *Econometrica*, (4), 1479-1514.

Hunt, K. and Gruszczynski, M. (2019), "The Influence of New and Traditional Media Coverage on Public Attention to Social movements: the Case of the Dakota Access Pipeline Protests", *Information, Communication & Society*, 1-17, [Online], available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369118X.2019.1670228> (Accessed 15 December 2020).

Koltsova, O. and Bodrunova, S. (2019), "Public Discussion in Russian Social Media: An Introduction", *Media and Communication*, 3, 114-118.

Koopmans, R. (2004), "Movements and Media: Selection Processes and Evolutionary Dynamics in the Public Sphere", *Theory and Society*, (3/4), 367-391.

Koopmans, R. and Olzak, S. (2004), "Discursive Opportunities and the Evolution of Right-Wing Violence in Germany", *American Journal of Sociology*, (1), 198-230.

Lee, F., Chen, H. and Chan, M. (2017), "Social Media Use and University Students' Participation in a Large-Scale Protest Campaign: The Case of Hong Kong's Umbrella Movement", *Telematics and Informatics*, 2, 457-469.

Lonkila, M., Shpakovskaya, L. and Torchinsky, P. (2021), "Digital Activism in Russia: The Evolution and Forms of Online Participation in an Authoritarian State", in Gritsenko, D., Wijermars, M., Kopotev, M. (eds.) *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*, Palgrave Macmillan, 135-153.

Masip, P., Ruiz-Caballero, C., Suau, J. and Puertas, D. (2020) "Media and Twitter Agendas

for Social Mobilizations: The Case of the Protests in Defense of the Public Healthcare System in Spain”, *International Journal of Communication*, 14, 3355-3376.

McCombs, M. (2014), *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*, John Wiley & Sons, Cambridge, UK.

McCombs, M. and Shaw, D. (1972), “The Agenda-setting Function of Mass Media”, *Public Opinion Quarterly*, (2), 176-187.

Тоepfl, F. (2018), “From Connective to Collective Action: Internet Elections as a Digital Tool to Centralize and Formalize Protest in Russia”, *Information, Communication & Society*, (4), 531-547.

Wijermars, M. (2021), “The Digitalization of Russian Politics and Political Participation”, in Gritsenko, D., Wijermars, M., Kopotев, M. (eds.), *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*, Palgrave Macmillan, 15-32.

Статья поступила в редакцию 11 марта 2021 г. Поступила после доработки 10 мая 2021 г. Принята к печати 01 июня 2021 г.

Received 11 March 2021. Revised 10 May 2021. Accepted 01 June 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Гольбрайх Владимир Бенъяминович, научный сотрудник Социологического института ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Vladimir B. Golbraikh, Researcher, Sociological Institute, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УДК 316.334:37

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-9

Оригинальная статья

Духанина Л. Н.¹
Максименко А. А.²

**Вынужденная цифровизация школьного образования
в России: родительская рефлексия**

¹Российское общество «Знание»,
Россия, Москва, ул. Никольямская, 11, стр. 1, 119019
Duhanina@mail.ru

²Высшая школа экономики
Россия, ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000,
Maximenko.AA@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются изменения родительских представлений о цифровизации школьного образования на основе сравнения данных всероссийского исследования 2018 года и регионального исследования 2020 года вынужденного дистанционного формата, реализованного в связи с пандемией, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19. Анализируются барьеры цифровизации школьной среды, риски и условия успешного перехода. Показано, что родительские представления о цифровизации школьного образования, имеющие специфические особенности формирования, являются важным фактором успеха трансформации образовательного процесса. Отмечено, что в ситуации вынужденного перехода к дистанционному обучению уровень цифровизации школьного обучения оценивается опрошенными родителями как недостаточный (не адекватный) в силу недостаточной квалификации педагогов и технической недоукомплектованности школьного оборудования и программного обеспечения. Результаты информатизации в целом положительно оцениваются большинством родителей, при этом они полагают, что цифровизация открыла значительные дополнительные возможности (особенно в обучении детей с ограниченными возможностями здоровья), но не решила многих проблем, связанных с обучением детей.

Ключевые слова: родительские представления о цифровизации образования; цифровые компетенции; трансформация образования; навыки ориентации; качество школьного образования; гаджеты; информационно-коммуникационные технологии

Информация для цитирования: Духанина Л. Н., Максименко А. А. Вынужденная цифровизация школьного образования в России: родительская рефлексия // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 116-131. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-9.

Lubov N. Dukhanina¹
Aleksandr A. Maksimenko²

Forced digitalization of school education in Russia: parental reflection

¹Russian “Znanie” Society

1, bld. 11 Nikoloyamskaya St., Moscow, 119019, Russia

Duhanina@mail.ru

²National Research University “Higher School of Economics”

20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

Maksimenko.AI@gmail.com

Abstract. This article analyzes the changes in parental perceptions of the digitalization of school education based on a comparison of data from the 2018 nationwide study and the 2020 regional study of the forced distance format implemented in response to the pandemic caused by the new coronavirus infection COVID-19. It is shown that parental ideas about the digitalization of school education, which have specific features of formation, are an important factor in the success of the transformation of the educational process. It is noted that in the situation of a forced transition to distance learning, the level of digitalization of school education is assessed by the interviewed parents as insufficient (inadequate) due to insufficient qualifications of teachers and technical understaffing of school equipment and software. The results of informatization are generally positively assessed by the majority of parents, while they believe that digitalization has opened up significant additional opportunities (especially in teaching children with disabilities), but has not solved many of the problems associated with teaching children.

Keywords: parenting perceptions about digitalization of education; digital competencies; transformation of education; orientation skills; quality of school education; gadgets; information and communication technologies

Information for citation: Dukhanina, L. N., Maksimenko, A. A. (2021), “Forced digitalization of school education in Russia: parental reflection”, *Research Result. Sociology and management*, 7 (2), 116-131, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-9.

Введение (Introduction). Как и цифровизация любой отрасли, цифровизация системы образования обнаруживает как правовые, так и организационные барьеры (Южаков, Ефремов, 2018), а также необходимость этического регулирования (Беляева, 2018). Ситуация осложнилась пандемией COVID-19, нарушившей ход повседневности, вынудившей свыше 40 млн детей по всему миру упустить старт получения дошкольного образования¹.

Экспресс-опрос, размещенный 04 июля 2020 года в социальной сети «ВКонтакте», «Как Вы относитесь к дистанционному образованию?»², портала «Госуслуги» собрал на 25 июля 2020 года, не претендуя на репрезентативность, отклики 35 148 человек. Вариант ответа «Поддер-

https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf.

² Режим доступа:
https://vk.com/feed?section=likes&w=wall-195855333_119 в официальной группе «Госуслуги для родителей» (<https://vk.com/gosuslugiforparents>) с числом подписчиков 132 054 человек.

¹ Концептуальная записка: образование в эпоху COVID-19 и в последующий период. Доклад ООН, август, 2020. URL:

живаю, за онлайн обучением будущее, без этого никак» получил менее 3% голосов (2,26 %) респондентов, за вариант ответа «В сложившейся ситуации – это необходимость» проголосовало 4,39% опрошенных. В пользу ответа «Онлайн обучение – это хорошо, но нужно совмещать виды обучения» – склонилось менее десятой части родителей (8,86%). Большинство респондентов выбрали вариант «Мне не нравится, дети должны ходить в школу» – 84,67%. Такое протестное единодушие не может оставаться без внимания, поскольку представляет собой критический разрыв в восприятии требований общественности (прежде всего такой важной целевой аудитории, как родительское сообщество) и государства в формировании личности молодого человека, социализированной к современным условиям цифрового развития. В связи с этим вопрос об условиях продуктивного применения цифровых технологий в образовательном процессе порождает его активное обсуждение и требует пристального внимательного исследования с последующим изучением родительских представлений и мнения экспертов о цифровизации школьного образования, разработки принципов цифровизации школьного образования, а также социальных технологий, обеспечивающих эффективное протекание процесса обучения с учетом восприятия родителей диджитализации школьной среды.

Методология исследования (Methodology and methods). Изучение родительских представлений интересно исследователям с точки зрения формирования детско-родительских представлений (Колодина, 2016), а также в контексте образовательных траекторий и символическом будущем детей (Свешникова, 2010). Выводы Н. Н. Толстых (Толстых, 2012) сообщают о решающем влиянии родителей на своих детей в формировании их ценностных ориентаций и жизненных целей, и карьерных притязаниях. В работе И. В. Вачкова, С. Н. Вачковой, М. В. Воропаева (Вачков, Вачкова, Воропаев, 2019) показано, что

представления родителей о качестве образования в мегаполисе связано с их желанием контролировать учебу детей.

Проблема цифровизации образования находится в фокусе многих российских и зарубежных ученых. Так, Н. Б. Стрекалова (Стрекалова, 2019) определяет цифровизацию образования как перевод в цифровой формат всех учебно-методических материалов и создание на их основе общедоступных баз знаний, максимальный перенос учебного процесса в глобальную сеть и использования для организации обучения мобильных и облачных технологий, привлечение к управлению учебным процессом технологий web 3.0 и интеллектуальных систем, широкое применение массовых открытых образовательных курсов.

Проведенный екатеринбургскими исследователями (Виндекер, Голендухина, Клименских, Корепина, Шека, 2017) в 2017 году опрос на выборке студентов и преподавателей Уральского федерального университета показал неоднозначное отношение педагогической общественности разного статуса и возраста к перспективе распространения электронного обучения в системе высшего образования. По мнению авторов исследования, основными барьерами являются социокультурные и дидактические барьеры. Так, молодым технооптимистам сравнительно легко осваивать новые знания в уже привычном дистанционном формате, тогда как консерваторы инерционно считают, что электронный формат вредит качеству образования, при этом последним также нравится возможность обучаться вне стен ВУЗа.

Международный российско-узбекский квартет (Андрюхина, Садовникова, Уткина, Мирзаахмедов, 2020) выделяют главное условие снижения рисков цифровизации в образовании: примат педагога и педагогики, а не технологии в образовательном процессе. На основе авторского исследования готовности педагогов к цифровизации образования (опросом было охвачено 187 педагогов Свердловской области), они приходят к следующим вы-

водам: респонденты признались в неготовности вводить новые нетрадиционные формы обучения, например, создать свой онлайн проект (в социальном сетевом сообществе) – (74,8%) ответили, сославшись на недостаточный уровень своей компьютерной грамотности и нехватку времени. Затруднились опрошенные и в готовности к реализации приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в России» (36%), при этом 23% искренне признались в своей неготовности.

Авторы отмечают излишнюю гиперболизацию негативных изменений, которые происходят в несовершенстве процессов коммуникации в информационной среде, цифровой беспризорности, а также в самоустраненности педагогов и отсутствии у них позитивного настроения. Так, на вопрос «Испытываете ли Вы воодушевление при мысли, что будете работать в электронной информационной среде?» – только 5% ответили утвердительно. Проведенное авторами исследование помогает нам в развитии наших представлений о сущности и содержании цифровой дидактики, способствуют формированию оптимальных условий цифровизации образования. Между тем в настоящее время существует нехватка современных социально-психологических исследований влияния цифрового перехода на всех участников образовательного процесса, а что самое главное – практически отсутствуют исследования родительских представлений о цифровизации школьного образования с детальным анализом фобий и предложений по оптимальной траектории их преодоления.

В этой связи авторами предприняты попытки анализа родительских представлений о цифровизации школьного образования в 2-х временных точках:

1. В 2018 году, до вынужденного перехода к дистанционному обучению, которая характеризуется эволюционным дрейфом с дифференцированной степенью интенсивности проявления интереса к цифровым технологиям у различных ауди-

торий, массовым подключением к сети Интернет, освоением населением гаджетов, сенсорных устройств, нарастанием цифрового неравенства, имеющего прежде всего возрастной критерий. Основным достижением к этому рубежу стала серия выстроенных и закреплённых коммуникаций со школой, учительским и родительским сообществами (сайтом, группами в социальных сетях и родительскими чатами в мессенджерах), органами власти, институтом репетиторов, разветвленным общением между учащимися, аттестационными процедурами (ЕГЭ, ОГЭ и т.д.). В целом этап можно охарактеризовать компьютеризацией и информатизацией с диспропорцией в освоении цифровых инструментов и продуктов.

2. В 2020 году (с марта по май), в период вынужденного перехода к дистанционному обучению, при которой осуществлялось дистанционное общение между учителями и учениками с эмоциональной окраской, в силу экстремальной смены формата процесса обучения, который игнорировал подготовительный методологический этап и создание цифрового контента на фоне недостаточно высокой цифровой культуры учителей. Родительское сообщество восприняло дистанционное обучение как цифровую коммуникацию, заключающуюся в постановке задач с выдачей заданий для самообразования учащихся школ и рекомендаций наиболее популярных просветительских ресурсов.

В настоящей работе под родительскими представлениями цифровизации школьного образования мы понимаем когнитивное и эмоциональное восприятие родителями школьной среды, их осведомленность о процессах интеллектуального и социального развития ребенка, целях обучения и наиболее предпочитаемых способах организации среды обучения. Родительские представления можно классифицировать по нескольким основаниям. Принципиальным в рамках нашей проблемы является типологизация представлений

родителей о школе и процессе обучения, которые являются продуктом собственного опыта и представления, которые основаны на опыте детей, и которого в опыте собственного школьного обучения родителей не было. Представления родителей о цифровизация школьного обучения относятся ко второму случаю, поскольку подавляющее большинство родителей родились в прошлом веке и получили аналоговое (не-цифровое) школьное образование.

Таким образом, главный исследовательский вопрос настоящей работы состоит в анализе тех изменений в родительских представлениях о цифровизации образования, которые зафиксированы нашими двумя исследованиями в ситуации вынужденного перехода к дистанционному обучению.

Методики исследований и описание выборки. В первом исследовании в апреле 2018 года Фондом «Национальные ресурсы образования» совместно с активом Российского общества «Знание» был проведен опрос 1 276 родителей детей до 18 лет, посвященный изучению влияния цифровизации образования на качество образовательного процесса. Выборка состояла из 87,5% проживающих в городе, более 2/3 женщины, при этом возраст 74,9% респондентов – до 42 лет. 49,8% имеют одного несовершеннолетнего ребенка, 38,6% – двух детей, 9,9% – трех несовершеннолетних детей и более. 10,3% сообщили, что живут крайне экономно, 47,1% сообщили, что в целом обеспечены, почти 40% опрошенным хватает не только на еду, но и на одежду.

Вторым онлайн опросом (апрель-май 2020 года) было охвачено 100 респондентов среднего города типичной глубинки (г. Кострома). На анкету, размещенную на ресурсе webanketa.com, ответили родители детей, посещавших более 30 различных школ Костромской области, 79% – школ города Костромы по рассылке через социальную сеть «ВКонтакте». Пандемия коронавируса ускорила процесс перехода обра-

зовательных учреждений, в том числе школ в формат дистанционной коммуникации, поэтому задачей исследования было выявление основных трудностей, возникших в процессе дистанционного обучения у учащихся образовательных учреждений города Костромы и Костромской области; привлечение наибольшего количества всех участников к обсуждению проблем, возникших в процессе дистанционного обучения; коррекция организационного процесса дистанционного обучения для удобства учащихся в ближайшем будущем. В качестве инструментария использовалась модифицированная анкета Международного центра социологических исследований НИУ БелГУ (И. С. Шаповалова).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). На вопрос об использовании гаджетов в образовательных целях первого общероссийского исследования были получены следующие ответы: 78,8% ответивших используют компьютер/ноутбук в образовательных целях, 61,8% – мобильный телефон, 46,8% – планшет, 32,3% – телевизор, а 12,9% – электронную книгу. Исследование экспертов факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова показало, что более 90% учеников начальной школы имеют какой-нибудь гаджет, а каждый третий школьник младших классов пользуется социальными сетями¹.

Родители по-разному оценивают перспективные возможности, открывающиеся перед их детьми посредством цифровизации. Так 61,2% опрошенных считают, что цифровизация открывает школе доступ к современным технологиям, 34,9% – способствует развитию способностей учащихся, 33,7% – способствует индивидуализации процесса обучения, 18,7% – лишь со-

¹ Новая эпоха. Как гаджеты помогают школьнику в учебе // Аргументы и факты, 20 августа 2020 года. – Режим доступа: https://vrn.aif.ru/society/family/novaya_epoha_kak_ga_dzhety_pomogayut_shkolniku_v_uchebe.

здает видимость внедрение современных технологий, а 13,7% считают, что она замедляет развитие их детей. Опрос ВЦИОМ¹ показал, что большинство россиян (83 %) считают, что личные телефоны и смартфоны мешают школьникам учиться. Три четверти опрошенных поддерживают идею о запрете использования смартфонов и других гаджетов во время занятий. Более двух третей наших сограждан считают, что благодаря подобным ограничениям использования электронных гаджетов в школах дети станут лучше учиться, полагая, что данный запрет должен распространяться на школьников всех возрастов.

В среднем подростки с гаджетами проводят 3,5 часа в день, при этом большинство родителей считают, что их дети уделяют слишком много времени развлечениям с использованием цифровых устройств. Эксперты отмечают также негативные последствия влияния цифровых технологий на ребенка (киберсоциализации (Айсина, Нестерова, 2019), среди которых: ухудшение зрения и сна (Благополучие детей в цифровую эпоху, 2019), нарушение осанки, моторики, головные боли, а также нарастающие проблемы социализации детей (Войскунский, 2015) и подростков (К. Г. Дмитриев, 2013), и клиповость мышления (Амиржанова, Скрипникова, 2019), при которой теряется способность и желание самостоятельно занимать себя, творчески играть без готовых зрительных образов (Марарица, Антонова, Ерицян, 2013).

На вопрос анкеты «Влияет ли, по Вашему мнению, количество времени, проведенное ребенком с электронными устройствами (компьютер, планшет, смартфон) на его настроение и самочувствие?» были получены такие ответы:

¹ Смартфоны в школах: запретить нельзя оставить? Россияне поддерживают идею о запрете использования смартфонов и других гаджетов в школьных классах // ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9320>.

37,5% – скорее влияет, бывают перепады в настроении, но они несущественные, 34,8% – определенно бывают, у ребенка существенно испортиться настроение, 22,3% – скорее не влияет, крайне трудно установить причину изменения в настроении, так как много различных факторов могут влиять на ребенка, 5,4% – определенно не влияет, настроение ребенка никак не зависит от использования гаджетов.

Респондентов общероссийского исследования просили оценить уровень цифровизации школ в России (рис. 1). Больше половины опрошенных высказались в пользу недостаточной оснащенности российских школ необходимыми цифровыми ресурсами.

Для того чтобы ликвидировать этот пробел и иметь достаточный уровень для достижения современных требований к образованию, по мнению родителей, не хватает: компьютеров (72,9%), высокоскоростного интернета (69,9%), объектов 3-D моделирования / печати (46,3%). Оценку уровня цифровизации российских школ проиллюстрируем ответами на вопрос о переходе учащихся на дистанционное обучение, собранными в рамках регионального исследования 2020 года. Так, более двух третей (68%) респондентов, принявших участие во 2-м исследовании, волновались о снижении эффективности образовательного процесса, 21% восприняли спокойно, как временную меру, 4% обрадовались возможности детей побыть дома и заниматься в свободном режиме, 7% беспокоились о технических возможностях реализации такого формата. На уточняющий вопрос об организации обучения в школе в период пандемии 65% опрошенных ответили, что все занятия переведены в дистанционный формат, 17% – часть занятий была переведена в дистанционный формат, а часто отменена/перенесена, 5% – все занятия были отменены.

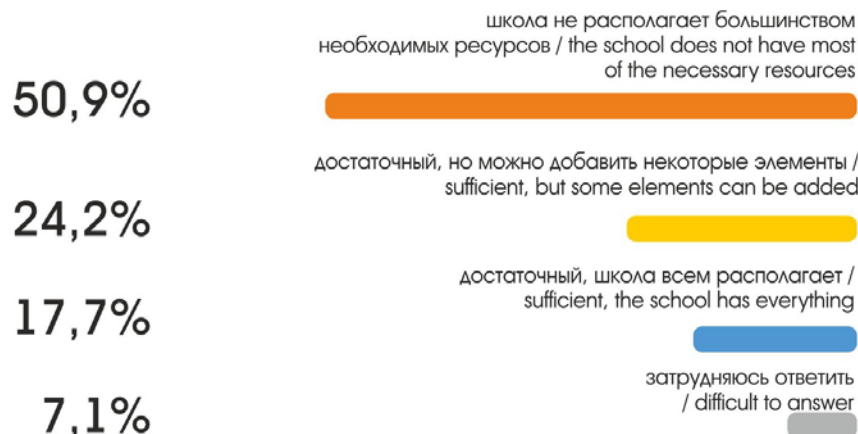

Рис. 1. Оценка уровня цифровизации российских школ
Fig. 1. Assessment of the level of digitalization of Russian schools

Рис. 2. Оценка респондентами возможности исключить из образовательного процесса тех или иных образовательных технологий

Fig. 2. Respondents' assessment of the possibility of excluding certain educational technologies from the educational process

Вопрос о возможности перенесения в перспективе всех школьных дисциплин полностью в онлайн-формат показал, что больше половины родителей (58%) считают, что это невозможно по техническим причинам, еще четверть (25%) полагают, что это невозможно в силу привычки очно присутствовать в образовательном процессе, лишь 4% считают, что это возможно без потери качества. Таким образом, родители оценивают уровень цифровизации школьного обучения как недостаточный и не адекватный

Ответы на вопрос о том, что можно исключить из образовательного процесса без снижения результата, представлены на рисунке 2.

Как видно из рисунка 2, опрошенные категорически против отказа от тетрадей для письма (83%), уроков труда (техноло-

гии) – 82%, исследовательской лаборатории – 81%. Можно обойтись, по мнению родителей, от тренажеров и очков виртуальной реальности, а также от электронных учебников и бумажного журнала.

На вопрос об ингибиторах цифровизации в сфере образования, опрошенные смогли выделить неэффективное использование выделяемых средств (63,1%), а также низкую квалификацию педагогов (36,4%). В то же время родители сообщили, что наибольшая востребованность цифровизации образования находится в сфере работы с детьми с ограниченными возможностями (рис. 3), а также обучения исследованиям и проектированию, подготовке в ЕГЭ, ОГЭ. Не подходит цифровизация, по мнению опрошенных, применительно к смысловому чтению, а также к творческим дисциплинам.

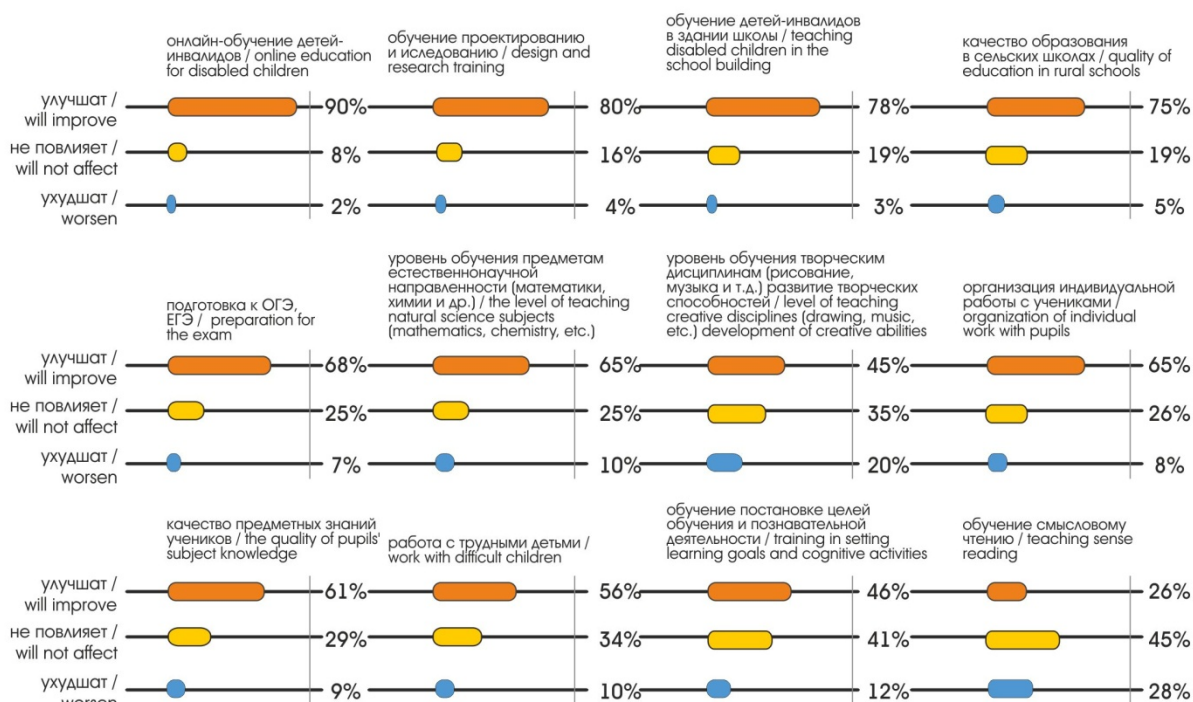

Рис. 3. Первоочередные сферы цифровизации образования, по мнению опрошенных
Fig. 3. Priority areas of digitalization of education, according to respondents

Рисунок 4 резюмирует итоги 20-летней информатизации образовательного процесса, по мнению родителей. Отрицательно ее оценивают лишь 12,3% респондентов, еще 15,6% затруднились ответить. В целом положительно оценивают резуль-

таты информатизации более 2/3 опрошенных, из них половина считают, что цифровизация открыла дополнительные возможности, но не решила проблем, связанных с обучением детей, актуальных и сегодня.

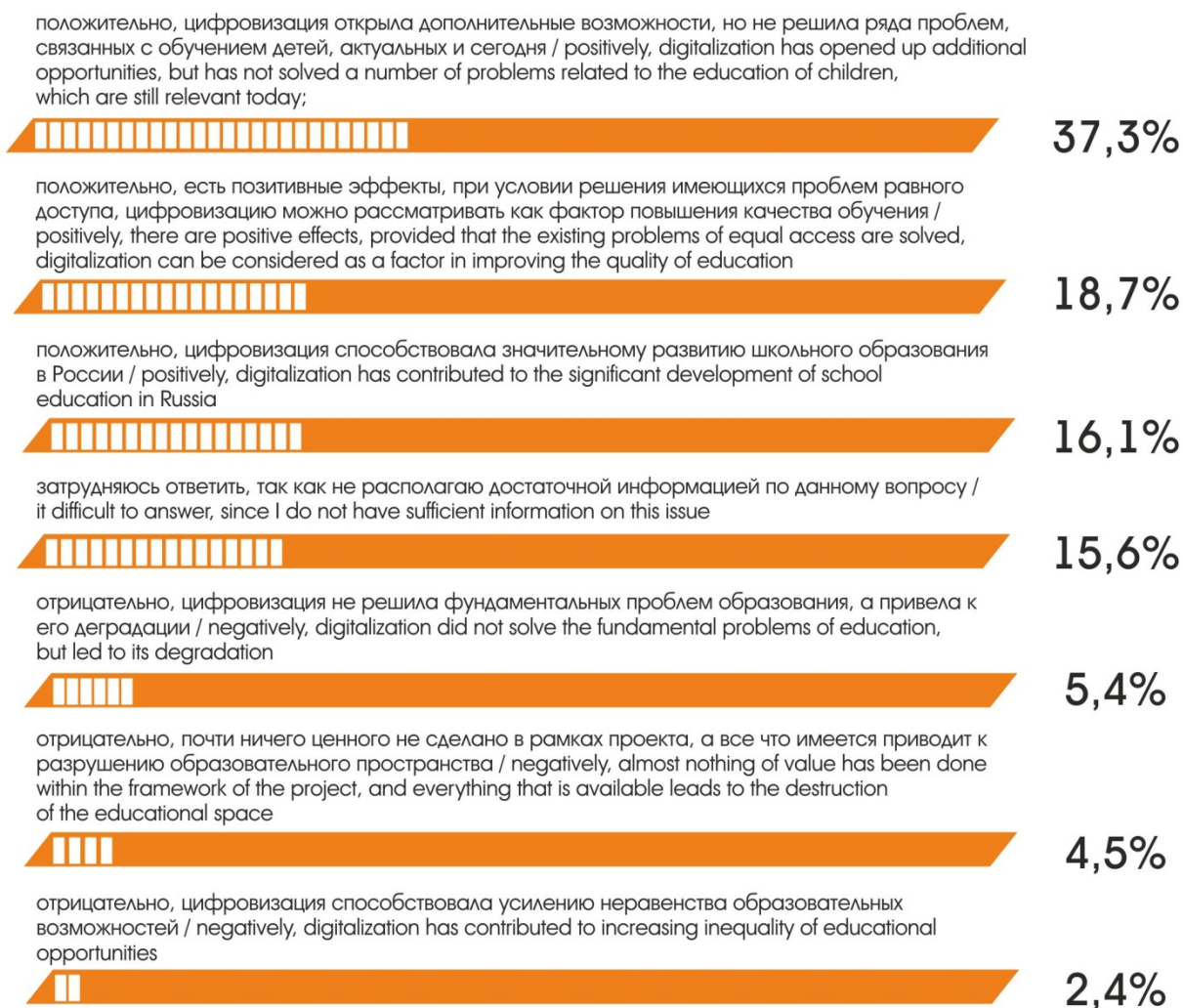

Рис. 4. 20-летние итоги информатизации российского образования, по мнению опрошенных
Fig. 4. 20-year results of the informatization of Russian education, according to respondents

Вопросы регионального исследования показали, что только 11% респондентам полностью понятно лишь 11% респондентам, как организовано обучение их детей, и только 51% утвердительно ответили, что знают, куда обратиться за информацией об обучении в дистанционном формате.

Опрос зафиксировал то, что обучение ни в одной школе не прекращалось, занятия перенесены не были. Занятия школьников в дистанционном формате по различным дисциплинам проходили в следующем режиме, согласно данным опроса. По 2/3 школьным предметам были

разосланы темы уроков для самостоятельного изучения с выполнением проверочных заданий, в 70% случаев были рекомендованы уроки на онлайн ресурсах: Youtube, Постнаука, Арзамас или в социальных сетях других педагогов для закрепления материала.

Доступность учителей в период дистанционного обучения представлено на рисунке 5, из анализа данных которого можно сделать вывод, что особых сложностей с коммуникацией между учеником и учителей не было.

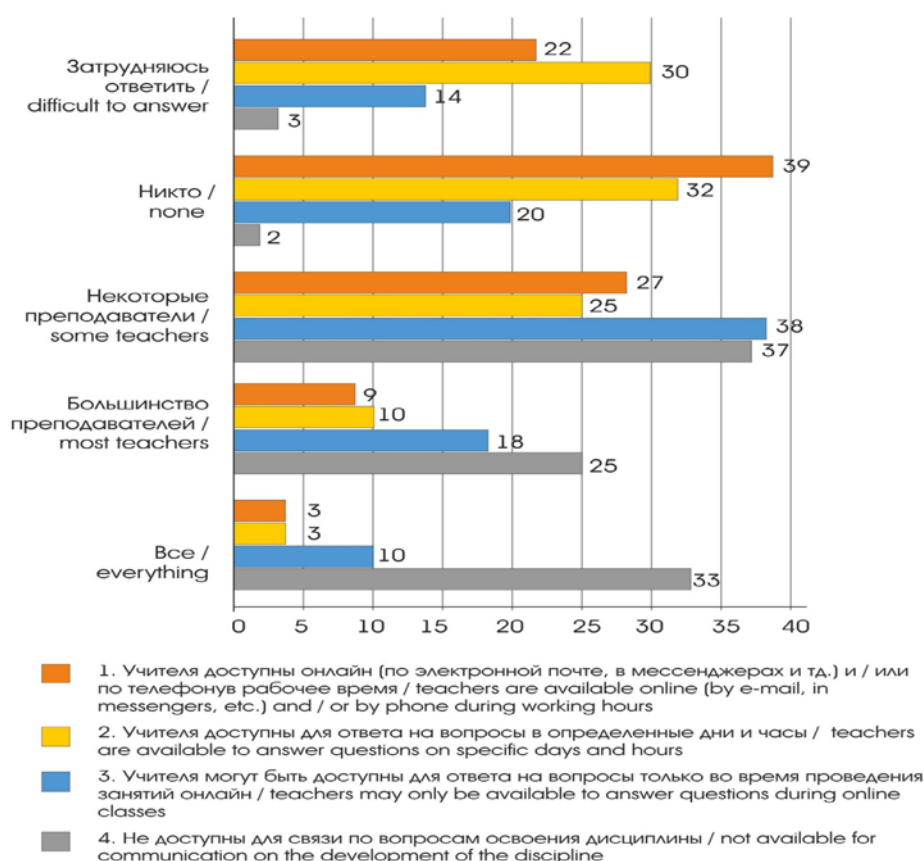

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «На сколько доступны преподаватели для связи и ответа на вопросы по дисциплине в условиях дистанционного формата обучения?», %

Fig. 5. Distribution of respondents' answers to the question "To what extent are teachers available for communication and answering questions on a discipline in a distance learning format?"

Наибольшее количество сложностей у участников дистанционного образовательного процесса возникло из-за того, что ребенку не хватает очного общения с учителем – 66%; ребенку не хватает общения с одноклассниками – 63%; сложно учиться в домашней обстановке – 56%; возникают технические проблемы и перебои с интернетом – 53%; ребенку сложно сосредоточиться при самостоятельном изучении материала – 52%; ребенку сложно задавать вопросы учителю при отсутствии очных занятий – 47%; возникают проблемы с доступом к образовательным платформам – 44%; ребенок чувствует себя более одиноким(-ой), изолированным(-ой) при дистан-

ционном формате обучения – 41%; ребенок не может обсудить с одноклассниками изучаемый материал – 40%; ребенку сложно удерживать внимание при просмотре видео урока – 35%; ребенку сложно отвечать на вопросы учителя и уточнять то, что ему непонятно в онлайн-формате – 32%; ребенку сложно разобраться с интерфейсом онлайн-курсов и программ, используемых для дистанционного формата обучения – 28%.

Данные рисунка 6 свидетельствуют о том, насколько имеющаяся домашняя техника отвечает достаточному уровню организации дистанционного формата.

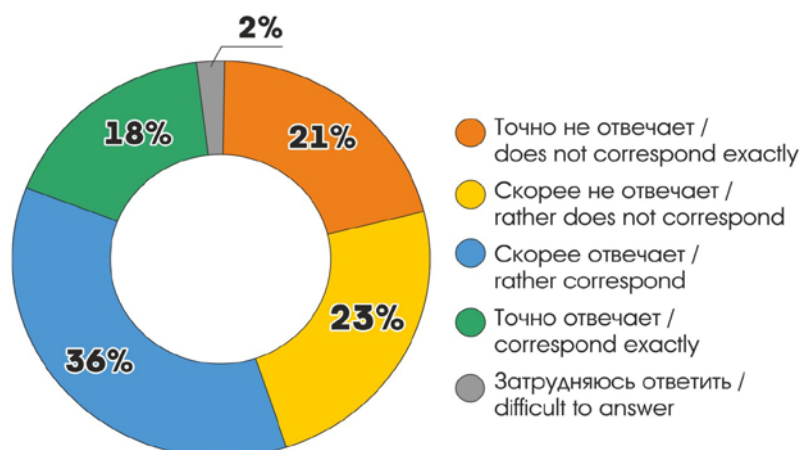

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если говорить о переходе на дистанционный формат обучения, отвечает ли техника, доступная вашему ребенку в данный момент, всем функциональным требованиям для обучения?», %

Fig. 6. Distribution of respondents' answers to the question "If we talk about the transition to a distance learning format, does the technique available to your child at the moment meet all the functional requirements for learning?", %

Изучение мнений родителей о готовности школ, педагогов и учеников к экстренному переходу на дистанционный формат обучения показало, что ученики

оказались «скорее готовы» по мнению 12% опрошенных, педагоги – 27%, ученики – 12%, (рис. 7).

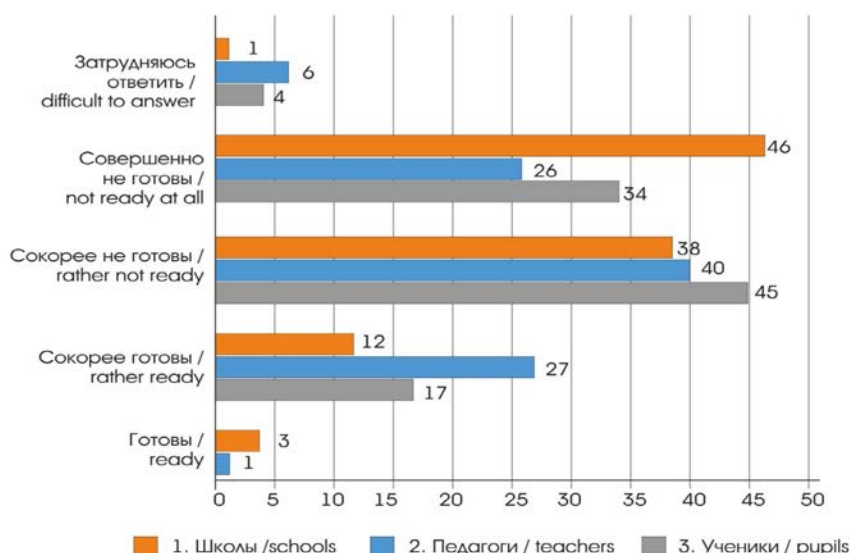

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вы считаете, насколько школы, педагоги и ученики оказались готовы к экстренному переходу на дистанционный формат обучения?», %

Fig. 7. Distribution of respondents' answers to the question "How do you think, to what extent did schools, teachers and students turn out to be ready for an emergency transition to a distance learning format?", %

В связи с этим, согласно данным опроса, степень удовлетворённости тем, как было организовано обучение в дистанционном формате в школе в марте–апреле 2020 года оказалась очень низкой. 39% респондентов на вопрос «Насколько вы удовлетворены тем, как было организовано

обучение в дистанционном формате в школе сейчас (марта–апрель 2020 г.)?» ответили «скорее не удовлетворен(а)», 26% – «совершенно не удовлетворен(а)», 25% – «скорее удовлетворен(а)», и только 4% – «полностью удовлетворен(а)» (рис. 8).

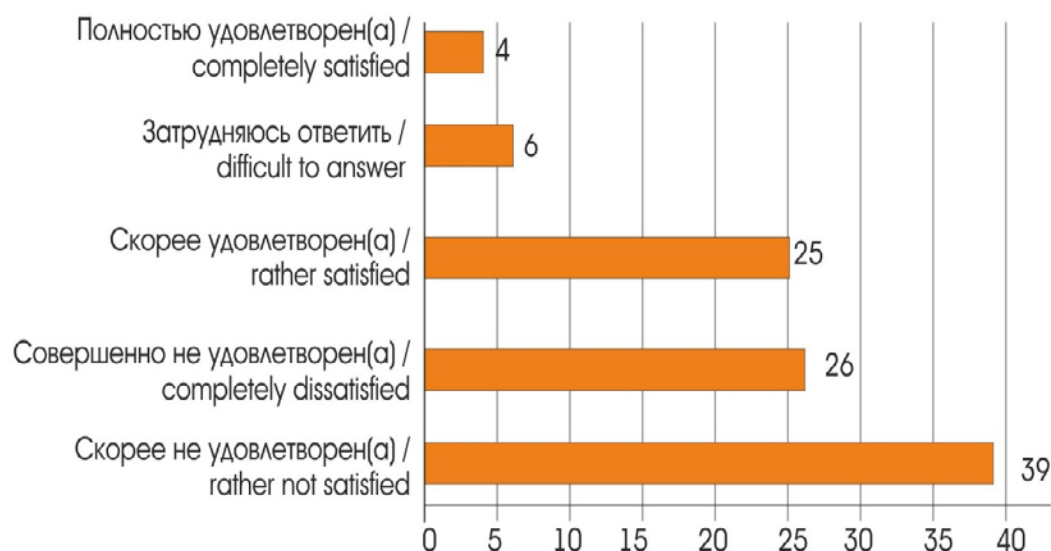

Рис. 8. Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько вы удовлетворены тем, как было организовано обучение в дистанционном формате в школе сейчас (марта–апрель 2020 г.)?», %

Fig. 8. Distribution of respondents' answers to the question "How satisfied are you with the way distance learning was organized at school now (March-April 2020)?", %

Вопрос о ранее используемых учителями цифровых практиках (рис. 9) прояснил причины неудовлетворенности родительского сообщества не высокой успешностью перехода на дистанционный формат.

Из рисунка 9 видно, что учителя используют онлайн среду как средство коммуникации со школьниками, при этом явным упущением является производство собственного контента и коммуникации с родителями учеников.

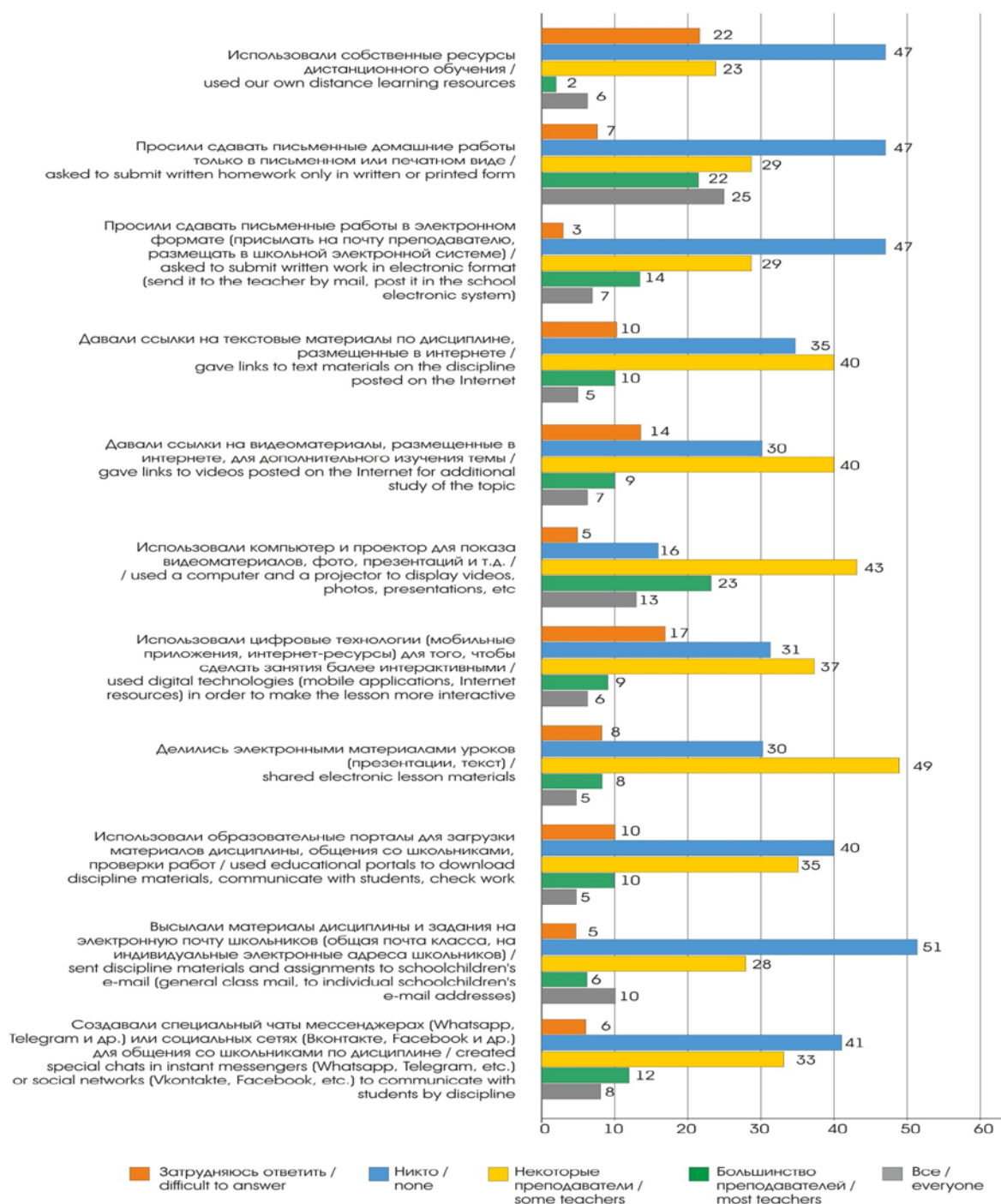

Рис. 9. Распределение ответов респондентов на вопрос «Укажите, как много учителей ваших детей раньше использовали следующие практики», %

Fig. 9. Distribution of respondents' answers to the question "Indicate how many teachers of your children used the following practices before", %

Заключение (Conclusions). Родительские представления о цифровизации школьного образования не являются продуктом их собственного прошлого опыта, а конструируются из опыта общения с деть-

ми в процессе подготовки домашних заданий и общения на тему обучения в школе. В связи с этим к процессу цифровизации школьного образования они относятся настороженно, имея как уже свои соб-

ственные усвоенные стереотипы, так и фобии, транслируемые через родительские мессенджеры и социальные сети.

Негативное отношение родителей к вынужденному переходу на дистанционное обучение во многом обусловлено наличием обратной связи и предоставлением исчерпывающей справочной информации. Учителя используют онлайн среду как средство коммуникации со школьниками, при этом явным упущением является как частое отсутствие собственного контента, так и недостаточные коммуникации с родителями учеников.

Ограничения в использовании гаджетов связаны с лимитированием длительности пребывания в виртуальной сети, с необходимостью контроля процесса киберсоциализации, уменьшения времени виртуальным развлечениям. В то же время более половины родителей считает, что российские школы недостаточно оснащены цифровыми ресурсами (особенно в части наличия компьютеров и высокоскоростного интернета). При этом домашние условия в ситуации вынужденного перехода на дистанционное обучение весной 2020 года не отвечали всем функциональным требованиям, по мнению почти половины респондентов.

Родители наиболее категоричны в желании оставить в образовательном формате тетради для письма, уроки труда, занятия по смысловому чтению, творческие дисциплины и исследовательские лаборатории, считая, что эти занятия невозможно перевести в онлайн-формат.

В качестве барьеров цифровизации образования родители называют чаще всего наряду с неэффективным использованием выделяемых средства низкую квалификацию педагогов. В то же время большой потенциал цифровизации образования родители видят в работе с детьми с ограниченными возможностями, а также в подготовке к итоговому тестированию (ЕГЭ и ОГЭ).

Список литературы

Айсина Р. М., Нестерова А. А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 4. С. 42-57. doi:10.17759/sps.2019100404.

Амиржанова А. Ш., Скрипникова Е. В. Проблема клипового восприятия студентов начальных курсов факультета искусств // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28712>. (дата обращения: 20.12.2021).

Беляева Е. В. Цифровое общество и возможности его этического регулирования // Освоение ойкумены прикладной этики: эскалация амбиций или критика утопичности. Ведомости прикладной этики. Вып. 52 / под ред. В. И. Бакштановского. Тюмень, 2018. С. 74-82.

Благополучие детей в цифровую эпоху: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апр. 2019 г. / А. А. Бочавер, С. В. Докука, М. А. Новикова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 10.

Войсунский А. Е. Концепции зависимости и присутствия применительно к поведению в Интернете // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2015. № 4 (33). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer07.pdf. (дата обращения: 20.12.2020).

Вачков И. В., Вачкова С. Н., Воропаев М. В. Представления родителей о качестве образования детей в мегаполисе и их установки в отношении родительского контроля // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 3. С. 19-31. doi: 10.17759/pse.2019240302.

Виндекер О. С., Голендухина Е. А., Клименских М. В., Корепина Н. А., Шека А. С. К вопросу об эффективности дистанционного обучения: исследование представлений // Педагогическое образование в России. 2017. № 10. С. 41-47.

Дмитриев К. Г. Взаимосвязь между показателем коммуникативной толерантности и уровнем интернет-зависимости // Вестник ПСТГУ. Педагогика и психология. Серия 4. 2013. Вып. 1 (28). С. 99-102.

Колодина А. В. Представления родителя о ребенке как фактор детско-родительских отношений // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2016. № 2. С. 69-77.

Марарица Л. В., Антонова Н. А., Ерицян К. Ю. Общение в интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности // Петербургский психологический журнал. 2013. № 5. С. 1-15. URL: <http://ppj.spbu.ru/index.php/psy/article/view/47/23> (дата обращения: 20.12.2020).

Свешникова О. С. Представление родителей о символическом будущем детей // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3 (97). С. 169-181.

Толстых Н. Н. Подростки и их родители: что ценят и чего хотят сегодня? // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. С. 70-78.

Стрекалова Н. Б. Риски внедрения цифровых технологий в образовании // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 2. С. 84-88.

Южаков В. Н., Ефремов А. А. Правовые и организационные барьеры для цифровизации образования в российской федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 6(108). С. 18-24.

References

Aisina, R. M. and Nesterova, A. A. (2019), "Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks", *Social Psychology and Society*, 10 (4), 42-57. doi:10.17759/sps.2019100404. (In Russian)

Amirzhanova, A. Sh. and Skripnikova, E. V. (2019), "The problem of clip perception of elementary students of the Faculty of Arts", *Modern problems of science and education*, (2), available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28712>. (Accessed 20 December 2020). (In Russian)

Belyaeva, E. V. (2018), "Digital society and the possibilities of its ethical regulation", in Bakshantovskogo, V. I. (ed.) *Osvoenie ojkumeny prikladnoy etiki: eskalatsiya ambitsiy ili kritika utopichnosti. Vedomosti prikladnoy etiki*, 52, Tyumen, 74-82. (In Russian)

Bochaver, A. A., Dokuka, S. V. and Novikova, M. A. (2019), "Children's well-being in the digital age", *Report to XX Apr. int. scientific conf. on the problems of economic and social*

development, NRU HSE, Moscow, Russia. (In Russian)

Voiskunskiy, A. E. (2015), "Addiction and Presence Concepts for Online Behavior", *Medical psychology in Russia: electronic scientific journal*, (4), available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer07.pdf. (Accessed 20 December 2020). (In Russian)

Vachkov, I. V., Vachkova, S. N. and Voropaev, M. V. (2019), "Parents' Notions of Education Quality in Metropolis and Their Attitudes Towards Parental Control", *Psychological Science and Education*, 24 (3), 19-31. doi: 10.17759/pse.2019240302. (In Russian)

Vindeker, O. S., Golendukhina, E. A., Klimenskikh, M. V., Korepina, N. A. and Sheka, A. S. (2017), "On the issue of the effectiveness of distance learning: a study of representations", *Pedagogical education in Russia*, (10), 41-47. (In Russian)

Dmitriev, K. G. (2013), "Correlation between communicative tolerance and levels of internet addiction", *Vestnik PSTGU. St Tikhon's University review. Pedagogy and Psychology*, 1 (28), 99-102. (In Russian)

Kolodina, A. V. (2016), "Representation of the parent of the child as factor of the child parental relations", *Bulletin of Omsk University*, (2), 69-77. (In Russian)

Mararica, L. V., Antonova, N. A. and Eri-cyan, K. Yu. (2013), "Communication on the Internet: a potential threat or resource for an individual", *Peterburgskiy psikhologicheskij zhurnal*, (5), 1-15, available at: <http://ppj.spbu.ru/index.php/psy/article/view/47/23>. (Accessed 20 December 2020). (In Russian)

Sveshnikova, O. S. (2010), "Parents' vision of the symbolic future of children", *Monitoring of public opinion. Economic and Social Changes Journal*, (3), 169-181. (In Russian)

Tolstyh, N. N. (2012), "Adolescents and their parents: what are the values and what do they want today?", *Psychological science and Education*, (4), 70-78. (In Russian)

Strekalova, N. B. (2019), "Risks of implementation of digital technologies into education", *Bulletin of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 25 (2), 84-88. (In Russian)

Yuzhakov, V. N. and Efremov, A. A. (2018), "Legal and Organizational Barriers of Digitalization of Education in the Russian Federa-

tion", *Russian Law: Education, Practice, Researches*, 2018, (6), 18-24. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 11 января 2021 г. Поступила после доработки 25 мая 2021 г. Принята к печати 02 июня 2021 г.

Received 11 January 2021. Revised 25 May 2021. Accepted 01 June 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Духанина Любовь Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель народного просвещения, председатель Общероссийской общественно-

государственной просветительской организации «Российское общество «Знание»,
Максименко Александр Александрович, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, эксперт ПУЛАП НИУ «Высшая школы экономики», Кострома, Россия.

Lubov N. Dukhanina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Worker of Public Education, Chairman of the All-Russian Public-Educational Organization "The Russian Znanie Society", Moscow, Russia.

Aleksandr A. Maksimenko, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Expert of Laboratory of Anticorruption Policy, National Research University "Higher School of Economics", Kostroma, Russia.

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-10

Оригинальная статья

Соколова Л. Ю.

**Политическая коммуникация в социальных сетях:
стратегии получения информации пользователями
социальных платформ**

АС-Холдинг

Россия, Московская обл., Балашиха, ул. Граничная, 18, 143983

lirasok@mail.ru

Аннотация. В статье выявлены и проанализированы стратегии получения информации пользователями социальных платформ. Сегодня исследователи отмечают такую тенденцию, как переход в виртуальное пространство большей части политических процессов. В связи с этим процесс массовых коммуникаций, в том числе в политической сфере, претерпел значительные изменения. Если раньше СМИ несли функцию информирования, а аудитории отводилась роль только получателей информации, то с выходом в интернет-пространство процесс массовых коммуникаций в значительной степени приобрёл двухсторонний характер. Представляется очевидным, что в связи с вышеописанными изменениями, государство и корпоративные структуры в значительной степени утрачивают монополию на распространение информации, что полностью меняет информационное поведение сетевых пользователей. В связи с этим, представляет интерес то, как сетевые пользователи осуществляют отбор источников информации, оценивают уровень достоверности, как воспринимают информацию и какие стратегии формируют в рамках данного процесса. В 2020 году компания «АС-Холдинг» провела исследование по данной тематике. В качестве одной из основных задач исследования была поставлена задача выявления стратегий получения пользователями социальных платформ информации по общественно-политической тематике. Исследование проводилось в г. Екатеринбурге в 2 волны (июль и ноябрь 2020 года), с использованием метода фокус-групп. В рамках каждой волны было проведено по 15 фокус-групп (8 – 10 респондентов в группе) с активными пользователями социальных сетей, блогов и форумов. На основании проведённых фокус-групп были выявлены и описаны основные стратегии получения политической информации, сделаны выводы о тенденциях информационного поведения пользователей сетевых платформ.

Ключевые слова: социальные платформы; информационные стратегии; информационный контент; массовые коммуникации

Информация для цитирования: Соколова Л. Ю. Политическая коммуникация в социальных сетях: стратегии получения информации пользователями социальных платформ // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 132-143. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-10.

Lyra Yu. Sokolova

Political communication in social networks: strategies for obtaining information by users of social platforms

AS-Holding

18, Granichnaya St., Balashikha, Moscow Region, 143983, Russia

lyrasok@mail.ru

Abstract. The article identifies and analyzes strategies for obtaining information by users of social platforms. Today, researchers note such a trend as the transition to the virtual space of most of the political processes. In this regard, the process of mass communication, including in the political sphere, has undergone significant changes. If earlier the mass media had the function of informing, and the audience was assigned the role of only recipients of information, then with the access to the Internet space, the process of mass communications has largely acquired a two-way character. It seems obvious that due to the changes described above, the state and corporate structures are largely losing their monopoly on the dissemination of information, which completely changes the information behavior of network users. In this regard, it is of interest how network users select information sources, evaluate the level of reliability, how they perceive information and what strategies they form within this process. In 2020, the company “AS-Holding” conducted a study on this topic. One of the main objectives of the study was to identify strategies for users of social platforms to obtain information on socio-political topics. The study was conducted in Yekaterinburg in 2 waves (July and November 2020), using the focus group method. Within each wave, 15 focus groups (8-10 respondents per group) were conducted with active users of social networks, blogs and forums. Based on the focus groups conducted, the main strategies for obtaining political information were identified and described, and conclusions were drawn about the trends in information behavior of users of network platforms.

Keywords: social platforms; information strategies; information content; mass communications

Information for citation: Sokolova, L. Yu. (2021), “Political communication in social networks: strategies for obtaining information by users of social platforms”, *Research Result. Sociology and management*, 7 (2), 132-143, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-10.

Введение (Introduction). Сегодня исследователи отмечают такую тенденцию, как переход в виртуальное пространство большей части политических процессов, в особенности эта тенденция усилилась в связи с противоэпидемическими мероприятиями в различных субъектах РФ. В этой ситуации распространение контента в сети рассматривается как «мягкая сила» (Агеева, Красноцветов, 2020: 99-100). В связи с этим процесс массовых коммуникаций, в том числе в политической сфере,

претерпел значительные изменения. Если раньше СМИ несли функцию информирования, а аудитории отводилась роль только получателей информации, то с выходом в интернет-пространство процесс массовых коммуникаций в значительной степени приобрёл двухсторонний характер. Органы власти и корпорации утратили монополию на информирование. Источников информации стало больше, при этом авторы имеют свои мотивы и цели, которые обуславливают распространение той или иной

информации. В связи с этим пользователи сетей в процессе коммуникации приобретают компетенции, связанные с отбором и анализом информации и вырабатывают стратегии. В данной ситуации актуальным представляется вопрос изучения данных стратегий.

В 2020 году компания «АС-Холдинг» провела исследование по данной тематике. Основной целью исследования было выявление рисков намеренного направленного распространения противоречащих действующему законодательству РФ сведений пользователями социальных сетей, блогов и форумов, а также выявление причин выбора времени, информационного ресурса и способа распространения контента. Однако в качестве одной из основных задач исследования была поставлена задача выявления стратегий получения пользователями социальных платформ информации по общественно-политической тематике.

Исследование проводилось в г. Екатеринбурге в 2 волны (июль и ноябрь 2020 года), с использованием метода фокус-групп. В рамках каждой волны было проведено по 15 фокус-групп (8-10 респондентов в группе) с активными пользователями социальных сетей, блогов и форумов.

Состав фокус-групп (по каждой из 2 волн исследования):

1. Пользователи сети ВКонтакте;
2. Пользователи Youtube;
3. Пользователи Instagram;
4. Пользователи Facebook;
5. Пользователи Telegram;
6. Школьники и студенты техникумов, колледжей (14-17 лет);
7. Молодые пользователи (18-24 лет);
8. Работающие пользователи в возрасте 25-44 лет;
9. Пользователи 45-54 лет;
10. Домохозяйки;
11. Пользователи-пенсионеры;
12. Пользователи, интересующиеся политикой;

13. Пользователи, находящиеся в сложной социально-экономической ситуации;

14. Оппозиционно настроенные пользователи;

15. Авторы блогов общественно значимой тематики.

На основании проведенных фокус-групп были выявлены и описаны основные стратегии получения политической информации.

Методология и методы (Methodology and methods). В 1993 году П. Бурдьё отмечал, что мир конструируется политиками и описывается ими. (Бурдьё, 1993: 120). Пространство общественного мнения состоит из отдельных конструкторов – полей, связанных с определёнными областями (политика, экономика, религия, социальные науки, журналистика и др.), а в каждом из этих полей присутствует ряд позиций, которые проводятся влияющими структурами через своих агентов. В рамках описания политического мира, П. Бурдьё выделял три основных поля – политики, социальных наук и журналистики, которые имеют функцию навязывания легитимного видения мира (Бурдьё, 1993: 128).

Н. Луман, также в 1993 г., давал определение политической коммуникации как такой коммуникации, которая позволяет вводить в заблуждение как окружающих, так и самих политиков (Luhmann 1993: 154).

В последнее время многие специалисты в сфере тележурналистики отмечают такую тенденцию, как уход аудитории и телевидения на Интернет-платформы (Коновлёв, 2020: 158-162). По некоторым оценкам, телевизионная аудитория сократилась почти в 2 раза (Скобелев, 2019: 25-33). При этом всё больше россиян получают информацию о событиях, происходящих в стране из Интернет-источников.

Сегодня социальные сети становятся инструментом социализации. То, какие базовые социальные нормы усвоит молодой человек, какой индивидуальный стиль он сформирует, подражая «никам» и «авата-

рам», каков будет тот микросоциум, где он будет реализовывать себя – во многом зависит от того информационного контента, который он воспринимает (Дегтярёва, 2018). Интернет сегодня является достаточно мощным инструментом мобилизации масс (Bennett, Segerberg, 2014).

Как указывают Д. В. Кротов и соавторы такие деструктивные стороны Интернет-социализации, как воздействие на психоэмоциональную сферу человека, углубление чувства страха, возрастание психологической напряженности, «экзистенциальный вакуум», (утрата человеком смыслов), «экзистенциальный эскапизм» (замещение реального мира виртуальной реальностью) (Кротов, Загутин, Самыгин, 2018: 45-48), в сложившихся условиях ставят под угрозу представителей аудитории социальных сетей, и в особенности подростковой и молодёжной аудитории, стать жертвами экстремистской пропаганды.

Однако не только молодёжь может испытывать на себе негативные стороны влияния Интернет-коммуникаций. Сегодня, как указывают исследователи, Интернет уже перестал быть «молодёжным» явлением – в виртуальную реальность уходят люди различных возрастных и социальных групп (Парсаданова, 2018: 556-559).

В статье О.В. Крыштановской и А.М. Филипповой авторы отмечают готовность российского общества взаимодействовать с политиками через социальные сети, однако ставится под сомнение готовность к такому взаимодействию со стороны политиков (Крыштановская, Филиппова, 2018: 171-176).

В связи с этим характер массовых коммуникаций в сети интернет имеет свою специфику. S.C. Herring рассматривает интернет-сообщество как множество рассредоточенных в пространстве индивидов. Интернет-аудитория обладает такими свойствами, как гетерогенность, случайность вхождения, неустойчивость аудитории, анонимность (Herring, 2001).

В среде исследователей существует достаточно распространённое мнение о

клиповости сознания интернет-аудитории, в частности в исследовании аудитории сети Facebook М. Kosinski и соавторов утверждается, что пользователям сети свойственна эмоциональность восприятия, склонность к следованию готовым решениям, отсутствие навыков синтеза и системности мышления, что приводит к участию аудитории данной сети в распространении слухов и недостоверной информации (Kosinski, Matz, Gosling, Popov, Stillwell, 2015: 555).

Характерным свойством интернет-коммуникации является достаточно большой выбор источников информации. Как отмечают в своём исследовании J. Gainous, K.M. Wagner, Ch. Ziegler, социальные медиа оказывают значительное влияние на общественные установки, однако формирование этих установок зависит от восприятия информации (Gainous, Wagner, Ziegler, 2018: 215).

С.В. Володенков и Ю.Д. Артамонова отмечают такое свойство интернет-аудитории как капсульность – склонность собираться в группы, в рамках которых рассматриваются определённые темы в определённом контексте (Володенков, Артамонова, 2020: 194-195).

Представляется очевидным, что в связи с вышеописанными изменениями, государство и корпоративные структуры в значительной степени утрачивают монополию на распространение информации, что полностью меняет информационное поведение сетевых пользователей (Сотников, Сотников, Камнева 2019). В связи с этим представляет интерес то, как сетевые пользователи осуществляют отбор источников информации, оценивают уровень достоверности, как воспринимают информацию и какие стратегии формируют в рамках данного процесса.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Фокус-группы показали, что большинство респондентов испытывают интерес к политике. При этом можно выделить пользова-

телей, которые испытывают явный и латентный интерес к политике.

Пользователи, испытывающие явный интерес, открыто признают, что интересуются политикой и высказываются на поли-

тические темы. Можно выделить пользователей, испытывающих выраженный интерес и умеренный интерес (те, кто отслеживает события, но политика не входит в приоритетные для них направления).

Интерес респондентов фокус-групп к политике / Focus group respondents' interest in politics

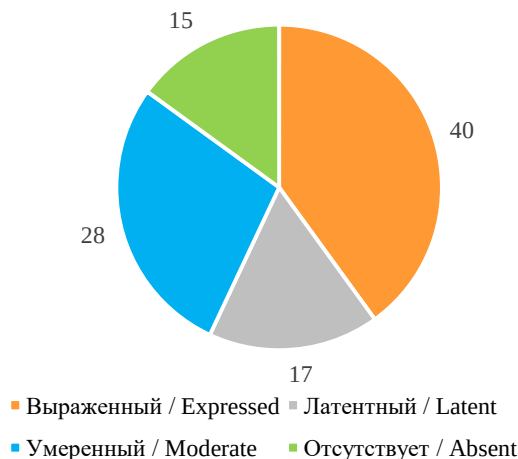

Рис. 1. Интерес аудитории социальных сетей к политике
Fig. 1. Social media audience interest in politics

Анализ высказываний фокус-групп позволил выявить ряд стратегий, которые используют респонденты при получении информации об общественной и политической жизни.

1. Стратегия эскапизма – респонденты просматривают социальные сети, но при этом умышленно стараются избегать новостей о политике, но это у них не получается, поскольку в стране и в мире что-то происходит, и это отражается в социальных сетях.

«Ну иногда слышно про политику, конечно, куда ж без нее. Но стараюсь сильно не углубляться все же. Хотя конечно, там конституция наша обнуленная, еще там всякое – это все равно затрагивает».

«Я конечно новости слышу, особенно по телевизору, но в соцсетях стараюсь политику стороной обходить. Иногда все же выскакивает что-то, читаю, бывает. С коронавирусом вот – все равно хочешь не хочешь, а никуда не деться от него».

«Про политику не смотрю, мы все равно ничего изменить не можем, вот реально. Ну бывает, смотрю там иногда про международные новости, или про местные что в городе происходит, но очень редко».

2. Защитная стратегия – чаще всего отмечается у тех, кто испытывает латентный интерес к политике. Чаще всего эти респонденты утверждают, что не ищут новостей о политике, тем не менее, так или иначе их просматривают. От предыдущей группы отличаются тем, что стараются не афишировать свой интерес к политике. Эти респонденты не доверяют ни официальным, ни интернет-источникам, в то же время оказываются достаточно осведомлены по политическим вопросам и, как правило, придерживаются абсентеистской либо протестной позиции, в то же время разочаровались в своей возможности повлиять на политические события законным способом, считают, что от них ничего не зависит.

«У меня пассивная гражданская позиция. Я считаю, что от людей, вообще, мало, что зависит. И новостями не интересуюсь, телевизор не смотрю, новости не читаю. Если, какие-то масштабные события в стране происходят – это везде на слуху. Ни разу не голосовала, и не буду

голосовать, потому что считаю, что от нас вообще ничего не зависит».

«Я также политикой не интересуюсь, но если даже и обращаюсь к этой информации, то мне интересно – какие законы в нашем мире сегодня принимаются».

Стратегия 1 (эскапизм)

- Попытка уйти от просмотра политических новостей
- Вовлечение в политические темы за счёт актуальной повестки, затрагивающей интересы.

Стратегия 2 (защитная)

- Отказ от просмотра политических новостей
- Самостоятельный анализ ситуации
- Формирование негативного (протестного) мнения, абсентистской позиции

Стратегия 3 (референциальная)

- Получение информации
- Поверхностный анализ новостей

Стратегия 4 (аналитическая)

- Получение первичной информации
- Поиск информации по теме в различных источниках
- Анализ полученной информации и получение выводов

Рис. 2. Стратегии получения политической информации

Fig 2. Strategies for obtaining political information

«В целом-то меня интересует, что происходит в стране, в мире, но как-то не в социальных сетях, а просто где-то про-

сто в новостных лентах я читаю, перейти по ссылкам, посмотреть, но в соцсе-

тях не обсуждаю и ничего такого не ищу».

«У меня пассивная гражданская позиция. Я считаю, что от людей, вообще, мало, что зависит. И новостями не интересуюсь, телевизор не смотрю, новости не читаю. Если, какие-то масштабные события в стране происходят – это везде на слуху. Ни разу не голосовала, и не буду голосовать, потому что считаю, что от нас вообще ничего не зависит».

«Политикой интересуюсь, не сказать, что активно, опять же в силу отсутствия свободного времени. Любое занятие – оно требует времени. Настроен скорее оппозиционно, но никаких действий, честно говоря, не предпринимаю».

«Политикой я не очень интересуюсь, потому что я убеждена в том, что, зачастую говорят и пишут только то, что нам надо знать. И преподносят то, как нам надо знать. Поэтому, я не люблю читать эти форумы, эти новости».

3. Референциальная стратегия. Эти респонденты ещё в меньшей степени доверяют любым источникам новостей, но при этом внимательно изучают информационный контент и находят авторитетные для себя источники, не относящиеся к СМИ, с которыми обсуждают политические темы. Чаще всего эти респонденты придерживаются оппозиционных и протестных взглядов.

«Если честно, по поводу поправок у меня слов нет, один мат. Я голосовала против. Все-таки, политические моменты предпочитаю узнавать из авторитетных источников, которые в Интернет не входят, и мнение свое открыто не вытряхивают. Поэтому, на эту тему стараюсь не высказываться в блогах, и прочим социальным источникам не доверяю. Поэтому, даже не стараюсь интересоваться и следить за тем, что пишется в Интернете, и за тем, что есть для широких народных масс».

«В соцсетях политику я, наверное, не обсуждаю, и там информацию не ищу, а о том, что меня заинтересовало, ищу на ютубе. Сейчас, например, эта шумиха в

Хабаровске, там город встал на защиту мэра, как-то посмотрела несколько сюжетов, но в соцсетях политику не очень обсуждаю и не очень интересуюсь именно в соцсети».

«Информацией о политике я, конечно же, интересуюсь, но в основном обсуждаю только с очень близкими друзьями, последнее время обсуждали тему коронавируса. У меня подруга много лет живет за границей нашей Родины, в Италии, с ней мы очень говорим по этому поводу и обмениваемся. Там, конечно, очень много негативной информации о нас».

«Ну, я конечно читаю про политику, и Телеграм-каналы смотрю. Иногда очень отличается то что там пишут от того, что у нас по телевидению показывают. Друзья мне всякие новости присылают, и политические в том числе тоже».

«Важно, безусловно, чтоб информация, проверенная была, да. Вот в частности с медициной очень важно. Ну вот даже все про тот же ковид, например. Что только не писали – и чеснок помогает, и лимоны, и имбирь, и нос солью промывать, и даже ингаляцию над кастрюлей делать. А что так себе можно серьезный ожог дыхательных путей заработать – об этом не пишут же. И люди верят, скупают лук и имбирь тоннами... Ну вот как не поймут, это же смешно, если бы это помогало, то пандемии по всему миру не было бы, понимаете? Так что да, это очень проблема актуальная такая».

«Ну про политику в соцсетях нужно только в проверенных группах смотреть, официальных. Потому что много всяких «уток» бывает, лишь бы посещаемость повысить. А так вообще я смотрю новости и в соцсетях тоже, просто надо знать где смотреть».

4. Аналитическая стратегия – респонденты получают информацию из различных источников, сопоставляют её и формулируют для себя выводы. При этом чаще всего получают достаточно тревожную оценку ситуации.

«Да, читаю в соцсетях, сравниваю с информацией, которую нам предоставляет телевидение. Много всяких несоответствий, поэтому очень интересно наблюдать это с разных позиций. Различные блогеры тоже популярно объясняют, доступно, что к чему. Поэтому, с разных сторон рассматриваю».

«Конечно, интересуюсь. В частности, самыми последними. Почему я, скажем, на Youtube начал заходить – это когда Михалкова выгнали с телевидения, я очень любил эту передачу и сразу же подписался, потому что очень мне понравились его выступления. Очень мне нравится также то, что происходит в Екатеринбурге, потому что, сами понимаете, не совсем всё гладко у нас в городе и с преступностью, и с прочими делами. Урал-маш постоянно бурлит, то есть как бы хотелось сравнить ситуацию в Хабаровске, ситуацию в Екатеринбурге, насколько они отличаются, насколько они похожи друг на друга, поэтому приходится интересоваться, что происходит и как идти, чего ждать нам».

«Я средне интересуюсь политикой, то есть, могу почитать в Яндекс, когда какие-то политические новости выходят. В группах тоже, в ленте выходят статьи – я читаю. Также по поправкам интересовалась, когда было голосование».

«Да, конечно, читаю про политику. Мне интереснее всего про внутреннюю нашу, ну хотя и про внешнюю тоже. Что президент наш говорит и делает, это отслеживаю постоянно, прямую линию смотреть буду обязательно тоже. Про армию слежу, про операцию в Сирии. Для меня это очень важно все».

«Конечно, интересуюсь. В частности, самыми последними. Почему я, скажем, на Youtube начал заходить – это когда Михалкова выгнали с телевидения, я очень любил эту передачу и сразу же подписался, потому что очень мне понравились его выступления. Очень мне нравится также то, что происходит в Екатеринбурге, потому что, сами понимаете, не

совсем всё гладко у нас в городе и с преступностью, и с прочими делами. Урал-маш постоянно бурлит, то есть как бы хотелось сравнить ситуацию в Хабаровске, ситуацию в Екатеринбурге, насколько они отличаются, насколько они похожи друг на друга, поэтому приходится интересоваться, что происходит и как идти, чего ждать нам».

«За политикой не сильно слежу, но вот, например, ролики Навального и ФБК смотрю регулярно, у нас все ребята смотрят. И Белоруссию очень много обсуждали. Еще обсуждали вот то, что на Камчатке произошло, вот это отравление океана ужасное. Но это уже не политика».

Среди респондентов, интересующихся политикой, наиболее актуальны внутриполитические темы, а также темы, связанные с постсоветским пространством. При этом наиболее актуальные темы скорее касаются страны в целом, а ситуация в Екатеринбурге скорее воспринимается как часть достаточно тревожной ситуации в стране в целом.

В частности, в июле 2020 года были актуальны следующие темы:

✓ Темы, связанные с внесением поправок в Конституцию РФ. При этом реакция на тему достаточно негативная, хотя по существу самих поправок у респондентов не было аргументов. Скорее, респондентов беспокоит ощущение обмана, в том числе – при подсчёте голосов.

✓ Тема протестных выступлений в Хабаровском крае. Респонденты не видят адекватного отражения темы в официальных СМИ. При этом они очень опасаются развития в Екатеринбурге некой ситуации по аналогии с Хабаровском.

✓ Ситуация вокруг COVID-19 и всего, что с этим связано. Респонденты видят противоречивую информацию либо недостаточную в источниках по данному вопросу.

✓ Обострение отношений России со странами ближнего зарубежья, особенно – с Белоруссией.

В ноябре 2020 года актуальная повестка включала следующие темы:

✓ Темы, связанные с внесением поправок в Конституцию РФ. При этом реакция на тему достаточно негативная, хотя по существу самих поправок у респондентов не было аргументов. Скорее, респондентов беспокоит ощущение обмана, в том числе – при подсчёте голосов.

✓ Тема отравления Навального, а также контекст его предыдущей деятельности, в т.ч. судебный процесс с Е. Пригожиным.

✓ Ситуация вокруг COVID-19 и всего, что с этим связано. Респонденты видят противоречивую информацию либо недостаточную в источниках по данному вопросу.

Влияние социальных сетей на настроения носит нейтрально–негативный характер. Просматриваемые новости и со-

общения на политические темы чаще всего (в 58% случаев) не влияют на настроение респондентов. Однако, 27% указали, что у них иногда ухудшается настроение после просмотра информации в социальных сетях, а 2% указали, что всегда ухудшается. При этом улучшение настроения при посещении социальных сетей отмечается только у 13% опрошенных.

Влияние социальных сетей на настроения носит нейтрально–негативный характер. Просматриваемые новости и сообщения на политические темы чаще всего (в 58% случаев) не влияют на настроение респондентов. Однако, 27% указали, что у них иногда ухудшается настроение после просмотра информации в социальных сетях, а 2% указали, что всегда ухудшается. При этом улучшение настроения при посещении социальных сетей отмечается только у 13% опрошенных.

Как меняется Ваше настроение после просмотра новостных сообщений в социальных сетях? / How does your mood change after watching social media news posts?

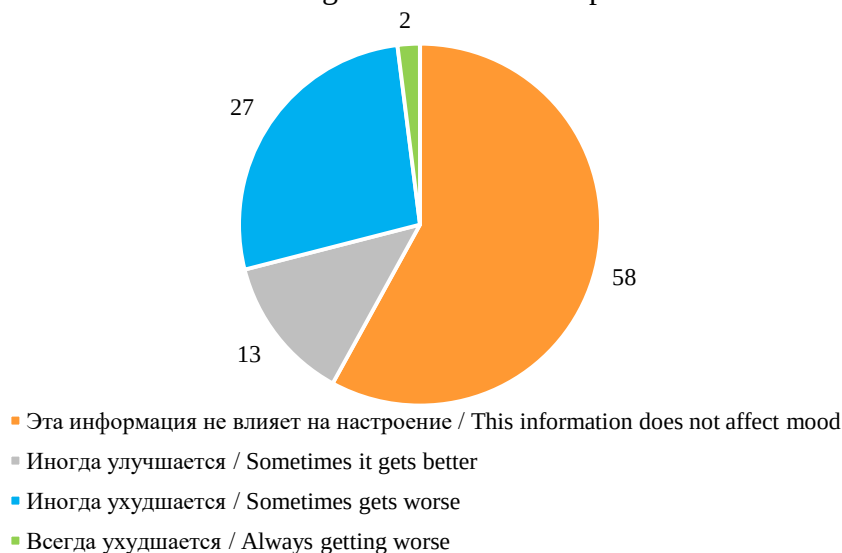

Рис. 3. Изменение настроения после просмотра информации в социальных сетях
Fig. 3. Changing the mood after viewing information in social media

При этом менее других подвержены негативному влиянию респонденты с доходом свыше 50 тысяч на 1 члена семьи. Среди аудиторий социальных сетей, наиболее негативно настроена аудитория

МойМир@mail.ru (32% тех, у кого настроение ухудшается), а наименее негативно – аудитория Twitter.

Улучшение настроения во время использования социальных сетей связано с

использованием тех возможностей, которые представляют эти сети в плане общения, обучения, хобби.

«От долгого нахождения в социальных сетях настроение только улучшается, много чего интересного узнаю для себя».

«Моё настроение всегда улучшается, потому что я в основном общаюсь со своими одноклассниками, у нас очень много интересных тем. Обычно мы не грустим, только веселимся. И настроение просто не может ухудшаться».

Но в некоторых случаях улучшение настроения имеет и другие причины, связанные с реализацией определённого политического сценария, далеко не всегда позитивного.

«А у меня наоборот улучшается. Потому что я смотрю, что люди не бездействуют, что они просыпаются, что на это беззаконие не могут реагировать равнодушно, что люди встают против этого режима диктаторского, что они отстаивают свою точку зрения. Не отклоняются от своего курса».

Ухудшение, может быть, как политически обусловленным, так и не обусловленным. В некоторых случаях расстраивать могут темы, которые являются неотъемлемой частью жизни.

«Было очень много случаев, когда у меня ухудшалось настроение, когда видела видео, связанные с детьми – сиротами, или видео, где родители издеваются над своими детьми».

Но в других случаях плохое настроение может быть обусловлено определёнными действиями власти (либо их трактовкой), что следует из примеров, приводимых выше.

Заключение (Conclusions). По итогам проведённого исследования, были выявлены следующие стратегии восприятия информации:

1) Стратегия эскапизма – респонденты просматривают социальные сети, но при этом умышленно стараются избегать новостей о политике, но это у них не полу-

чается, поскольку в стране и в мире что-то происходит, и это отражается в социальных сетях.

2) Защитная стратегия – чаще всего отмечается у тех, кто испытывает латентный интерес к политике. Чаще всего эти респонденты утверждают, что не ищут новостей о политике, тем не менее, так или иначе их просматривают. Эти респонденты не доверяют ни официальным, ни интернет-источникам, в то же время оказываются достаточно осведомлены по политическим вопросам и, как правило, придерживаются абсентеистской либо протестной позиции.

3) Референциальная стратегия. Эти респонденты ещё в меньшей степени доверяют любым источникам новостей, но при этом внимательно изучают информационный контент и находят авторитетные для себя источники, не относящиеся к СМИ, с которыми обсуждают политические темы. Чаще всего эти респонденты придерживаются оппозиционных и протестных взглядов.

4) Аналитическая стратегия – респонденты получают информацию из различных источников, сопоставляют её и формулируют для себя выводы. При этом чаще всего получают достаточно тревожную оценку ситуации.

Были выявлены следующие ярко выраженные тенденции:

✓ Недоверие официальным источникам получения информации, ощущение обмана.

✓ Ощущение собственного бессилия, респонденты считают, что они не могут повлиять на ситуацию, их мнение никого не интересует.

✓ Боязнь высказываться в сети, причём респонденты опасаются контроля как со стороны государства, так и произвола со стороны администрации самих социальных сетей.

✓ Старание оградить себя от негативного контента за счёт сферы личных увлечений.

Данные исследования не подтвердили точку зрения о клиповости сознания большинства пользователей социальных сетей. Они могут свидетельствовать о том, что у пользователей социальных платформ формируются навыки критического мышления и анализа информации.

Список литературы

Агеева А. В., Красноцветов Г. В. «Мягкая сила» в онлайн-пространстве: практический опыт применения технологий Интернет-коммуникаций // Власть. 2020. № 2. С. 96-100.

Володенков С. В., Артамонова Ю. Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188-196.

Бурдье П. Социология политики. М.: SocioLogos, 1993.

Дегтярева В. С. Особенности использования веб-служб в политической интернет-коммуникации // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 12 (65). С. 44-46.

Коноплев Д. Э. Современные медиасистемы: кризис традиционных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1 (35). С. 158-162.

Кротов Д. В., Загутин Д. С., Самыгин С. И. Значение сетевых структур и информационных технологий в вопросе формирования социального поведения digital поколения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 45-48.

Крыштановская О. В., Филиппова А. М. Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети // Вестник ГУУ. 2018. № 6. С. 171-176.

Парсаданова Т. Н. Телепотребление. Что изменилось? // МНКО. 2018. № 6 (73). С. 556-559.

Скобелев В. Л. Современное состояние и развитие телепотребления в России // Петербургский экономический журнал. 2019. № 1. С. 25-33.

Сотников С. А., Сотников А. А., Камнева Г. П. Особенности применения технологий интернет-коммуникации в политических кампаниях России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25, № 2. С. 96-104.

Bennett W. L., Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Gainous J., Wagner K. M., Ziegler C. E. Digital media and political opposition in authoritarian systems: Russia's 2011 and 2016 Duma elections // Democratization. 2018. 25 (2). Pp. 209-226.

Herring S. C. Computer-Mediated Discourse // The Handbook of discourse analysis. 2001. Pp. 612-634.

Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft. Frankfurt: Suhrkamp, 1993. 293 p.

Kosinski M., Matz S. C., Gosling S. D., Popov V., Stillwell D. Facebook as a research tool for the social sciences: opportunities, challenges, ethical considerations, and practical guideline // American Psychologist. 2015. Vol. 70, № 6. Pp. 543-556.

References

Ageeva, A. V. and Krasnotsvetov, G. V. (2020), "Soft power in online space: practical experience of online communication technologies application", *Vlast'*, (2), 96-100. (in Russian)

Volodenkov, S. V. and Artamonova, Y. D. (2020), "Information capsules as a structural component of contemporary political internet communication", *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (53), 188-196. (in Russian)

Bourdieu, P. (1993), *Sociology of politics*, Translated by Shmatko, N. A., Moscow, Russia. (in Russian)

Degtyareva, V. S. (2018), "The specific use of web services in political internet communication", *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, (12), 44-46. (in Russian)

Konoplev, D. E. (2020), "Modern media systems: the crisis of traditional media", *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, (1), 158-162. (in Russian)

Krotov, D. V., Zagutin, D. S. and Samygin, S. I. (2018), "Value of the network structures and information technologies in the question of formation of social behavior of Digital generation", *Humanities, social-economic and social sciences*, (1), 45-48. (in Russian)

Kryshstanovskaya, O. and Filippova, A. M. (2018), "Research of political communications:

the state and social media, *Vestnik Universiteta*, (6), 171-176. (in Russian)

Parsadanova, T. N. (2018), "TV-consumption. What has changed?" *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, (6), 556-559. (in Russian)

Skobelev, V. L. (2019), "TV media consumption in Russia: current state and development", *Saint-Petersburg Economic Journal*, (1), 25-33. (in Russian)

Sotnikov, S., Sotnikov, A. and Kamneva, G. (2019), "Features of application of technologies of internet communication in political campaigns in Russia", *Transbaikal State University Journal*, 25 (2), 96-104.

Bennett, W. L. and Segerberg, A., (2014), *The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics*, Cambridge University Press Cambridge, UK.

Gainous, J., Wagner, K. and Ziegler, Ch. (2017), "Digital media and political opposition in authoritarian systems: Russia's 2011 and 2016 Duma elections", *Democratization*, 25, 1-18.

Herring, S. C. (2001), "Computer-Mediated Discourse", *The Handbook of discourse analysis*, Blackwell, 612-634.

Luhmann, N. (1993), *Social structure and semantics. Studies on the sociology of knowledge in modern society*, Suhrkamp Frankfurt, Germany.

Kosinski, M., Matz, S. C., Gosling, S. D., Popov, V. and Stillwell, D. (2015), "Facebook as a research tool for the social sciences: opportunities, challenges, ethical considerations, and practical guideline", *American Psychologist*, 70(6), 543-556.

Статья поступила в редакцию 30 марта 2021 г. Поступила после доработки 03 мая 2021 г. Принята к печати 03 июня 2021 г.

Received 30 March 2021. Revised 03 May 2021. Accepted 03 June 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Соколова Лира Юрьевна, генеральный директор АС-Холдинг, Балашиха, Россия.

Lyra Y. Sokolova, General Manager of AS-Holding, Balashikha, Russia.

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-11

Guest Editor's Closing Post

Dmitry V. Ivanov

**Critical Social Theorizing in the Age of Digitalized Alienation:
Overview of the Global Roundtable «Critical Theory Today:
Heritage and Usage»**

St. Petersburg State University
7-9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia
dvi1967@gmail.com

Abstract: The article is an overview of the virtual meeting of researchers who are developing critical theory of society in different forms and in different countries. The global roundtable was organized around 9 main presentations made by leading critical theorists. Preserving basic ideas from the Frankfurt school and other lines of Marxism and neo-Marxism, critical theorists are working to open new sources for development of rational and at the same time humanist and contextualized critique of new forms of alienation (including digital one) and new forms of oppression (including neo-colonialist one). Participants of the global roundtable have shared idea of permanent reflection aimed at continuation of the critical theorizing and at the emancipation of human beings.

Key words: critical theory, global roundtable, digitalized alienation, emancipation

Acknowledgements. This work is based on research supported by the Russian Science Foundation (the grant number 21-18-00125).

Information for citation: Ivanov, D. V. (2021), "Critical Social Theorizing in the Age of Digitalized Alienation: Overview of the Global Roundtable "Critical Theory Today: Heritage and Usage", Research Result. Sociology and management, 7 (2), 144-155, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-11.

Заключительная статья главного редактора

Иванов Д. В.

**Критическая социальная теория в эпоху цифрового отчуждения:
обзор глобального круглого стола «Критическая теория сегодня:
наследие и применение»**

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9, 199034
dvi1967@gmail.com

Аннотация: Статья представляет обзор виртуальной встречи исследователей, развивающих критическую теорию общества в различных формах в разных странах. Глобальный круглый стол был организован вокруг 9 основных докладов ведущих теоретиков. Сохраняя базовые идеи Франкфуртской школы и других марксистских и неомарксистских течений, теоретики работают над открытием новых источников для развития рациональной и в то же время гуманистической и контекстуализированной

критики новых форм отчуждения (включая цифровое) и новых форм подавления (включая неоколониализм). Участники глобального круглого стола разделяют идею перманентной рефлексии, нацеленной на продолжение критической рефлексии и на эмансипацию людей от новых форм порабощения.

Ключевые слова: критическая теория, глобальный круглый стол, цифровое отчуждение, эмансипация

Благодарность: Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ (проект № 21-18-00125).

Информация для цитирования: Иванов Д. В. Критическая социальная теория в эпоху цифрового отчуждения: обзор глобального круглого стола «Критическая теория сегодня: наследие и применение» // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 144-155. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-11.

Introduction. *Organizing a global roundtable on critical social theory.* Restrictions on social activities in the period of COVID-19 pandemics have impacted (among other social structures and interactions) academic exchanges and scientific communications. Traditional conferences were cancelled or postponed and new distant and digital forms of communication become critically important for international academic community. Overcoming new alienation arising among scholars due to institutionalization of pandemic fears, sociologists at St. Petersburg state university (Russia) organized on the Zoom platform the global roundtable '*Critical Theory Today: Heritage and Usage*'. Reflections on rising alienation and new forms of unfreedom are becoming more and more relevant in today's world. That motivates many social theorists return to ideas developed in the framework of critical theory based on the principles of reflexivity and negativity in relation to current social conditions (Horkheimer, 1982). Critical theory of society after intense development during the 20th century in the neo-Marxist way has become a part of sociological canon (Calhoun and Karaganis, 2001). But new tendencies of social change across the Western and especially non-Western countries require broader conceptual platform

to elaborate critical theoretical models relevant to current social and cultural conditions.

Idea of meeting devoted to contemporary critical social theory was proposed by Iranian social theorist Seyed Javad Miri. Conceptual and organizational design of the new event called the 'global roundtable' was made by Russian sociologist Dmitry Ivanov. On April 26, the group of scholars from different countries and continents discussed historical roots of critical theory, current state of arts in critical theorizing, and its prospects. The 9 researchers presented their views of critical theory in two rounds of discussion. Each round was about one and half hour and provided key speakers and other participants from different time zones around the globe (from Singapore, Russia, Iran, Turkey, Italy, Great Britain, the USA) with possibility to contribute into debate.

Questions proposed to discussion were as follows:

- What are traces and places of critical theory in today's social science?
- How can we use critical theorizing patterns inherited from Marxism and neo-Marxism?
- Should we use the 'critical' as just a label for new leftist conceptualizations or

otherwise return to classical dialectics of critical and traditional?

- How critical or traditional is neo-Marxist theory after poststructuralist / postmodernist turn to theorizing the discursive formations?

- Does emergence of postcolonial theorizing open the next stage of critical theory development?

- Being anti-metaphysical in the 19th century and anti-positivist in the 20th century, can / should the critical theory now be anti-constructionist?

- What emancipation utopias can be derived from current capitalism contradictions and anti-establishment movements?

Research Results and Discussion. *The first round: debating notion, sources, and relevance of critical theory.*

Seyed Javad Miri opened and moderated discussion during the whole event. Seyed Javad Miri is Swedish-Iranian social theorist currently working at Institute of Humanities and Cultural Studies in Tehran, Iran. His recent works include *Revisiting the Critical Theory of Syed Hussain Alatas* (Brill, 2021), *Frantz Fanon and Emancipatory Social Theory: A View from the Wretched* (2019), *Ali Shariati and the Future of Social Theory: Religion, Revolution and the Role of the Intellectual* (2017), *Malcolm X: From Political Eschatology to Religious Revolutionary* (2016).

Opening the global roundtable, Seyed Javad Miri asked contributors give us historical and at the same time practical picture of critical social theory including ways of implementation of its emancipative and normative concepts.

Michael Naughton started discussion with speech about of the critical social theorizing engagement in human rights defense in the context of legal system which is invested by power relations. Michael Naughton is a social theorist and a reader in sociology and law across the Law School and School of Sociology, Politics and International Studies (SPAIS) at the

University of Bristol, UK. He is author or sole editor of four books, including *The Innocent and the Criminal Justice System* (Palgrave Macmillan, 2013) and *Rethinking Miscarriages of Justice: Beyond the Tip of the 'Iceberg'* (Palgrave Macmillan, 2007).

Michael Naughton said his research started about 20 years ago as very abstract and quite theoretical but later turned into practical and activist. Critical theory for him personally is about truth, justice and equality. It is also about challenging power relations. Key theorists for a such kind of theorizing are M. Foucault and K. Marx. However, critical theorizing can be revealed in more traditional theories which are not critical, generally speaking, but they are critical and radical in some aspects. For instance, E. Durkheim's conception of solidarity or M. Weber's conception of rational authority.

The research and activism in the area of assistance to convicted and imprisoned people relay on the reading Foucault's understanding power as a discourse or as a knowledge-power. The researcher's goal is to give voice to subjugated discourses in games of power. Social theory is in such case a dynamic force in an activism. That is a theory the students really need. Students in today's universities consider social theory as reluctant because even after compulsory courses of social theory they don't know which social theory can be used to explain social problems they study. Michael Naughton's own experience of presenting academic articles as arguments in the court to defend rights of convicted people can be qualified as cases of critical theory practical usage. That is activism inspired by critical social theory in broad meaning of this term.

Defining critical theory as an understanding how society works to utilize it to make changes in society, researcher can use Durkheim's idea of solidarity. According to Durkheim crime punishment has to maintain solidarity in society. But unjust conviction, disproportional exercise of power to working class people and ethnic minorities provoke protests and undermine normal

functioning of communities. That undermines solidarity. Critical social theory can help us to change legal system making it more reflexive and more sensitive to public opinion. Priority should be given to substantial justice and not to formal one. This distinction based on Weber's ideas also can be considered as a part of critical social theory. Procedure doesn't provide the truth and justice and dominant discourse in the legal system should be criticized with use of various sources of social theorizing.

Syed Farid Alatas continued discussion expressing his sympathy to Michael Naughton's approach to critical theory as having emancipatory, deliberating potential to deconstruct and to demystify social order. Seyed Farid Alatas is professor of sociology at the National University of Singapore. He has authored numerous books and articles, including *Sociological Theory beyond the Canon* (with Vineeta Sinha, Palgrave, 2017), *Applying Ibn Khaldun: The Recovery of a Lost Tradition in Sociology* (Routledge, 2014). His areas of interest are the sociology of Islam, social theory, religion and reform, and the study of Orientalism.

Seyed Farid Alatas proposed to discuss different sources of critical theorizing. Western tradition presented by Marx and by thinkers inspired by Marx, including those mentioned by Michael Naughton, is important. But there are intellectual sources outside European tradition or Euro-American tradition. Because of Eurocentric domination and because of intellectual imperialism many resources for critical theorizing are unknown. Some of such resources are not presented in curricula. For example, everyone among us knows about W. Dubois and other thinkers belonging to pan-African tradition of social critique. But they mostly are not included in the introductory courses on social sciences. In some cases, thinkers are so much marginalized that they become very obscure. One of such thinkers who studied colonial regime was Jose Rizal in Philippines at the 19th century. Many thinkers contributed to fundamentals of social sciences in that

formative period. They analyzed society critically and inspired oppositional, anticolonial and revolutionary movements. This is the problem of Eurocentrism. Decolonization of knowledge now is related to BLM movement which has influenced academia and has impacted campuses in the USA and UK. At the same time in the context of Malaysia and other Muslim countries intellectual domination and hegemony lead to exclusion of non-European thinkers and also women who contributed to history of social sciences.

Another form of hegemony in knowledge production is the state control and authoritarianism. Non-democratic regimes restrict possibilities to develop researches and theories which deconstruct mythology supporting power and inequalities. The state and religious authorities are controlling academic discourses including the banning books. One more 'ism' creating problems for social theory is sectarianism. In Malaysia, for example, sectarianism takes form of anti-Shiaism (hate speech supported by the state, disinformation about Shia history, oppression of Shia culture etc.). One more example is ethnonationalism arising in Myanmar in the form of Buddhist fundamentalism and oppression of Muslim and Hindu minorities. Ultrnationalism impacts academic discourses. So, Eurocentrism is only one of problems we face on the way to critical emancipatory social knowledge. Our academics are involved in demystifying of the dominant constructions of reality and in intervening in the real life of people. But not at high extent. For example, criticizing anti-Shia discourses as based on stereotypes and false interpretations of history of Islam. Generally speaking, Malaysian academics don't use intensively tools and legacy of social theory to intervene in the social life.

Dmitry Ivanov in his presentation 'Critical Theory and Dialectics of Modernity' returned discussion to classical Western roots of critical social theorizing and to the question of its relevance under conditions of postindustrial capitalism. Dmitry Ivanov is

full professor of sociology at St. Petersburg State University, Russia. He is the author of several books published in Russian including *Virtualization of Society* (2000) and *Glam-Capitalism* (2008). His recent international publications are 'Post-globalization, Post-virtualization, and New Inequalities' in the book *Changing Democracies in an Unequal World* (Franco Angeli Open Access, 2020) and 'New Configurations of Inequality and Glam-Capitalism Structures' in the book *Global Inequalities in World-Systems Perspective*. (Routledge, 2017).

Dmitry Ivanov distinguished two lines in the development of critical theory: Kantian neo-Marxism by M. Horkheimer and Hegelian neo-Marxism by H. Marcuse. The society as permanent dialectical negation and empirically-based utopianism had enabled H. Marcuse's critical theory to reveal the direction of modern society transformation in the 20th century. Hegelian paradigm 'Thesis – Antithesis – Synthesis' takes form of dialectical negation in Marcuse's development of notion of freedom: Reason – Eros – Post-technological rationality.

Utopia of 'Reason' (rationalized society) formulated by Marcuse in the 1930s was derived from leftist revolutionary movements, but by the 1940s the rationalization thesis had become an affirmative discourse for arising organized capitalism (large corporations, labor unions, welfare state).

Utopia of 'Eros' (desublimated society) formulated in the 1950s as dialectical antithesis for rationalization was extracted from marginal values and alternative lifestyles of esthetic communities and hedonistic subcultures of radical intellectuals. By the 1960s the concept of desublimation turned from critical idea into descriptive and affirmative discourse for affluent society providing managed satisfaction of socially constructed needs and desires of consumers. That motivated Marcuse to renew dialectical theorizing as the negative analysis of the reified system absorbing the alienated existence in the one-dimensional society.

Utopia of 'Post-technological rationality' (the 'Great Refusal' and new sensibility leading toward open multidimensional society). The new anti-system concept formulated in the 1960s as dialectical synthesis of 'Reason' and 'Eros' presented new social movements (antiwar, feminist, ecologist, for civil rights of minorities) as movements of difference. By the end of the 20th century the concept of post-technological rationality became affirmative discourse for the system of postindustrial capitalism. The Great Refusal of outsiders resulted in a 'multi-dimensional society' as the system of administered tolerance, diversity, inclusive citizenship, multiculturalism, and positive discrimination of minorities. Reified system has absorbed outsiders as new forms of social control are inclusive and impose diversity on people.

An unintended result of three decades of critical theorizing is a general pattern of Modernity dialectics. The system normalizing unfreedom and anti-system movements refusing normativity are interrelated in dialectical way: anti-system utopias of the marginalized outsiders and protest movements oppressed by dominant structures of the present turn into sources for the dominant structures and patterns of agency in the future. Dialectical pattern 'system – anti-system outsiders – new form of sociality' can be seen in virtualization of society during last decades of the 20th century.

Virtualization is replacement of things and real actions by images and communications. Virtualization was the anti-system movement in the 1980-90s when digital technologies enthusiasts created virtual networks escaping control of reified institutions. But now that 'Great Escape' of cyberpunks, hackers, pirates, and copyleft activists has been absorbed by the system. Contemporary postindustrial capitalism is based on virtualization of production and consumption and on compulsory use of digital platforms. Commodification of images takes form of branding that generates enormous market value in current economy.

Capitalization on images intensifies communications and makes network the most relevant organization structure. Social life is alienated into virtual realities of branding, image making, and digital networking. The current cycle of Modernity dialectics is negation of virtualization by anti-virtual turn to 'new materiality' and then its negation in post-virtualization as a rise of augmented social reality.

Dialectical negation now is driven by movements representing the new utopia: authenticity revolt against virtuality. Commodifying images, current capitalism of brands and trends alienates identity as fundamental component of social existence. That provokes counter-movements for authenticity and against ephemeral but powerful structures of current capitalism. On the line of confrontation between glamour of postindustrial capitalism and alternative reality of craft and sharing the newest forms of commodification and protest in urban spaces are converging on the move towards the system of alter-capitalism. Post-virtualization creates social life as an existence full of cyber-physical experience. Different social realities are mutually penetrated and take form of augmented reality integrating physical and digital, material and symbolic, modern and 'postmodern' components of human life.

The next phase of dialectic of Modernity is rooted in the contradiction between augmented social reality emerging in the global cities as super-urban enclaves and exhausted sociality in small cities and rural communities which are losing material, symbolic, and human resources 'washed away' by flows directed towards super-urban hubs of globalization and virtualization. 'Augmented Modernity' contrasted with 'Exhausted Modernity' can be a starting point for the future critical theory of society.

Using Marcuse's model of critical theorizing as permanent dialectical negation we can say Marxism is now an affirmative discourse. Neo-Marxism also is affirmative discourse. We have to identify among

outsiders of contemporary society new liberation movement being political or cultural and to reveal ways of it becoming a source for the newest form of social control and normativity. That is paradox or dialectic of critical theory. The general task for the next phase of critical theorizing can be formulated like it was done on the Marcuse's grave stone in German cemetery: 'weitermachen!' (let's continue!).

Yuri Asochakov focused his speech on the question '*What are traces and places of critical theory in today's social science?*'. Yuri Asochakov is associate professor at St. Petersburg State University, Russia. He studied post-Hegelian philosophy and genesis of critical theory. His recent publications are dedicated to digital inequality and to post-globalization.

Yuri Asochakov said that in the theoretical field of sociology, two types of theory are clearly distinguished. Stabilizing Theories are aimed at description of society and creating its theoretical models. Theories of this type are aimed at explaining and legitimizing the established way of life of society. Those theories are methodologically objectivism-oriented, expanding their empirical basis, systematizing present socio-political discourse, and searching for a project of optimal stable functional model for the current order of society's life. Another type of theory is focused on creating a project of radical fundamental changes in the existence of society, carrying solutions to problems, often hidden and invisible for stabilizing theories. The theories of the critical type are activism-oriented, aimed at describing the process of society's life, rather than its empirical structural manifestation. They base analysis on a speculative-projective way of thinking.

The presence of these two types of social theories is necessary to solve the practical problems of the existence of society which, like any systemic object, must resolve the problems of preservation and stability and at the same time be ready for changes.

These two types of social theories form two poles of the theoretical field in which particular theories gravitate to either one or other type. The theories that most fully embody these tendencies (stabilization and critique) are distinguished in the history of sociology of the periods of the First Modernity (Classical capitalism of the 19th century) and the Second Modernity (Modern industrial society of the 20th century) and are presented as theoretical oppositions placed asymmetrically: stabilizing theories occupy the dominant center defining the mainstream of socio-political discourse (and looking like ideologically repressive discourse of structure). Critical theories are located on the periphery and they define the so-called 'discourse of liberation'.

What happens during our transition to a new phase of Modernity, to an Information Society or a Digital Society? The main perspectives and illusions, as in the periods of any phase of transition, are related to the technological factors of the transition.

The transition to the Third Modernity is mainly associated with the emergence of new communication technologies and primarily the internet which makes it possible to understand the essence of this transition as a virtualization of society (i.e., the emergence of a new dimension of human existence where there are new features and prospects). The internet and the Digital Society were understood as the territory of freedom where the main limitations of the Modernity of the Analogue period (inequality, hierarchical dominance, repressive regime) were overcome or weakened. The network organization of structures with the absence of the principle of hierarchy, center, repression, and the institutionalization of the multiplicity of life-worlds were assumed by the proponents of these theories (cyber-utopianism) to be the main perspective for the development of a new society.

What today can constitute a critical pole in the theoretical field of social science? These are theories that indicate that the new digital world is based on the same principles

as the analogue world, but those limitations and exceptions are becoming more hidden. Relativistic approach motivates us to say that the solution to one problem generates new ones. Appropriate theoretical efforts are needed to understand the nature of the new digital alienation and the new form of the problem of freedom, and first of all in the mode of critical thinking. The simplest form of it is now cyber-skepticism. There is reason to believe that a previous structure based on the opposition of stabilizing theory and critical theory will remain in today's theoretical field. A meaningful critical interpretation of the new society should be more theoretically advanced than straight criticism of theories caused by cyber-optimism and cyber-utopianism.

The second round: contextualizing critical theory in the humanity space and time.

Stephen Turner opened the second round of the global roundtable with his presentation 'Critical Theory or Left Schmittianism?'. Stephen Turner is distinguished university professor at the Department of Philosophy at University of South Florida. He has written extensively on the issues in social and political theory, especially related to Max Weber and his critics, on liberalism, populism, and the administrative state.

Stephen Turner revealed parallels in critical theorizing of Frankfurt School and K. Schmitt's political philosophy. Critical theory was a response to the failure of the proletariat to fulfill its historic revolutionary destiny of overturning capitalism, liberalism, the bourgeoisie, and so on. The socialist idea lost steam after the establishment of eight-hour day. Socialism as an ideal hung on, but changed form, suffered from internal conflicts, became subordinated to Soviet foreign policy and discipline, etc. Left thinkers adopted Schmittian logic presupposing that every religious, moral, economic, ethical, or other antithesis transforms into a political one if it is sufficiently strong to group human beings

effectively according to distinction ‘friend or enemy’. All concepts in critical theory become political and confrontation-oriented. For example, Marcuse defined the term of tolerance in that way: tolerance is a term which negates the possibility of revolutionary truth and thus is a form of intolerance of anything but the acceptable liberal standpoints, which it labels as intolerant, and “tolerance” is therefore a form of oppression. Kirchheimer did the same with term of justice: there is no such thing as non-political justice.

Critical legal studies represent one of dominant discourses in the critical theorizing in the USA. Critical legal studies are projected as inspired by critical theory but the basic ideas are Schmittian. Key idea is that such thing as legal neutrality doesn’t exist. Law is policy, judges and lawyers are policy makers. The idea of applying the law and the rule of law is for second rate lawyers. The elite understands and should understand its role as political. The elite of law are the sources of social justice. The critique of liberalism is exemplified by feminist jurisprudence which is very influential now. This approach in works by C. MacKinnon presupposes that liberal morality cannot deal with illusions that constitute reality because its theory of reality, lacking a critique of the distribution of social power, cannot get behind the empirical world, truth by correspondence. On the surface, both pornography and the law of obscenity are about sex. But in fact, it is the status of women that is at stake. Gender neutral and objective formulations avoid asking *whose* expression, from which point of view? Whose law and order? The fact is that what we see, what we are allowed to experience, even in our own suffering, is overwhelmingly constructed from a male point of view.

Critical race theory continues that logic. Purported basis is critical legal studies (strong focus on law and then on oppression. Now theory expands to non-legal forms of oppression, meaning anything that produces difference that favors the dominant group.

Black is substituted for women, white for male. The list of non-neutral topics expands to include such things as mathematics. Subdivisions are added to accommodate the fact that the multiplication of perspectives means that people are in multiple categories. This is intersectionality: thus, Black Lesbian Women are in a specific category of oppression. Adding Marxian false consciousness to Schmittian anti-neutrality in each of these cases produces the following: The actual victims of oppression are additionally oppressed by their false beliefs in liberal neutrality. The overcoming of these false beliefs depends on education. Education depends not on (inevitably distorted) actual experience, but on experts. Consciousness raising, coercive educational methods, and the like are needed to produce the correct expert-derived form of consciousness.

The “critical” part in the critical theorizing, after the Marxist teleology is abandoned, comes down to anti-liberalism. This is better understood in Schmittian terms: against economic neutrality, or neo-liberalism, and against political neutrality, meaning political institutions whose neutrality disadvantages any identity group with its own solidaristic unity. But because these solidarities, concepts of justice, emancipation, etc. conflict with one another and have different bases, they need a common enemy. They also need a common myth about future universal solidarity, as an alternative to the rule-bound neutrality of the liberal order. This means a state and institutions which employ direct means, such as redistribution, not the indirect means of liberalism.

There is no a coherent ideology in such critical studies but the ‘friend-enemy’ grouping in the oppression paradigm is obvious. Such categories as Jews, “capitalism,” the richest 1%, white males, Republicans, Evangelicals, the police are confronted with Feminists, Islamists, POCs, the formerly colonized, anti-fascists, the poor, Palestinians, migrants, Iran, China, Africa and other oppressed countries. The confrontation logic leads to some paradoxes. If perspectives

determine what oppression is, and perspectives are irreducibly in conflict, and the goal is “emancipation,” i.e., the elimination of oppression without the production of new forms of oppression, the obvious non-violent solution is a neutral legal regime, such as a democracy. But neutrality is itself oppressive if it conflicts with any perspective. The questioned is solidarity: is it in a new form – inclusion – the solution? Is this coherent, or just a negation? In political aspect, can these emancipatory movements add up to anything other than a new totalizing political expression that is itself repressive?

The liberal answer is “no.” The metamorphosis of moral ideals into law transforms “justice” into a machine of coercion. There is no magic solution to the problem of different conceptions of justice, and democratic majoritarianism, with protections for minorities, is still the best solution. The Left answer is “yes.” The old teleology of the march to socialism was right, and universal solidarity and the replacement of politics with the administration of things is still possible. We are now there, in this point of debates.

Rudolf Siebert presented conceptual fundamentals of his theory of religion developed out the critical theory of the Frankfurt school. Rudolf Siebert is professor at Olivet College in Michigan, USA. His main works are *The Critical Theory of Religion: Frankfurt School* and *From Critical Theory to Critical Political Theology: Personal Autonomy and Universal Solidarity*.

Rudolf Siebert started his studies shortly after World War II. About 25000 Germans imprisoned by the Allies were selected to be learned in anti-nazi way to restore liberal state and society. Siebert's critical theory of religion was an attempt to apply principles he learned in the Frankfurt school from M. Horkheimer and T. Adorno. He participated in foundation of Christian Democratic Union (CDU) as a party where workers and Christian bourgeoisie can be together. The development of critical theory of religion was presented in about 30 books

and 500 articles. For the developing critical theory of religion dialectical methods were used. The negative dialectic was received from Horkheimer, Adorno, and Marcuse. But it referred to the great tradition of Kant and Hegel. Idealistic notion dialectic was combined with materialistic reality dialectic taken from Marx. In contrast with positivism, critical thinking was concerned with contradictions or antagonisms in society and knowledge. Classical ideas of Horkheimer and Adorno were integrated with J. Habermas' ideas of language competence and A. Honneth's ideas of struggle for recognition.

In the 21st century, neo-Marxism has lost a critical power. Postcolonial studies open the next stage of the critical theory. But postcolonial theory is really critical when it includes not only identity politics but also class issues and surplus value redistribution problems. According to critical theory of religion, the emancipation utopia in the post-secular society can be derived from surplus value issue. It presupposes collective appropriation of collective labor results.

Dustin J. Byrd presented his view of critical theory in front of rising ethnonationalism and pathological critique. Dustin Byrd is associate professor at Olivet College in Michigan, USA. He is a specialist in contemporary Islamic thought and the Frankfurt School's Critical Theory of Religion. He has published extensively on critical social theory.

Dustin Byrd insists critical theory is in a precarious state at the moment. There are two destructive forces in American civil society and in the Western societies in general. The first such force is ethnonationalism attacking liberal multiculturalism and globalization. The second one is a pathological critique negating the Enlightenment with its fundamental values of liberty, equality, and fraternity. With two those forces civil society is becoming self-destructive. In reality, critical theory stands between ethnonationalism and pathological critique.

Modern democratic citizenship undermines traditional communities and identities (*Gemeinschaft*). The nation now faces overdiversification. Frustrated Europeans and Euro-Americans tend to support ethnonationalism joining the far-right groups and campaigns aimed at de-diversification of ethnosphere. On the other hand, pathological critique is represented by broad spectrum of the political left. We need to distinguish rational determinate negation in critical theory and irrational abstract negation characterizing many leftists today. The Enlightenment is totally negated because of history of colonialism, racism, labor exploitation, and gender domination. Pathology of this critique is rooted in abstraction and totality of negation. For example, many classics are excluded from university curricula because the authors were white men who 'propagated white supremacy'. The entire field of study like Rome history or Babylon history should be cancelled due 'whiteness' of all classics. That is called a spiritual catastrophe. The same story is with Kant, Hegel, Marx, Freud and other philosophers. From the point of view of pathological critique, even Hegel's dialectical logic is a form of racism and domination. The scientific method in general is condemned as 'white invention'.

Critical theory, especially the first and second generations of the Frankfurt school, stands in between. Critical theory shares with the new right critique of global capitalism, concern with cultural industry and market imperialism. But critical theory cannot accept biologized nationalism and demonization of migrants and refugees. Critical theory shares with other forms of leftism critique of labor exploitation, class, race, and gender domination. But it doesn't accept negation of classical philosophical and cultural foundations of liberation thinking. The negative dialectic of the Frankfurt school is not totally negative and the positive should be rediscovered in the negative dialectic. Critical theory should be preserved despite all unacceptable now elements of traditional

thinking to struggle against both ethnonationalism and irrational pathological critique.

Detlev Quintern spoke from historical perspective about Marx and Marxism in an universalistic context. Detlev Quintern is assistant professor at the department of Cultural and Social Studies at Turkish-German University, Istanbul, Turkey. His latest publication was an anthology (ed. with Kerstin Knopf) discussing Karl Marx and Marxism from several perspectives, including post-, decolonial and anti-imperial approaches.

Detlev Quintern started with statement which sounded very provocative: Marxism to some extent turned into national socialism because it imposed universalistic view on all regions of the World and all periods of history. The theory of society's evolution ignored specificity of values, social life and cultures outside Western capitalism. Traditional Marxism was optimistic. Socialism as a stage of society's development was viewed a necessity beyond particularities of ethnicities and identities. The revolutionary working class is precondition for the better free society. Critical Marxist theory deconstructs and negates this teleology. Now we have to discuss possibility of post-Marxist universalistic critical theory which would include anti-imperialist and anti-colonial texts and voices from Asia, Africa, and Americas. They should be included alongside with non-Marxist theories of community, solidarity, and freedom (for example, anarchist theory by P. Kropotkin). All views of the future better and harmonious life should be included in the new universalistic critical theory.

The cornerstones of Marxist theory have to be discussed beyond ideological bias. Marx extracted from the history the 'pure capitalism' to analyze current society and to develop theory of future society – socialism. But that 'pure capitalism' is beyond reality. The class theory based on an idea of property possession / dispossession doesn't allow us to understand specific social structure and

foundations of anti-imperialist and anti-colonial resistance in the non-Western world. Marx and Engels underestimated or even ignored the role of political violence which was so important in the genesis and expansion of real capitalism. Critical theory needs ontological meta-scientific understanding of life beyond traditional 'laboratory' of national economy with its mathematization of sociality. The values of justice and life should be fundamentals and then appropriate scientific and technical tools can be enrolled.

Seyed Javad Miri (Institute of Humanities and Cultural Studies in Tehran) intervened in the discussion with the idea of the alternative sources for critical social theory. He quoted Horkheimer's definition of critical theory from 'Dialectic of Enlightenment'. Horkheimer argued that theory is critical to the extent it seeks human emancipation from slavery. In other words, critical theory aims to transform all circumstances economic, political, religious, cultural, local or global, which enslave human beings. We have to contextualize or localize critical theorizing. Authoritarian political forces and obscurantist religious forces from one side and new colonialist policies in the form of so called 'smart sanctions' from another side work against human emancipation and enslave human beings in non-Western societies. We need the really new perspective which would be critical in non-Eurocentric way. In the recent decade, several works were published to rediscover thinkers outside Euro-Atlantic canon: Malcolm X, Ali Shariati, S. H. Alatas and others. That is done to expand our understanding of social critique and to broaden classical foundations of social theory. In this sense, we can integrate the Eastern West, Southern North etc. to understand reality shaped by tension between neo-colonial and post-colonial tendencies and to act against new forms of enslavement.

Conclusion. *Permanence of critical reflection.* About 20 participants joined during the day of April 26, 2021 the global roundtable and participated in two rounds of discussion on heritage and usage of critical social theory. Preserving basic ideas from the Frankfurt school and other lines of Marxism and neo-Marxism, critical theorists are working to open new sources for development of rational and at the same time humanist and contextualized critique of new forms of alienation (including digital one) and new forms of oppression (including neo-colonialist one). Participants of the global roundtable have shared idea of permanent reflection aimed at continuation of the critical theorizing and at the emancipation of human beings. Seyed Javad Miri has proclaimed in his concluding remark future rounds of this global roundtable to emancipate at least theorists themselves from the newest slavery.

Considering circle of contributors and originality of their discourses, we can conclude that the attempt to draw the picture of the critical theory relevant to conditions of the 21st century should be assessed as very successful. The intellectual network that is a result of the first global roundtable has become the fruitful source for the next global roundtable. Its title is 'Critical Social Theory: Relocating Critical / Post-Colonial Social Theory: Religion, Solidarity, Emancipation'. It was organized on May 17, 2021.

References

Calhoun, C., Karaganis, J. (2001) *Critical Theory*, in Handbook of Social Theory, ed. by G. Ritzer and B. Smart. London: SAGE Publications, Chapter 15, 179-200.

Horkheimer, M. (1982) *Critical Theory. Selected Essays*. New York: Continuum Publishing.

Статья поступила в редакцию 23 апреля 2021 г. Поступила после доработки 12 мая 2021 г. Принята к печати 30 мая 2021 г.

Received 23 April 2021. Revised 12 May 2021. Accepted 30 May 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Dmitriy V. Ivanov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.